

Кристи Голден
Танец мертвых
Серия «Ravenloft», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146573

Танец мертвых: Терра; Москва; 1994

ISBN 5-85255-594-0

Оригинал: ChristieGolden, "Dance of the dead"

Перевод:

М. Шадрин

Аннотация

Юная Ларисса, которую называют Снежной Гривой из-за необыкновенно красивых белых волос, талантливая танцовщица плавучего корабля-театра «Мадемуазель Мюсарда», которой покровительствует его загадочный владелец Дюмон, тайно влюбленный в нее, оказывается вовлеченной в волшебные и жуткие события, в которых участвуют духи земли и природы, а также зомби и их Властелин, где цвет ее волос является таинственным знаком.

Содержание

Глава I	5
Глава II	24
Глава III	38
Глава IV	49
Глава V	65
Глава VI	82
Глава VII	96
Глава VIII	109
Глава IX	126
Глава X	142
Глава XI	161
Глава XII	174
Глава XIII	189
Глава XIV	204
Глава XV	217
Глава XVI	230
Глава XVII	243
Глава XVIII	257
Глава XIX	269
Глава XX	284
Глава XXI	299
Глава XXII	312
Глава XXIII	331

Кристи Голден

Танец мертвых

Глава I

– Лиза блистает сегодня, не правда ли? – прошептал Сардан Лариссе, наблюдая за звездой спектакля.

Молодая женщина с белыми волосами ответила Сардану счастливой улыбкой и воодушевленным кивком головы.

Лиза Пенелопа, звезда «Удовольствия пирата», была одна на сцене плавучего театра «Мадемуазель Мюсарда» в центре мизансцены, созданной искусным иллюзионистом. Босые ноги Лизы были в белом песке, над ней склонялись пальмы. Если отвлечься от торжествующего голоса Лизы, можно было услышать вдали успокоительную мелодию волн. В этом был один из секретов успеха «Мадемуазель» в портах, где давались спектакли.

Высоко вскинув голову, красавица-сопрано пела с энтузиазмом. Ее рыжие волосы горели на театральном солнце тропиков. Каждая нота казалась Лариссе чище и сильнее, чем обычно.

Молодая танцовщица и ведущий тенор Сардан наблюдали Лизу из-за кулис. Выступление Лариссы в спектакле было завершено, но она замешкалась за сценой, чтобы послушать

финальные партии. Привлекательный Сардан поправил свой костюм, в последний раз причесался и вышел на сцену, протянув руки Лизе.

Не страшись, любимая Роза,
Любовь твоя не безответна —
Морская Леди простирает
Всепрощающую длань.

«Роза» обернулась, ее лицо переполняла радость:
– Флориан! – Их голоса зазвучали вместе.

Они страстно целовались, а зрители громко выражали свое одобрение. Надежно закрытая занавесом, Ларисса улыбалась. «Вот это игра!» – горько подумала она. Ей самой повеса-тенор нравился, но все знали, что Лиза не переносит Сардана. Это привело к тому, что Сардан делал страстными все свои поцелуи на сцене, находя дьявольское удовольствие в том, что Лиза была вынуждена отвечать взаимностью. Зато потом она давала волю своему возмущению.

На сцене стало темно, и зрители увидели тропические звезды на ночном небе. Внезапно стали видны очертания корабля, улыбающиеся участники спектакля кланялись публике. Ларисса, игравшая роль зловещей Морской Леди, сгибаясь в поклонах, изучала публику. Наконец она нашла, кого искала – Рауля Дюмона, капитана «Мадемуазель Мюсарда», который ей улыбнулся и незаметно кивнул.

Рауль Дюмон был крупным мускулистым мужчиной. И,

хотя его светлые волосы начинали седеть около висков, а черты загорелого лица стали жестче, в свои 43 года он не потерял силы и живости. Многие капитаны набирали вес и становились ленивы от недостатка физической нагрузки, довольствуясь командованием. Не таков был Дюмон.

Он был большой не просто физически. Картину дополняли хорошая фигура и раскатистый голос. С артистами – особенно с двадцатилетней своей воспитанницей Лариссой – и с посетителями он был мягок и приятен в общении. Он производил впечатление энергичного и компетентного человека. Экипаж судна знал его лучше. Он редко прибегал к физической силе. Для многих было достаточно взглянуть на его сомкнутый чувственный рот и сжатые мозолистые кулаки.

«Дядя Рауль» был опекуном Лариссы с тех пор, когда ей исполнилось 12 лет, от него же она получила роль Морской Леди. Молодая танцовщица всегда стремилась угодить ему своей игрой. В тот вечер Ларисса была уверена, что разборчивый капитан доволен ходом событий. Тем не менее она тронула за рукав проходившего мимо Сардана и шепотом спросила:

– Как ему понравилось?

Прежде чем ответить, тенор внимательно оглядел ее. Она была настоящей красавицей, даже в большей степени, чем Лиза. В отличие от певицы она не вполне осознавала свой дар. Ее голубые глаза с доверием смотрели на Сардана, а белая грива волос, украшенных ракушками, струилась по спи-

не. Годы танца сформировали фигуру, выглядевшую очень привлекательно, особенно в костюме Морской Леди. Улыбка тронула уголки губ Сардана:

– Пока танцуешь ты, капитану будет нравиться.

* * *

Несколько часов спустя Ларисса сидела подле Дюмона в качестве гостыи местного барона. Открытый костюм Морской Леди она сменила на целомудренное закрытое платье. Кремовый оттенок шуршащей ткани выгодно контрастировал с ее розовой кожей и белизной длинных густых волос. Ее странно белые локоны подтолкнули ее к избранию сценического псевдонима «Снежная Грива». Ее волосы были красиво уложены, на шее была брошь с камеей.

Предстоящие месяцы они предполагали провести в дружественном порту Невучар Спрингс в стране Даркон. Населенный в основном эльфами маленький портовый город был столь же восприимчив к развлечениям, как и другие места, которые посетила «Мадемуазель», а в выражении благодарности даже превосходил их. В этот вечер спектакль посетил барон Талын Красное Дерево. Он настоял на том, чтобы артисты и Дюмон пришли к нему домой поздно вечером на обед.

В то время как другие поддерживали разговор, Ларисса нервно теребила салфетку. Она отчаянно желала, чтобы на

обеде была ее подруга Касильда, в таком случае она не чувствовала себя потерянной.

Зал, в котором происходил обед, производил впечатление одновременно теплоты и величия. За столом красного дерева с прекрасными льняными салфетками сидело двадцать человек. Мраморные стены были отделаны разными панелями из дерева, изображающими сцены из жизни богачей – соколиная охота, рыцарские поединки. Камин был высотой в человеческий рост, огонь в нем, казалось, не только согревал зал, но и освещал его. Два изящных хрустальных канделябра со многими свечами проливали много света. В результате зал, выдержанный в строгих тонах, был ярко освещен.

Барон Талын встал. Его длинные пурпурные одежды мягко колыхались. Свет канделябров отбрасывался его поясом и кулонами из серебра и хрусталя. Вопреки многим пережитым десятилетиям эльф мальчишеским жестом отбросил непослушные волосы с удивительных фиолетовых глаз. Его худое лицо оживилось улыбкой. Он поднял драгоценный бокал.

– Я хотел бы провозгласить тост, – начал барон, – за прекрасный корабль «Мадемуазель», за капитана Рауля Дюмона, благодаря которому корабль стал волшебным и чудесным. За моего собрата-эльфа Джелаара, чудеса которого чаруют зрителей раз за разом. За удивительных артистов плавучего театра, принесших столько счастья моему народу. Наконец, если мне будет позволено, – здесь Талын обратился весь

свой блеск на довольную Лизу, – за мисс Лизу Пенелопу. Моя дорогая, в этом букете талантов вы поистине роза.

Он слегка наклонил голову и, не отрывая взгляда от певицы, выпил из золотого кубка.

Возгласы одобрения наполнили комнату, польщенные гости опустошали свои бокалы. Ларисса прятала улыбку, наблюдая за реакцией коллег. Сардан мрачно осушил свой кубок. Дюмон приподнял бровь, но более ничем не выдавал своих мыслей. Джелаар, казалось, был доволен комплиментом.

Если «Мадемуазель» была детищем Дюмона, начиная от специально сконструированного гребного колеса и кончая магическими элементами, которыми чародей-капитан наполнил пароход, то спектакль, который отмечали сегодня, был делом рук Джелаара. Маленький эльф непосредственно был ответственен за успех «Удовольствия пирата». Он расставил артистов, организовал световые эффекты и «чудо-виц», появлявшихся на сцене.

И все это несмотря на трагедию, разыгравшуюся с ним год назад. Дочь Джелаара, очаровательная Арадния с солнечными волосами, однажды ночью сбежала с мошенником. Джелаар так и не оправился от этого удара. Отныне темноволосый бледный эльф редко улыбался, и его спокойное достоинство и едва скрытая печаль вызывали сочувствие и уважение всех, кто с ним сталкивался.

Лиза же вела себя, как львица на солнце, как королева,

наконец-то получившая должную оценку. Но огненнокудрая певица грациозно принимала похвалы, поощрительно улыбаясь, не давая воли своим чувствам. Ларисса испытывала нетерпение, желая скорее вернуться на корабль и все рассказать Касильде.

Немного погодя Сардан, сидевший по левую руку от Лариссы, наклонился и прошептал:

– У нас может быть новый покровитель.

Белые брови Лариссы сошлись на переносице:

– Что ты хочешь сказать?

– Посмотри на этих двоих, – тихо сказал певец, указывая кивком в направлении Лизы и барона. – Некая рыжая голова украсится не сегоднязавтра дорогими украшениями.

– Не все загадывают так далеко. Кстати, барон симпатичен, – ответила Ларисса.

– Наивная девушка! Он симпатичен и поэтому одарит ее драгоценностями... потом!

Когда Сардан поддразнивал ее таким образом на борту, она знала, что делать: она наносила ему удары, которым он же обучил ее для защиты от свехусердных обожателей. Здесь, во владениях Талына, однако, она вынуждена была ограничиться взглядом и смятием салфетки.

Дюмон заметил ее жест. Его острые зеленые глаза прощлись по смятой салфетке и по тому, как Лариса взглянула на Сардана, Тенор почувствовал взгляд капитана, и его веселье улетучилось.

– Вас что-то развлекает, Сардан? – вкрадчиво спросил Дюмон, отламывая хлеб. – Нечто о моей подопечной?

– Нет, сэр, ничего, – быстро проговорил Сардан, налегая на еду.

Дюмон задержал свой взгляд на молодом человеке, затем посмотрел на Лариссу. Он положил свою большую коричневую руку на перчатку Лариссы и сжал ее руку. Когда она ответила на его взгляд, он успокаивающе улыбнулся, собрав морщинки у глаз.

– Не позволяй Сардану беспокоить тебя, – мягко сказал он, – скажи мне, если он досаждаст тебе.

– Он просто пошутил, дядя, – ответила Ларисса.

Дюмон нахмурился, стерев улыбку:

– Такие шутки не к лицу молодой леди.

– Хорошо, дядя, – ответила Ларисса, стараясь снять возбуждение. Заботы опекуна иногда были кстати, но она проявляла сдержанность. Дюмон обратил все внимание на барона.

Оставшееся время Ларисса наблюдала за бароном и Лизой. Хотя они сидели по разные концы стола, между ними что-то происходило. Их глаза постоянно встречались, они обменивались улыбками. Взгляды барона выражали нечто более вечное, нежели плотское вожделение, на которое намекал Сардан.

Обед закончился в ранние утренние часы, и гости вернулись на корабль. Ожидая вместе с Дюмоном экипажи из ко-

нюшен, Ларисса поежилась от сырости воздуха. Порой туман окутывал колени, скрывая камни мостовой. Она редко бывала на берегу, где испытывала неудобство. Величественное здание, в котором они только что сидели, выглядело более зловещим в темноте.

Дюмон закутал ее в накидку.

– Спасибо, дядя, – улыбнулась она, погружаясь в тепло.

Подкатила восхитительная карета. Дюмон открыл дверцу, на которой был изображен фамильный герб Талына – красное дерево, помог Лариссе взобраться в экипаж и сел сам. Карета плавно тронулась по извилистой дороге, ведущей от дворца Талына к набережной.

– Барону вечер, кажется, понравился, – осторожно заметила Ларисса, ожидая реакции Дюмона.

– А эта очаровательная Лиза! – с чуть заметной долей сарказма ответил капитан. – Благослови, Боже, ее легко-струнное сердечко – она привлекает посетителей.

Он откинулся на бархатные подушки и сложил на груди свои коричневые руки, закрыв глаза. Издали донеслись глухие звуки, Ларисса вздохнула. Если Дюмон не хотел разговаривать, он всегда погружался в дрему.

Молодая танцовщица зевнула. «Хорошо, что завтра нет репетиций и можно будет поспать, – подумала она. – Касильда подождет отчета о сегодняшнем вечере».

Вскоре карета остановилась у причала. Ларисса улыбнулась кучеру, открывшему дверцы. Она с удовольствием уви-

дела реку Вучар и «Мадемуазель» на ней. Пароход горделиво возвышался на реке. На корме виднелось красное гребное колесо, а на носу – вырезанная из дерева фигура грифона. Корабль напоминал торт с четырьмя уровнями. На корме красовалась каллиопа, издававшая магические звуки при помощи пара. Пароход был длиной двести футов, а шириной пятьдесят. На бортах можно было прочесть название белого корабля. Гребное колесо разгоняло судно до скоростей, недостижимых для других речных судов. Частью названия корабля было Мюсард – место, где вырос Дюмон. Двадцать два года прошло с тех пор, когда Дюмон начал постройку корабля. На пароходе был устроен театральный зал, большинство артистов имело отдельные каюты, что удивительно при недостатке места.

Туман медленно облегал Лариссу, временами скрывая из глаз газовые фонари. Лунный свет придавал воде серебристый оттенок. Ларисса забыла о сырости, с теплым чувством рассматривая корабль.

– Мой дом, – сказала она сама себе. Дюмон прошел несколько шагов, прежде чем обнаружил, что идет один.

– Ларисса? – заботливо позвал он, протянув ей руку.

Танцовщица смущенно улыбнулась, протянув опекуну руку в ответ:

– «Мадемуазель» особенно красива при лунном свете.

– Да, – согласился он.

Как Ларисса и предполагала, она проспала долго. Она окончательно проснулась лишь в полдень. Как обычно, она постучала в дверь Лизы, чтобы позвать ее к завтраку.

– Ларисса? – вскрикнула Касильда, подошедшая сзади. – Говорят, что Лиза и барон... – Она многозначительно посмотрела на подругу.

Ларисса покрылась густым румянцем. Что, если Сардан оказался прав и Лиза действительно давала «специальное представление» Талыну?

Касильда Баннек, высокая темноволосая девушка, дублерша Лизы, стояла, упершись руками в бедра. Ее губы раздвинулись в улыбку:

– Теперь все равно поздно!

Хихикая, молодые женщины громко постучали в дверь еще раз. Поколебавшись, Ларисса взялась за ручку двери. К ее удивлению, дверь была незаперта. Она взглянула на Касильду, давившуюся смехом.

– Раз, два, три, – прошептала Ларисса и вместе с Касильдой толкнула дверь.

Касильда закричала и отвернулась, рыдая. Ларисса, широко раскрыв глаза, сжала пальцами плечо Касильде.

Лиза одиноко лежала на белой простыне со столь же белым лицом, в том же выходном платье, в котором она была

на обеде ночью. На шее была красная полоса. Она была задушена.

* * *

Десять минут спустя Дюмон созвал всех на чрезвычайную встречу в театре. Взмолнованные матросы и артисты сидели, а Дюмон нервно ходил перед ними по сцене.

Драгонейс, наполовину эльф, ближайший друг капитана и его первый помощник, стоял прислонившись к переборке. Казалось, что ему нет дела до происходящего, настолько он сосредоточился на вырезании фигурки из Дерева. Ларисса, однако, знала, что Драгонейс умен и обдумывает ситуацию. Насколько Ларисса любила своего опекуна, настолько же она не могла привязаться к этому полуэльфу.

– Тем, кто еще не знает, – обратился Дюмон к собравшимся, – Лиза Пенелопа сегодня утром была найдена в своей каюте задушенной.

Он остановился и прислушался к шелесту изумления. Выждав немного, Дюмон продолжал:

– Барон Талын и местные власти уведомлены и заверили меня в том, что этот... вопрос они расследуют быстро. Полиция в этой стране состоит из людей, с которыми лучше не сталкиваться.

Дюмон усмехнулся, отметив, что некоторые реагировали понимающе. Многие из команды и артистов слышали холо-

дящие душу о тайной полиции Даркона Каргате. Она подчинялась напрямую Азалину – хозяину страны.

– Нет необходимости говорить, что в память о мисс Пенелопе мы на некоторое время прервем наши спектакли. Когда мы вновь начнем их, партию Розы будет исполнять мисс Баннек. Прошу оказать ей всяческую поддержку.

Касильда потупилась и закусила нижнюю губу, слеза скатилась по ее щеке. Ларисса сочувственно пожала ей руку.

– Могут подумать, что виновата я, – прошептала Касильда. – Я так хотела эту роль, но не таким путем, Ларисса, не так...

Лариссе было нечем успокоить подругу. Ее глаза оставались сухими, но не потому, что она не жалела Лизу. Она просто никогда не плакала, давно выплакав все слезы.

– Кого-нибудь подозревают? – спросил Сардан.

Дюмон покачал головой:

– Не могу представить, кому это нужно. Но, – поспешно добавил он, – я уверен, что кто-то из города. Мы на «Мадемуазель» все как одна семья. Надеюсь, все это понимают. До завершения расследования нас попросили оставаться на борту. Надеюсь, это закончится через несколько дней. Надо проявить выдержку. Представители закона поднимутся на борт сегодня к вечеру для опроса всех. Окажите им полное содействие. Запомните, даже в дни печали и горя необходимо поддерживать свою репутацию. «Мадемуазель Мюсарда» была известна еще до того, как Лиза пришла к нам на борт.

Это надо помнить всем. У меня все. Можно разойтись.

Люди молча вставали и уходили. Сдавленные разговоры слышались на широкой покрытой ковром лестнице. Касильда вытирала лицо. Пробормотав «извини, Ларисса», она удалилась.

Ларисса, подняв руки для объятия, направилась к опекуну. Драгонейс вместе с чрезвычайно безобразным главным рулевым по прозвищу Красавчик Джек почтительно расступились. Дюмон прижал ее к себе.

– Что вы думаете, дядя? – спросила она, прижимаясь к его жесткой белой сорочке и слыша его вздох.

– Я думаю, что наш хозяин барон, отнюдь не столь добр, каким он хочет представить себя.

Шокированная Ларисса отстранилась и посмотрела на капитана:

– Не верю. Он кажется...

– Прошедшей ночью он посещал Лизу, – мягко вставил Драгонейс. – Я был на вахте. Кроме него, никто на борт не поднимался.

Ларисса посмотрела в глаза полуэльфа, ища подтверждение лжи или правде, затем повернулась к капитану.

– Подумай немножко, – продолжал свою мысль Дюмон. – Ты видела, что он был под впечатлением от Лизы. Возможно, он просил ее остаться здесь, стать его любовницей, может быть, даже женой, я не знаю. Она отказалась. В конце концов, у нее своя карьера. Он рассердился и...

Тупой ужас овладевал Лариссой, она не могла забыть ласковый взгляд Талына, обращенный к Лизе.

Дюмон обратился к Драгонеису:

– Когда власти будут на борту, попробуй получить разрешение на выход в город для продуктовых закупок. Нет никакой необходимости морить себя голодом.

– Слушаюсь, сэр. Разрешите высказать предложение? – Драгонеис обычно не спрашивал разрешения говорить откровенно. Это было рассчитано на Лариссу. – Потратьте время и побеседуйте с каждым лично. Нам предстоит нелегкие столкновения, и все должны быть подготовлены.

Дюмон вновь кивнул. Он похлопал Лариссу по спине и отпустил:

– Иди-ка в свою каюту и подготовься. Он проводил ее своими зелеными глазами. Прикосновение Драгонеиса вернуло его к действительности, и он запретил себе мысли о соблазнении воспитанницы: более неотложные задачи ждали его решений.

Для всех на борту настал тяжелый день. Нервы были напряжены. Ларисса проводила время в своей каюте, безуспешно стараясь забыть о Лизе. Она лежала на койке, сжав руки за головой и глядя в потолок.

Ее каюта, как и все другие, за исключением капитанской, была крошечной. В ней хватало лишь места для койки, небольшого комода, стула и стола. Вещей у нее было немного – лишь несколько безделушек, привлечших ее внимание в

каком-нибудь порту. От ее прошлой жизни у нее сохранился только один медальон. В нем был локон ее детских волос прежнего цвета, до того как они стали белыми.

Каюта была спартанской, но это устраивало Лариссу. Вся ее радость заключалась в танце.

Раздался резкий стук в дверь, нарушивший ее задумчивость. Она открыла дверь и впустила женщину лет сорока. Ее волосы цвета воронова крыла с седыми вкраплениями были завязаны, как конский хвост, Она была одета в поношенную куртку, под которой виднелась кольчуга. Пурпурный кушак свидетельствовал о том, что она служит в местной милиции. Она была вооружена мечом в ножнах, ее серые глаза были тверды как сталь.

– Мисс Снежная Грива, я – капитан Эрина – прибыла, чтобы допросить вас об убийстве мисс Лизы Пенелопы.

* * *

Дюмон с неудовольствием отметил, что для опроса экипажа барон Талын отобрал высокопоставленных чинов милиции. Весь день он старался занять команду конкретными делами. Эрина дала согласие на то, чтобы Драгонейс взял члена экипажа Бринна на берег для закупки продовольствия, при условии, что до окончания дела это будет последний выход на берег. Дюмон согласился с этим. Драгонейс и Бринн вернулись с грузом, состоявшим из восьми баранов, четырех

свиней, двух телят, кур, фруктов, овощей и муки. Было похоже, что готовится длительная осада. Или дальнейшее путешествие. Этой ночью Дюмон молча прошелся по главной палубе на нос. Он издал четыре четких звука, и на его указательном пальце зажглось небольшое пламя. Синий огонек плясал, но не обжигал пальцев. Капитан поднес его к трубке и зажег ее. Дюмону надо было сойти на берег, где после захода солнца обделывались разные дела и Неувучар Спрингс не был исключением. На дороге он заметил движение.

– Драгонейс, – позвал он.

– Слушаю.

– Подойди сюда. Расскажи, что видно. Полуэльф двинулся в направлении, указанном капитаном:

– Человек. Не эльф. Высокий. В капюшоне. Наблюдает за нами.

– С кушаком?

– Нет. Он, возможно, выполняет чье-то поручение.

Дюмон затаился:

– Каргат?

– Может быть.

На короткое время луна выглянула из-за облаков. Мужчина передвинулся в тень. Но Драгонейс успел кое-что заметить. – Рауль!

Дюмон удивился напряженности в голосе Драгонеиса:

– Да?

– Человек не отбрасывает тени. Дюмон похолодел. Он

знал, что единственным существом, не отбрасывающим тени при полной луне, является вампир, с которым ему не хотелось бы встретиться.

– Ничего не поделаешь, – сказал он после долгого молчания. – Он, по крайней мере, не может пересечь воды. Позови Джелаара. Через пять минут встречаемся в моей каюте. Нам надо выйти из ловушки. Вероятно, Каргат намерен задержать нас здесь навсегда.

Ларисса спала, когда она почувствовала, что машина парохода заработала. Будучи чувствительной к разным состояниям «Мадемуазели», она сразу проснулась. Вибрация койки говорила о том, что пароход движется полным ходом. Она схватила халатик и выскочила на палубу. Она увидела, как матросы втаскивают мокрые сходни на палубу. Движение не осталось незамеченным. Милиция суетилась среди мелких судов в гавани.

– Что происходит, Ларисса? – раздался голос Касильды.

– Кажется, мы пытаемся сбежать, – ответила Ларисса смущенно. – Но я не знаю, куда дядя держит путь. Мы, конечно, быстроходны, но находимся в их стране. Посмотри! – Она показала на суденышки, пытавшиеся догнать «Мадемуазель». – Нам не обойтись без заправки...

– Ларисса, мы не сойдем на берег, – Касильда говорила как в удушье, глядя вперед по ходу движения.

Ларисса посмотрела в том же направлении, и у нее упало сердце. Впереди была масса густого клубящегося тумана.

Дюмон направлял судно прямо в туман.

– Он не должен этого делать! – ее красивое лицо выражало ужас.

Никакой здравомыслящий капитан не направил бы судно в такой туман. Ларисса могла лишь наблюдать, как белые клубы сомкнулись за ними, скрыв Невучар Спрингс.

Глава II

– Вы сошли с ума?

– Вы убьете всех нас!

– Что творится, капитан Дюмон? Когда капитан вошел в театральный зал, посыпались вопросы. Он выглядел усталым. Его зеленые глаза подернулись красными прожилками. Жестко проступали морщины вокруг рта. За ним как тень следовал Драгонейс. Рыжеволосый член команды Бринн, с ничего не выражающими глазами, приналег на дверь, ведущую на лестницу; зловещий щелчок заставил многих артистов испуганно оглядеться. Они замолчали.

– Я не сошел с ума, – начал Дюмон, взглядываясь в зал. – Я иду на хорошо просчитанный риск, направляя «Мадемуазель» в туман. Таким образом мы отрываемся от полиции, охотящейся за нашими жизнями. – Он замолчал и выпрямился. – Сардан! – Бледное лицо тенора было обращено к капитану. – Ты думаешь, им нравится, как ты гоняешься за красивыми девушками-эльфами в Невучар Спрингс? А ты, Пакрис? – Жонглер испуганно смотрел на Дюмона. – Сколько жонглеров может вместить этот город? Ты пробовал бродить по городу как артист плавучего театра, на котором совершено убийство?

Дюмон дал словам произвести впечатление и продолжал:

– Я полагаю, что Лизу убил барон Талын, который пыта-

ется свалить всю вину на кого-нибудь на борту «Мадемуазель». Подозреваемым может быть каждый из нас. Я не намерен платить такую цену. Мы – единая семья. Это понятно?

– Вместо этого вы тащите нас в туман, – воскликнула артистка кордебалета.

Под холодным взглядом капитана балерина уже раскаивалась.

– В тумане они не будут преследовать нас. В нашем распоряжении магические способности, которыми располагаем мы с Джелааром. Я полностью доверяю команде. Скоро мы выйдем к земле. Это точно. Все это будет вспоминаться как плохой сон.

«Или как кошмар», – подумала Ларисса. Никому еще не удавалось рассказать о маневрировании в таком тумане. Она почувствовала на себе взгляд Дюмона и посмотрела на него. Подобие улыбки тронуло ее губы: все-таки до сих пор он не давал ее в обиду.

* * *

«Мадемуазель» углублялась в туман. Лариссе показалось ненужным выходить на палубу и ничего не видеть, кроме густого тумана. Видимость простиралась не более чем на ярд: не видно было даже воды. Чувству тревоги способствовали странные звуки: крики и вой, внезапно прекращавшиеся и столь же неожиданно возникавшие. Казалось, невооб-

разимые существа витали за пределами видимости и только везение да взаимная слепота препятствовали враждебному столкновению их с кораблем. Люди снижали голоса до шепота и без крайней необходимости не выходили на палубу, не приближались к поручням, являвшим границу неизвестности. Самой непопулярной работой сразу оказалась работа с лотом. Назначение на нее заставляло бледнеть самых испытанных матросов. Лотовой сидел в ялике четыре часа, пробуя глубину специальным канатом. Для облегчения измерения каждая глубина имела собственную маркировку на канате. Четыре фута отмечены белой фланелью, вплетенной в канат, шесть футов – кусочком кожи, девять футов – красной тканью, двенадцать футов – идеальная глубина для парохода – двумя плетями кожи.

В ходе всего опасного перехода лотовой кричал:

– Дна не достаю!

Дюмон поощрительно относился к занятиям артистов репетициями, а команды – учениями. Корабль временами казался околдованным. Лотовой кричал не своим голосом, а артисты повысить голос боялись. Но у Дюмона эти страхи не находили понимания. Он безжалостно заставлял певцов петь в полный голос, подстегивал балет и музыкантов к энергичным действиям. Собственным примером и угрозой дать волю гневу он воздействовал на команду парохода.

Проходили дни, и люди привыкали к крикам и вою из тумана и к самому туману. Жизнь на «Мадемуазель» входила

в нормальную колею. Люди трудились с удвоенной энергией, отвлекаясь от мистики тумана.

На девятый день Касильда встала пораньше, намереваясь до завтрака часок заняться своей финальной арией. Она вышла из каюты, нахмурилась при виде всепроникающего тумана и направилась по мокрой палубе к трапу.

Драгонейс также бодрствовал, он сидел на ступеньках, ведущих на верхнюю палубу. Он был единственным на «Мадемуазель», кого, казалось, не затрагивает мистика, вызвавшая у других суеверный страх.

– Красавчик Джек сказал, что он заметил землю, – сказал Драгонейс, занимаясь вырезанием фигурки из дерева. – По левому борту, если вам не лень взглянуть.

Касильда задумалась. Ларисса придет в бешенство, если она ее не разбудит для того, чтобы увидеть берег. Вздыхнув, она повернулась, прошла к каюте Лариссы и постучала в дверь танцовщицы:

– Ларисса, проснись!

Из каюты послышались сдавленные проклятия:

– Который час, Касильда?

– Только что взошло солнце, Драгонейс говорит, что впереди земля. Ты выйдешь посмотреть?

Касильда потеряла глаза. Из каюты не доносилось ни звука. Она вновь громко постучала в дверь. Ларисса выругалась. Эту привычку она приобрела за годы плавания на «Мадемуазель Мюсарда». Касильда рассмеялась:

– Вставай, соня!

Через несколько секунд дверь растворилась и появилась Ларисса. Ее глаза были все еще полузакрыты, одежда небрежна. Она запрыгала на одной ноге, пытаясь влезть в туфли. Затем она долго застегивала пояс, который был ей велик. Волосы были в полном беспорядке. В руке она сжимала щетку так, что Касильда подумала, что она ударит ею. Обе молодых женщины пошли на нос. Земля обетованная и конец путешествия со столькими страхами перевешивали возможные опасности, которые еще могли быть уготованы им. Девушки заметили, что первые стоны из тумана заглушаются ритмическим биением гребного колеса и скрипами корпуса судна. Они склонились на поручни, вглядываясь в возможные провалы клаустрофобного тумана.

Воздух раннего утра был сырým и прохладным. Туман проник в белую гриву Лариссы, как пальцы утопленника. Она бессознательно ощупывала свою голову, а затем начала причесываться щеткой.

– Дай я. Ты запутаешься, – предложила Касильда, протянув руку. Ларисса поблагодарила подругу и протянула ей щетку. Касильда немилосердно стала работать щеткой так, что Ларисса застонала.

– Как у тебя дела с твоей сольной партией?

– Я боюсь за финальные высокие ноты. Я знаю, что это в моих силах, но сильно нервничаю. Голос Лизы... – внезапно Касильда остановилась и занялась усиленно расчесыванием

Лариссы.

Она попросила Касильду умерить свой пыл. Девушки стояли, вспоминая жизнь сопрано. Молчание прерывалось только звуками испуганного голоса лотового:

– Дна не достаю!

Наконец Касильда закончила причесывание Лариссы, связав ее пышные белые волосы лентой. Внезапно Ларисса подпрыгнула так, что Касильда выронила щетку и ленту.

– Там я вижу прояснение!

Ларисса перегнулась через поручни, разметав свои волосы. Касильда нагнулась за щеткой и лентой.

Путешествие сквозь туман волновало Лариссу больше, чем она желала себе признаться. Даже танцуя, она не могла полностью отвлечься от напряжения, вызываемого звуками из тумана. Ее живое воображение наделяло этими стенами воображаемых живых существ, обитающих в тумане. Теперь, увидев берег, она готова была признать правоту Дюмона, выполнившего свои обещания. Возможно, фантазии о населенности тумана так и останутся фантазиями вопреки странному звуку. Туман становился разреженным, и Ларисса смогла различить крупные силуэты холмов впереди.

Касильда подошла к поручням, и вдруг по ее телу пробежала дрожь. Внезапно на палубе похолодало, а туман стал липким. Певица нахмурилась и посмотрела на то место, где стояла Ларисса. Танцовщица обеспокоенно окликнула подругу, на что Касильда не ответила.

Неожиданно пароход дал три гудка. Девушки в испуге посмотрели друг на друга. Они знали, что три пароходных гудка означают опасность. Они увидели, как задрожал туман и что-то темное стало перемещаться в их направлении с угрожающей целеустремленностью. Касильда сделала быстрое движение назад и упала на палубу.

– Морское чудовище? Кракен! – вскрикнула она. Ее глаза были полны животного страха.

Восклицание было подхвачено командой, матросы побежали за гарпунами, хранившимися на палубе. Переполненная страхом Касильда начала дышать все чаще. Ларисса обхватила ее и попыталась оттащить подругу от поручней, но та крепко вцепилась в них.

– Посмотри, Ларисса! – истерически вскрикивала она. – Он большой как гора!

Танцовщица схватила подругу и изо всех сил потянула ее от поручней, но та цепко держалась, вперив взгляд своих ореховых глаз в гору из плоти, приближавшуюся к кораблю.

Регулярные восклицания лотового прекратились. Затем Ларисса и Касильда услышали его крик:

– Поднимите меня на борт!

Раздался всплеск, и наступило молчание.

Пульсирующие серые щупальца материализовались из белого тумана. Нечто, подобное Гаргантюа, ощупывало палубу подле Лариссы. Нашупав кресло, оставшееся от лучших времен, щупальца сильным ударом разбили его в щепки и

втянули в себя.

Касильда издала чистый певучий звук. У танцовщицы лопнуло терпение. Она с силой оторвала подругу от перил, ударив ее по рукам снизу. Ларисса повела Касильду прочь от опасности в театральный зал. Касильда вырвалась вперед. Но Кракен не хотел отпускать столь лакомый кусочек. Его щупальца коснулись ног Лариссы. Вода с лап чудовища намочила палубу, и Ларисса поскользнулась, хотя вообще она чувствовала себя уверенно на ногах. Она схватилась за стойку перил.

Щупальца тянулись к ней, Ларисса заскользила по трапу. Она попала на другую палубу, где находились гарпуны. Кракен настигал ее. Она схватила один из гарпунов и изо всей силы пришила щупальце к палубе. Чудовище замычало от боли. Огромным усилием оно отцепилось от палубы и потянулось назад, таща за собой гарпун. Увидев это, Ларисса схватилась за рукоятку. К ее сожалению, гарпун прочно сидел во влажной плоти чудовища. На момент ей показалось, что Кракен затащит ее вместе с гарпуном в воду.

Она почувствовала сильные руки, тянувшие ее назад. Ларисса упорно цеплялась за гарпун и смогла высвободить его. Кракен убрал щупальца, но Ларисса успела заметить, что гарпун не повредил их. Она оглянулась и увидела, что спасителем был ее опекун.

Четыре матроса, оправившихся от испуга, пробежали мимо с гарпунами. Дюмон открыл дверь в театральный зал и

втолкнул туда Лариссу, заперев за ней дверь.

Через окошечко в двери Ларисса наблюдала за сражением, сожалея, что не может помочь. В нескольких ярдах от себя она увидела, как щупальца утащили несчастного матроса, предварительно ударив его о палубу. К палубе буквально приклеилась небольшая фигурка. Ларисса удивилась: что может сделать щуплый Джелаар с Кракеном? Ведь он – всегонавсего иллюзионист! Она увидела, как Джелаар наводит чары, работая руками и закрыв глаза для концентрации.

Вдруг ужасный Кракен исчез. На его месте появилась серая мгла.

Иллюзия! – выдохнула Ларисса. Но облако мглы не пропало. Кракен был иллюзией, но только чтобы скрыть свои истинные формы от нападавших на него.

Дюмон оттеснил Джелаара от центра событий и высвистел несколько резких нот, разрезавших какофонию звуков. Огромная волна двинулась на «Мадемуазель». Ларисса подумала, что волна разобьет корабль в щепки. Но вместо этого волна прошла по мгле. Дымка быстро превратилась в безвредную мглу. Далее ничего не происходило. Команда с облегчением радостно закричала.

Ларисса открыла дверь и вышла на палубу. Тяжелая рука опустилась на ее плечо, она столкнулась с гневным взглядом Дюмона:

– Черт бы побрал тебя на дне Моря Печали! – сердито проговорил он. – Разве я тебе не говорил, что делать в опас-

ной ситуации? Говорил? – он дернул девушку за руку.

– Да, дядя, но у меня не было времени спрятаться, а гарпун оказался под рукой.

– Не оправдывайся, – он ослабил свою хватку. – Я видел, что у тебя хватило время на Касиопу.

– Касильду, – поправила она.

– Не прерывай меня! – взорвался он. Ларисса потупила глаза. Она знала, что дядя Рауль не способен причинить ей зло.

– Тебя могли ранить, дитя, – его тон смягчился. – Я бы не вынес этого. В следующий раз по-хорошему скрывайся, и пусть работает команда. – Слушаюсь, капитан.

– Кроме того, кто будет играть роль Морской Леди? Ведь ни у кого нет такой пышной гривы. – Он взял ее за подбородок и повернул ее лицо к себе, улыбаясь. Лицо Лариссы засветилось от удовольствия.

Дюмон вздохнул: «Боже, ребенок вырос в красавицу». Забывшись на момент, он обнаружил, что смотрит глубоко в глаза своей воспитанницы.

– Все кончилось? – Молодой матрос, посмеявшийся прервать мысли капитана, преданно смотрел на него.

Дюмон вернулся к действительности, подумав о возможности повторной атаки чудовища. Он молча покинул Лариссу, вернувшись к капитанским обязанностям. Вскоре «Мадемуазель» двинулась вперед на полной скорости.

Ларисса с удовлетворением увидела подлинный ланд-

шафт вдалеке. Драгонейс был прав в отношении берега. Риск Дюмона оправдывался. Ларисса стояла, опершись на кипу канатов, в стороне от суетящихся матросов и смотрела на берег, казавшийся довольно плоским. «Мадемуазель» приближалась к крупному городу с большим портом, где находилось много больших и малых судов.

Ларисса приветливо помахала рукой проходившему мимо судну. Обычно прибытие «Мадемуазель» было радостным событием, ее причаливанию предшествовали веселые крики:

– Пароход!

Здесь никто не ожидал прибытия великолепного волшебного корабля и, судя по подозрительным взглядам, никто не был рад приходу плавучего театра. Улыбка Лариссы погасла, когда она увидела, как люди отворачиваются от «Мадемуазель Мюсарда».

Разочарованная танцовщица стала рассматривать развертывающийся город, который показался ей загадочно знакомым. Ларисса нахмурилась. Конечно, она просто путала этот город с чем-то увиденным за восемь лет плавания.

Ее глаза обратили внимание на нечто необычное. Создавалось впечатление, что окружающая природа надвигалась на горожан. Справа от города в пейзаже доминировал дикий лес, который, судя по всему, рос на болотистой почве. Переплетенные корни придавали основанию леса причудливую окраску. Вершины деревьев были связаны странным веще-

ством, похожим на волосы серо-зеленого цвета.

Ларисса мрачно недоумевала, каким образом все это странное явление могло казаться ей знакомым? Танцовщице не хотелось выходить за рамки памяти, ограниченной временем, когда она состояла под опекой Дюмона на борту «Мадемуазель», но мысли ей не подчинялись. Тщетно она пыталась отвлечь себя – ее руки сжали поручни, ноги отказывались держать ее: она узнала побережье, вспомнила название острова и имя города. Устремившись к своему дяде, она на ходу услышала отдаленный барабанный грохот.

Каюта Дюмона была расположена непосредственно под рулевой рубкой. Ларисса обеими руками застучала в дверь, вполне сознавая, что ведет себя как ребенок. Обуявший ее страх, однако, позволял ей поступать не рефлексирруя.

– Дядя! – громко кричала она в отчаянии.

Дюмон открыл дверь сразу. Его лицо приняло озабоченный вид, когда он увидел свою посетительницу:

– Ларисса, дитя мое, что случилось?

– Я... Я... остров, – выдавила она. Дюмон нахмурился и протянул руку, чтобы втянуть ее в каюту:

– Заходи, рассказывай.

Каюта капитана была самой большой, она была обставлена с большой роскошью. Там был изящный платяной шкаф с дорогим зеркалом, два плюшевых кресла, кровать с балдахинном и стол красного дерева. Каюта была завалена вещами из дюжины стран, в числе экспонатов были такие, кото-

рых никто не мог определенно назвать.

Капитан провел свою расстроенную подопечную к кровати и усадил ее:

– Глубже вздохни, успокойся и расскажи, что тебя вывело из равновесия.

Танцовщица послушно успокоилась и значительно сказала:

– Мне знакомо это место.

– Правда?

Она кивнула головой так, что ее белые волосы упали на ее возбужденное лицо.

– Я была здесь очень давно с отцом, Этот остров называется Сурань. Здесь мои волосы стали белыми. Отец сказал, что нечто ужасное чуть не случилось со мной в топах, – она умоляюще взглянула на Дюмона, тронув его. – Я боюсь, дядя. Я знаю, что это глупо, но...

– Малышка, – нежно произнес он, привлекая ее голову к себе на грудь. – Теперь о тебе забочусь я, а не твой отец. Я не покину тебя, как сделал это он, Ларисса. – Он почувствовал, что Ларисса кивает. – Ас теми, кто попытается причинить тебе зло, буду иметь дело сам.

Она засмеялась, хотя и нервно, затем отстранилась от него:

– Я знаю, это глупости, но, увидев берег, я узнала его... Дядя, я ничего не помню, но я узнала это место. И потом эти барабаны. Они наводят суеверный страх.

– Барабаны? Я ничего не слышал. Ларисса побледнела:

– Мне казалось, я слышала... Должно быть, воображение разыгралось... Сейчас я их не слышу.

Опекун раскатисто рассмеялся:

– Странное ты существо! Ты расправляешься с чудовищем тумана почти голыми руками и пасуешь перед безобидным болотистым островком. Тебе ничего не угрожает, дитя, я обещаю. Ты можешь не сходить на берег, если не хочешь.

Его голос менялся, пока он говорил. Теперь в нем были нотки снисходительности. Улетучившаяся было гордость Лариссы вернулась к ней. Хорошее отношение Дюмона к ней для нее было важнее, нежели его успокоения.

– Все нормально, дядя, – ответила она сухо. – Я пойду в каюту. Спасибо.

Дюмон внимательно смотрел, как она вышла из его каюты, плотно затворив за собой дверь. В ее движениях была грация и сила невинности. Капитан медленно улыбнулся. Лихорадочный вид Лариссы внушил ему отличную идею.

Глава III

Невообразимо безобразный Красавчик Джек – главный рулевой «Мадемуазель Мюсарда» – выбирал место для причаливания. На пирсе уже толпились зеваки. Благодаря только что пережитым событиям получилось так, что в столь ответственный момент он оказался один в рулевой рубке.

Рулевая рубка была просторна. В ней в три смены работали рулевые – Красавчик Джек, Тейн и Джахедрин. Обычно вместе с рулевым в рубке находился также первый или второй помощник капитана. Рулевое колесо было больше людей, управлявших им. Для его вращения требовалось немало силы. Иногда рулевые повисали на колесе, используя свой вес. Щуплость ДрагонеЙса исключала его применение в таких приемах, зато в прокладывании курса ему не было равных.

Для тех, кто приходил поддержать компанию рулевому, в рубке имелось удобное кресло. Вблизи рабочего места рулевого находились рукоять гудка, мегафон и ручной телеграф для связи с машинным отделением на корме. Огромные окна давали возможность видеть все, что происходило впереди, по левому и правому бортам. Позади рулевого была лестница, ведущая прямо в каюту Дюмона.

Джек протянул руку и поставил рукоять ручного телеграфа на отметку «Тихий ход?» Через все лицо от правого виска

до левого уха у него проходили три лилово-белесых шрама, которые особенно проявлялись в минуты напряжения.

Высокий мускулистый Джек гордился своими шрамами. Он хвастался тем, что получил их, голыми руками борясь с волком в Аркандейле. Когда он был пьян – а это бывало нередко, – из его рассказней получалось, что его противником был оборотень, «...и очень важная персона в обществе. Я мог бы кое-что порассказать о той стране». На этом месте его похвальбы слушатели потрезвее обменивались многозначительными взглядами. Кто его знает, это могло быть правдой: на борту Джек появился однажды ночью, умоляя забрать его из Аркандейла...

О прекрасная дева,
Прекрасная дева!
Мое сердце занято Морской Леди.
О Морская Леди!
Я околдован ею.
О Морская Леди;
Мне суждено
Одну ее любить.

Несмотря на недостатки музыкального воспитания Красавчика Джека, в энтузиазме и громкости исполнения ему нельзя было отказать. Это была любимая его ария из «Удовольствия пирата». Его все еще переполняла гордость, что берег увидел первым именно он.

– Черт возьми, Джек, ты ведь знаешь, что тебе не положено петь на борту, – взорвался капитан, поднимаясь по трапу.

Джек притих как побитая собака. У каждого капитана свои предрассудки. Дюмон запрещал команде петь на борту. Лишь артисты могли петь, да и то лишь арии из очередной постановки.

– Прошу прощения, капитан. Я забылся. Я не хотел ничего худого, сэр.

Неудовольствие Дюмона не проходило.

Действительно, Красавчик Джек «не хотел ничего худого». Ни тогда, когда был пьян и подвергал судно опасности быть посаженным на мель. Ни тогда, когда преследовал наиболее привлекательных посетительниц плавучего театра, что кончалось проклятиями и заверениями, что их ноги здесь больше не будет. Ни теперь, когда он пел вопреки прямому запрету.

У Джека были свои достоинства. В трезвом состоянии он был лучшим рулевым. Даже у Драгонеиса не было такого чутья в отношении незнакомой территории. Он лояльно работал, испытывая благодарность за место, полученное от Дюмона.

– Хорошо, – вздохнул Дюмон наконец. – Я знаю, что ты не хотел ничего худого, Джек.

Красавчик Джек удовлетворенно ухмыльнулся.

– Вы, сэр, джентльмен, насквозь джентльмен, я всегда говорил это. Будьте добры, капитан.

Он отступил от рулевого колеса, предложив его капитану. Такова была традиция. В порт судно вводил лично Дюмон, все остальное время предоставляя управление подчиненным.

Дюмон встал за рулевое колесо, которое было больше него. Через некоторое время он протянул руку к гудку.

– Джек, – вращая рулевое колесо, произнес Дюмон, – ты видел сражение с чудовищем из тумана?

– Да, сэр. Это был хитрый ход использовать волну против...

– Да, конечно, но видел ли ты, как мисс Снежная Грива рисковала жизнью?

Джек понимал, что капитан хочет определенного ответа, но какого?

– Да, сэр. Я видел. Очень смело для девушки, не правда ли?

Дюмон жестко взглянул на него, и Джек съежился:

– Боже, ведь она под моей опекой, да к тому же она ведущая танцовщица. Какой бы смелой она ни была, ей не место на палубе в опасном месте. Я хочу проучить ее и нуждаюсь в твоей помощи.

– Моей, сэр? Конечно, я всегда к вашим услугам.

Дюмон сдержал улыбку. Он заговорил спокойным голосом:

– Рад твоей готовности. Скоро мы будем у причала. Я сойду на берег, чтобы встретиться с городскими властями, а зав-

тра у нас будет...

– Парад! Капитан, вы позволите мне увидеть парад?

Мысль о том, что он увидит спектакль, который он вместе с другими членами команды только слушал через переборки корабля, взволновала его. Обычно артисты устраивали парад по главной улице города. Они проходили в костюмах и исполняли пару сцен из спектакля. Для изголодавшихся по зрелищам жителей городов этого было достаточно, чтобы заполнить театр. Верный своей линии на разграничение команды судна и артистов, Дюмон никогда не позволял команде смотреть парад. Но вопреки ожиданиям Джека, на этот раз никаких отступлений не предвиделось.

– Нет, Джек, ты знаешь правила. – Лицо Джека потухло и стало еще более непривлекательным. – Парад состоится. После него, когда артисты смешаются с публикой, на мисс Снежную Гриву нападёт подозрительная личность. – Дюмон многозначительно посмотрел на Джека.

– Я?

– Ты, Джек. Конечно, переодетый до неузнаваемости. Ты будешь угрожать мисс Снежной Гриве, а я поспешу на помощь. Ты убежишь, скроешься в темноте и вернешься на пароход, а я объясню мисс Снежной Гриве, как опасно подвергать себя риску. Итак, я могу рассчитывать на тебя.

Красавчик Джек энергично закивал головой.

– Я так и думал. Теперь иди в столовую и попроси от моего имени кока Брока получше угостить тебя.

– Спасибо, сэр! – Красавчик Джек направился к Броку, предвкушая пиршество.

Дюмон с презрением проследил за его удалением. Хватит с него этого Джека. План Дюмона должен был избавить его от этого глупца.

Капитан все внимание теперь обратил на причал. На пирсе собралась толпа. Завтра он сотрет подозрительность с этих лиц при помощи блестящего спектакля. Капитан дал гудок и ухмыльнулся при виде вздрогнувших зевак.

Некоторые из обитателей этого места – Ларисса назвала его, кажется, Сурань – были чрезвычайно хорошо одеты. Один молодой темноволосый денди форсил в шелковой тунике и великолепных кожаных сапогах. Юноша повернулся, и острые глаза Дюмона заметили дорогие каменья, украшавшие его одежду. В компании с ним была столь же богато одетая девушка с роскошными серьгами и бусами.

Рядом с богатой парочкой оказался бедняк, и парочка быстро удалилась со своего места. То тут, то там виднелись беспризорные дети, с любопытством смотревшие на чудесный пароход, отвлеченные от своего постоянного занятия – очистки карманов горожан.

Пароход издал еще один гудок и мягко встал у причала, благодаря многолетнему опыту капитана. Дюмон увидел, как матросы устанавливают сходни. Но его голова была занята не работой команды, а просчитыванием возможностей этого города. Впечатление не было однозначным. Дюмон видел

богатые особняки, которые контрастировали с бедными лачугами припортового района. Сельское хозяйство, похоже, было в лучшем положении здесь по сравнению с рыболовством. Возможно, этот юноша жил в одном из богатых домов и воспитывался на деньги, полученные от трудов его прадедушки или от рабов. Запущенный портовый район говорил о темных делишках и деньгах нуворишей.

Предвкушая богатство выбора, Дюмон улыбнулся: новые обычаи, новые идеи, новые люди. Многие красивые женщины удивлялись, почему привлекательный и состоятельный Дюмон не обоснуется в одной из стран или хотя бы не ограничится одним и тем же маршрутом.

Но его тянуло к разнообразию в личностях, местностях, знаниях, приключениях. Погоня за наслаждениями гнала его от одного места к другому. Он слишком любил разнообразие.

Что до богатых особняков и богатых отпрысков, то они обеспечивали финансовый успех «Мадемуазель», в то время как неприглядное припортовое подбрюшье манило мелкими приключениями. Хищная улыбка исказила черты Дюмона. Матросы закрепили судно у причала, и капитан поспешил на берег.

Первое, что заметил капитан, выйдя из рубки, была влажная душная жара, несмотря на то, что было еще рано. В Дарконе было прохладно, а здесь лето было в разгаре. Его лицо покрылось испариной до того, как он вступил на землю.

Паучьего вида человек, одетый в синюю тунику с нарядной вышивкой, начал двигаться навстречу скоплению людей. Было видно, что туника ему не по росту, а на шее висела замысловатая серебряная цепь. Толпа расступилась, уступая ему дорогу. Дойдя до Дюмона, он слегка склонился, тронув пальцами свой кожаный пояс, и откашлялся.

– Меня зовут Бернар Фокелейн, – сказал он тонким голосом, – я мэр Порт-д-Элура на острове Сурань. К нам нечасто заходят чужестранцы. Какова цель вашего визита на остров?

Капитан про себя отметил, что Ларисса была права в отношении названия острова. Дюмон взял на вооружение свою самую широкую улыбку, показав белый ряд зубов. Он протянул свою большую руку. Фокелейн, поколебавшись, принял со в свою потную ладошку.

– Мэр Фокелейн, мне очень приятно прибыть в вашу прекрасную страну и прекрасный город. Я – капитан Рауль Дюмон, а это мой пароход «Мадемуазель Мюсарда». Сэр, это – плавучий театр с наилучшей программой, которая только возможна в любой стране. Мы прибыли как гости, друзья и артисты.

Водянистые глаза Фокелейна слегка оживились, но он сам оставался в напряжении. Толпа позади него начала оживленно шуметь.

– Какого рода программа? – спросил он.

Почувствовав перемену в настроении, Дюмон стал обращаться прямо к собравшимся:

– Какую только пожелаете, леди и джентльмены. У нас есть мюзикл «Удовольствие пирата» с пением, танцами и драматическим представлением, честные картежные забавы и...

– А огнеглотатели есть? – закричал человек, когда-то стоявший подле богатой парочки. Он был крайне неопрытен и от него несло так, как будто он не мылся месяцами.

Не изменив тона, Дюмон повернулся к этому человеку:

– Конечно есть. У нас есть также маг с удивительными трюками. Мэр Фокелейн, разрешите нам причалить здесь, в вашем прекрасном порту, чтобы развлечь население за весьма умеренную плату.

Фокелейн сомневался, часто моргая:

– Ну...

– Позвольте мне вам – всем вам – дать представление о высоком вкусе спектакля на борту плавучего театра. Завтра на закате мои артисты дадут несколько сцен из нашего лицедейства. И, мой добрый господин, – добавил Дюмон, обращаясь к неряшливому мужчине как к королевской особе, – будет достаточно пожирателей огня, жонглеров и иллюзионистов.

– Хм, – пробурчал Фокелейн. – Сколько это будет стоить?

– Ни медного гроша, – Дюмон засветился. – И если вам не понравится, артисты и я вернемся на корабль и отплывем. Договорились?

Мэр Фокелейн не был до конца убежден, но почувствовал

настроение толпы. В жизни этих людей было мало веселого. Мало кто путешествовал в Сурани, а те, кто это делал, выглядели загнанными и потерянными.

– Очень хорошо, – сдался Фокелейн. – Экипаж может сойти на берег.

Дюмон довольно хмыкнул. Все шло согласно задуманному. Возвратясь на борт, Дюмон собрал семь членов команды в своей каюте. Капитан уселся в кресло и, внимательно глядя на собравшихся, произнес:

– Господа, вы знаете, для чего я позвал вас?

Семеро закивали. Драгонейс позволил себе стоять оперевшись о притолоку, строгая деревянную фигурку, которая начала обретать форму. У его ног были стружки, но Дюмону не было до этого дела.

– Драгонейс, Тейн и Джахедрин, я хочу, чтобы вы пошли в город. Пообщайтесь с населением. Посетите бары, бордели, дома в той мере, в какой это не вызывает подозрения.

Трое избранных обменялись довольными взглядами. На этот раз им повезло.

– Но не теряйте бдительности, – предупредил капитан. – Я не желаю слышать о плохом обращении с проститутками или пьяницами, об украденном серебре. Я буду публично осуждать это и предоставлю решать вопрос населению Порт-д-Элура. У них нет Каргата, но наверняка есть пути борьбы с преступниками.

Его глаза не допускали шуток, и люди знали, что он сдер-

жит свое слово. Никто не жаловался на судьбу. Работа на борту «Мадемуазель» имела огромные преимущества и сочеталась с балансированием на грани опасности. Они давно пошли на условия, предложенные Дюмоном.

– Астын, Филипп, Бринн и Кандрикс, берите ялик и разведайте топи, – продолжал Дюмон, набивая трубку табаком с фруктовым запахом. – Вы все знаете, что меня интересует, и то, что может мне понравиться, берите.

Собравшиеся закивали головами.

– Отлично, молодцы. Доклад мне – до начала завтрашнего парада. Как всегда, первый, кто доставит то, что мне понравится, получит ночь в городе за мой счет. – Он засвистел и зажег трубку от голубого огонька, зажегшегося на указательном пальце. – Свободны.

Люди, отдавая приветствия капитану, выходили через главную дверь, не пользуясь трапом, ведущим в рулевую рубку. Дюмон встал и затянулся душистым дымом. Наступало полуденное время. Деревья были тихи, их не трогал освежающий бриз. Зеленые глаза Дюмона заскользили по богатым домам на юге, перешли на топи. Перед ним было неизвестное для него и его корабля место. Он с нетерпением ждал завтрашнего дня.

– Что меня ожидает? – прошептал он, обращаясь к особнякам, деревьям, к воде и трупам. – Что я обрету?

Глава IV

– Войдите, – отозвалась Ларисса, затыкая пробкой небольшой графин с синей росписью.

Вошла Касильда, одетая в костюм Розы для парада... Ее гардероб был образчиком моды Ришемюло – родины Дюмона. Ее облегалo платье розового цвета с глубоким вырезом, выгодно обнажавшее ее формы. Волосы были подвязаны кружевами. Ее ореховые глаза блестели из-под густого грима. Лицо было подкрашено под тон платья.

Ларисса увидела ее в зеркало и улыбнулась, завершая макияж:

– О Касильда, тебе так идет костюм Розы.

Касильда округлила глаза, и обе девушки рассмеялись. В «Удовольствии пирата» она играла роль приторно красивой девушки, снискавшей любовь страдающего Флориана, освободив его от чар злой Морской Леди, которую играла Ларисса.

Касильда улыбнулась подруге:

– Если бы я не двигалась, как корова, я предпочла бы твою роль. Ларисса засмеялась:

– Единственная причина, почему я получила эту роль, потому что мой голос похож на голос простуженной вороны.

Это утверждение было не от скромности – пение Лариссы напоминало кудахтанье, поэтому она очень редко пела.

«Морская Леди» поднялась, закончив одевание. Касильда с восторгом оглядела ее, хотя она видела ее в этом костюме сотни раз. Ларисса была очаровательна даже в самом простом обличье, но как Морская Леди она была неотразима.

Костюм облегал ее тело, весьма мало оставляя простора для фантазии. Воланы синей ткани едва прикрывали ее стройную фигурку. В волосы были вплетены ракушки. В целом она производила впечатление властной леди, слегка не от мира сего. Впечатление усиливалось ее белой гривой. Публика неизменно встречала ее появление на сцене глубоким вздохом. Внезапно Касильда трезво спросила:

– Так ты появишься? Вчера ты была расстроена.

Поколебавшись, Ларисса кивнула. Ее смелые слова Дюмо-ну после их беседы были простой бравадой. Покинув каюту опекуна, танцовщица провела остаток дня и ночь в постели. Касильда навещала ее после обеда, и Ларисса объяснила ей ситуацию. Касильда отнеслась сочувственно, но целиком не могла разделить положение подруги. Этого не смог бы никто. После ухода Касильды Ларисса попыталась заснуть. Однако вновь слышала барабанную дробь, от которой не спасала даже подушка на ухо. К счастью, ночью наступила тишина.

Теперь Ларисса встала, выдвинула один из ящиков комода и достала серебряный медальон. Погладив волосы в медальоне, она вспомнила Обри Хелсона. Всегда, когда она вспоминала отца, ее обуревали печаль и негодование. Отец Лариссы был добрым, но слабым. Она запомнила его пьянство

и картежный азарт. Восемь лет назад он оставил Лариссу, и его место занял Дюмон. Восемь лет назад появилась на свет Ларисса Снежная Грива.

Ее воспоминания прервал свисток.

– Уже? – простонала Ларисса, хватая накидку, под которой она хотела скрыть свой костюм во время парада. Касильда открыла дверь и шутовски поклонилась, пропуская подругу.

* * *

– Итак, – произнес Дюмон, – парад скоро начнется, прошу отчитаться. Быстро! Драгонейс покачал головой:

– Ничего интересного, капитан. Если что-то и есть, то оно чертовски хорошо скрывается.

– Дикие суеверные мошенники, – раздался голос Джахедрина. – Много разговоров о природных богатствах от животных до привидений и разных вещей в топях. Народ боится этих топей, – подчеркнул он.

Драгонейс кивнул:

– Да, говорят, что в топях живет Хозяин мертвых. Большею частью он живет один. Если не ходить в топи, то ничего не случится. Однако иногда топи переходят в наступление.

Дюмон нахмурился. Ялик, который он направил в топи, запаздывал. Он надеялся, что с ним ничего не случилось. – Кажется, нам следует заняться болотом, – ухмыльнулся он.

Наступило неловкое молчание.

– У «Двух зайцев» хорошее пиво, – решился на высказывание Тейн.

Дюмон засмеялся, разрезая обстановку:

– Хорошо. Это важная информация. Хорошо поработали, ребята. Идите поешьте.

Дюмон не сердился: если они ничего не нашли, то не от недостатка усердия.

Когда члены команды удалились, он поднялся в рулевую рубку. Со своего наблюдательного пункта Дюмон с удовлетворением отметил, что парад артистов начался. Он собрал такое количество народа, что, казалось, весь город вышел посмотреть.

В первых рядах шли жонглеры, пожиратели огня и другие артисты традиционных жанров, за ними шел Сардан с мандолиной. Дюмону было видно, что разборчивые дамы среди публики, на которых не произвели впечатление представители традиционных жанров, поддались чарам молодого певца. Дюмон был уверен, что в Порт-д-Элуре, как и везде, Сардан, играющий роль безрассудного Флориана, будет пользоваться успехом у молодых женщин.

Следующим с надменным видом следовал Джелаар, намеренно задевая зрителей, расступавшихся перед ним. Он принимал обличье грифона, феникса, единорога. Люди раскрывали рты и аплодировали. Путь, по которому он шел, превращался в сельскую дорогу, окаймленную цветами.

С радостными восклицаниями шествовали акробаты, за которыми шли хористки и кордебалет, одетые сходно с Лариссой. Ларисса и Касильда шли вперед, чтобы подготовиться к выступлению в сцене второго акта, где Морская Леди пленяет добродетельную Розу.

Направившись к трапу, Дюмон боковым зрением увидел возвращающийся ялик. В нем был только один человек. Разглядеть, кто это, не представлялось возможным из-за большого расстояния до ялика. Капитан выругался: ялик возвращался в неподходящее время, когда проходил парад. Он взглянул на толпу и с облегчением увидел, что зеваки отхлынули от припортового района.

Дюмон спустился на главную палубу, заслоняя глаза от заходящего солнца. В ялике возвращался Бринн. Рыжий моряк упорно греб, механически работая веслом. Дюмон увидел, что его одежда порвана и отчасти окровавлена.

Позади капитана неслышно как тень встал Драгонейс. Они вместе стали наблюдать за яликом.

Бринн был уроженцем Инвидии. Жители этой страны славились своей трусостью. Бринн был явным исключением среди инвидийцев. Он отличался ледяным спокойствием. Бринн присоединился к команде, когда плавучий театр остановился в порту Карине. Его жестокость использовалась Дюмоном во многих экспедициях в прошлом. Капитан знал, что холодное самообладание Бринна было непоколебимым. Но на этот раз что-то сдвинуло его. Бринн дрожал. Его тело бы-

ло покрыто многочисленными ранами. Его обычно спокойные глаза выражали ужас. Он не предпринимал никаких попыток причалить к судну.

Драгонейс спустился вниз и начал привязывать ял к кораблю. Бринн, казалось, не замечал его. Дюмону потребовалось окликнуть его дважды, прежде чем он отозвался:

– Капитан?

– Бринн, что случилось с тобой? Где остальные?

Бринн не отвечал, а только облизывал губы. Дюмон и Драгонейс обменялись взглядами, затем капитан сердито сказал:

– Черт возьми, я приказал тебе отчитаться. Исполни, или я выброшу тебя к обитателям топей!

Угроза сработала. Глаза сосредоточились на окружающем:

– Они схватили их, сэр! Сначала пропал Филипп, затем... – он задрожал и отвернулся, – затем Кандрикс... Но он вместе с Астыном поймал их и доставил на ялик.

Бринн замолчал. Драгонейс затряс его. Вздвогнув, матрос продолжал:

– Однако в воде это схватило их. Оно пыталось схватить и меня, но я отталкивался как сумасшедший. Я держал их...

Самое удивительное, что в его глазах появились слезы.

Дюмон покачал головой, затем протянул руку, помогая Бринну подняться на палубу из ялика. Капитан вздохнул, он понял, что сейчас он ничего толкового не добьется.

– Иди в ванную комнату. Драгонейс организует ванну для

тебя, а Брок накормит. Не выходи из каюты, пока я не приду. Понял? – Драгонеису он добавил: – Не выпускай его никуда и не допускай к нему никого, кроме Брока.

– Пойдем, – сказал полуэльф необычно мягким голосом, – горячая ванна вернет тебя к жизни.

Заковыляв за Драгонеисом, Бринн пробурчал:

– Такие дела... людям делать... ужасно...

Капитан прислушался к бормотанию сломленного человека, а затем обратил свое внимание на коробку, лежащую на дне ялика. Осторожно он сошел в ял и тронул коробку сначала ногой, а потом рукой. Никакой реакции, но она показалась Дюмону теплой. Заходящее солнце не могло нагреть ее так. Он взял коробку и поднялся с ней на палубу. Оттуда с коробкой он поднялся в свою каюту.

Дюмон положил коробку на стол и некоторое время изучающе смотрел на нее. Она оставалась теплой. Он закрыл глаза и запел. Заклинание это удивило бы многих: это была мелодия из «Удовольствия пирата». Каюта Дюмона, как и весь корабль, имела надежную защиту от чар. Но он не хотел рисковать. Содержимое коробки довело Бринна до его нынешнего состояния. Окончив колдовать, Дюмон открыл глаза. Коробка выглядела без изменений. Он приоткрыл крышку.

Из коробки показался яркий свет. Впечатление было очень приятным, но Дюмон прикрыл крышку. Чувство удовольствия пропало. Его сердце забилось сильнее, капитан

вновь приоткрыл крышку и заглянул внутрь. Там быстро мерцали десятки огоньков. Их свет коснулся его лица. Внезапно перед взором Дюмона заиграли давно забытые картины прошлого. Он вспомнил свои детские прогулки с отцом по зеленым полям. Это было время, когда еще жива была его младшая сестра Жанна-Мария, когда путь Дюмона не был отягощен тенями.

Наполняясь радостью, он бессознательно приподнял крышку.

Затем, преодолевая чары, он захлопнул ее, увидев, что один из «светлячков» попытался вырваться наружу. Он раскатисто захохотал. Какова находка! Он не имел ни малейшего представления, что являли собой крошечные существа, но уже знал, как регулировать приятные ощущения, ими вызываемые.

– Молодец, Бринн! – произнес он, думая, что жизни трех матросов и психическое расстройство четвертого стоили такой цены. Если Бринн очухается, он будет вознагражден такой ночью в городе, которую он долго будет вспоминать.

Бережно взяв драгоценную коробку в руки, он направился к гардеробу, положил коробку внутрь, закрыл дверь и при помощи магии запер ее. Его любопытство побуждало его к изучению неизвестных существ, но солнце садилось, и он должен был подумать о сегодняшнем спектакле.

Рыночная площадь Порт-д-Элура была ничем не примечательна. Она была правильной квадратной формы, окаймленная частными лавками с грязными проходами между ними. Неровная каменная мостовая заставляла пешеходов держаться периферии. В центре было некое подобие бассейна, в который вели сточные канавки. Вода с крыш стекала в бочки. Все было разумно устроено, но не более того. Неряшливый рынок был до неузнаваемости преобразен Джелааром. На месте серой мостовой был шелковистый белый песок. Кипарисы превратились в пальмы. Ряд торговых лавок выходил на открытый океан. Одна из женщин, увидевшая этот рай, открыто рыдала.

На берегу как мертвый лежал Флориан. Укладываясь, Сардан позаботился, чтобы его поза подчеркивала его широкую грудную клетку и узкие бедра. Роза красиво рыдала подле распростертого тела.

Ларисса наблюдала сцену, сжимая в руке кулон, висевший на шее. Украшение представляло собой серебряный овал, в который был вделан изумруд. Кулон выглядел как глаз, который, будучи покрыт рукой, сообщал носителю его свойство невидимки. Сейчас Ларисса была невидимкой.

Годами Дюмон собирал подобные вещицы магического свойства, используя их для вящей славы «Мадемуазель».

«Глаз», как его называл Дюмон, был одним из самых ценных предметов коллекции. Он использовался для получения эффекта внезапного появления на сцене, что производило оглушительное впечатление.

Танцовщица вслушивалась в пение Касильды. Она внутренне молилась за ее успех, говоря: «Ты это можешь».

Надежды мои померкли,
Как свет любимых глаз,
Пропали, как сон на рассвете...

Голос Касильды набирал силу, но внезапно она осеклась. Произошло это незаметно для непосвященных, но Ларисса знала, что ей придется успокаивать подругу после спектакля. Она заняла исходную позицию для роли и сняла руку с «Глаза».

Публика издала вздох облегчения, когда перед ними появилась прекрасная Морская Леди. Ларисса прикрыв глаза отдалась музыке и роли.

Рауль Дюмон наблюдал за ней, смешавшись с толпой. Это всегда сообщало ему особые силы. Эта роль раскрывала ее грацию и красоту. Дюмон плотоядно улыбнулся. Сегодня он завладеет ею, если, конечно, этот идиот Джек правильно сыграт свою роль.

Ларисса изогнулась в прыжке. Белая грива ее волос живописно распушилась. Она поколдовала над Флорианом, и тот поднялся. Молодая женщина чувствовала, что роль ей

удаётся. Музыка становилась одним целым с ее существом. Но где-то в подсознании гнездилось чувство, заставлявшее ее механически исполнять движения.

Неожиданно она вновь услышала барабанную дробь. Зловещий ритм сбивал ее с заученных движений. Она оступилась и, хотя публика ничего не заметила, она сильно удивила коллег-артистов. Ларисса танцевала безупречно и обычно никогда не сбивалась.

Завершив свою партию, Ларисса прикрыла рукой «Глаз». Будучи невидимой, она подбежала к большому кипарису и прислонилась, тяжело дыша. Для не было ничего важнее танца. Конечно, барабаны объективно сбивали, но она как профессионал не могла, не имела права поддаваться на их ритм.

Ощущая свое бессилие, она ударила кулачком по стволу дерева. Ей стало страшно больно, и это усилило ее недовольство собой.

– Деревья не любят такого обращения. Это вряд ли хорошо для вашей руки, – послышался голос из-за спины.

Вздрогнув, Ларисса обернулась. Она оказалась лицом к лицу с молодым человеком, который с улыбкой смотрел на нее. Она было подумала, что нечаянно сняла руку с кулона, но нет – ее рука прикрывала «Глаз». У нее от удивления перехватило дыхание.

– Вы меня видите? – спросила она.

– Конечно вижу. Как бы иначе я узнал, что вы ударили по дереву?

Лариссе показалось, что он наслаждается ее растерянностью, но вместе с тем он ничем не выказывал какого-либо злого умысла.

Ларисса была крайне смущена и продолжал глядеть на незнакомца. Он был просто загляденье. Его одежду составляли просторная белая рубашка, жилет, бриджи и кожаные полуботинки: все простое и функциональное. Юноша был высок ростом и хорошо сложен, хотя не мускулист. Густые каштановые волосы прекрасно сочетались с глазами. Лицо отличалось правильными чертами, но что-то в глазах и уголках рта говорило о том, что он не очень серьезно относится к самому себе.

Ларисса обнаружила, что она тоже улыбается. Она уже открыла рот, чтобы спросить, каким образом он может пересилить волшебные чары и видеть ее – невидимую для всех, как вдруг обнаружила, что музыка прекратилась. Вторично за один вечер она допустила ошибку. На этот раз она не вышла на финальный поклон. Она быстро выбежала на сцену и присоединилась к Касильде и Сардану, принимавшим оглушительные аплодисменты. Публика была явно довольна.

Кланяясь, она поискала в публике капитана, но, увидев его, съежилась как от холода. Он не улыбался, его глаза приобрели цвет нефрита.

Она поняла, что он заметил ее оплошности. Это не предвещало хорошего продолжения вечера. Она украдкой взглянула на то место, где только что стояла. Юноша исчез,

она странным образом почувствовала себя одинокой. Люди из толпы пришли поздравить артистов. Дюмон, приблизившись, молча протянул руку. Ларисса так же безмолвно отдала ему «Глаз». Он был чрезвычайно заботлив в отношении сокровища.

– Что случилось с тобой? – спросил он, пряча «Глаз» в специальную сумку.

– Прости меня, дядя. Меня отвлекли барабаны.

Лицо Дюмона стало каменным:

– Какие барабаны? Те, что так расстроили тебя раньше?

Ларисса с удивлением посмотрела на него. Барабанная дробь была слышна, несмотря на человеческие голоса и звуки цикад. Неужели он не слышит?

– Эти барабаны! – она кивнула в направлении топей.

Дюмон не смягчился.

– Ошибки может допустить каждый, – сказал он, стараясь быть терпеливым. – Но тебе пора понять, что никаких барабанов нет. С меня достаточно этих пустых объяснений.

Ларисса не могла уразуметь этого. Она явственно слышала призывные звуки, а он утверждал, что ничего не слышит. Она хотела продолжить спор, но была перебита мэром Фокелейном;

– Капитан Дюмон! Какое величественное представление! Сколько талантов на борту плавучего театра!

– Благодарю вас, мэр Фокелейн, – ответил Дюмон. – Познакомьтесь с моей воспитанницей – Ларисса Снежная Гри-

ва. Дорогая Ларисса, это – мэр Бернар Фокелейн.

Довольный Фокелейн взял руку Лариссы и запечатлел на ней слюнявый поцелуй:

– Спасибо за доставленное удовольствие, мадемуазель. Ваша Морская Леди незабываема! Такой грации я пока не видел! Капитан, вы с вашим плавучим театром должны остаться здесь в Порт-д-Элуре подольше.

Дюмон откликнулся на комплимент:

– Будет большой честью для нас. Артистам здесь тоже понравилось.

Он оглядел море голов, освещенных факелами. Иллюзия островного рая исчезла, но впечатление от спектакля осталось. Во всяком случае, рыночная площадь не выглядела столь безнадежно.

Смешавшись с артистами, жители Сурани, казалось, потеряли свою настороженность.

– Остается, конечно, вопрос о расходах, – сказал Фокелейн. – Население страны небогато.

Дюмон засмеялся: – Я вижу хорошо одетых людей, украшения, богатые дома.

– Мы обмениваемся товарами, услугами. Думаю, медный грош...

Ларисса позволила себе проигнорировать продолжение беседы на деловые темы. Она вслушивалась в барабанную дробь. Никто, кроме нее, не обращал внимания на дополнительный шум. Может быть, сураняне привыкли к нему. А как

обстояло дело с приезжими?

Касильда болтала с молодым человеком приятной наружности. Сардан был в центре хихикающих девушек. Никто не ощущал неудобства. Ларисса не видела в толпе приятного молодого человека, увиденного ею ранее. Куда он мог подеваться?

Ларисса почувствовала мягкое прикосновение к своей руке. Распровавшись с Фокелейном, Дюмон обратился к ней:

– Где ты была?

– Нигде. Чем кончились переговоры с мэром?

– Серебряная монета с посетителя плюс снабжение нас на протяжении всего пребывания. Но не бери в голову это. Ночь слишком тепла, чтобы проводить ее в толпе. Не прогуляешься ли со мною?

Ларисса улыбнулась в ответ, узнавая прежнего Дюмона. Она приняла его руку, сжав ее. Капитан уводил ее с бурлящей рыночной площади. Некоторое время они шли молча. Дорога вела в сельскую местность, петляя между богатыми домами, которые они видели с борта корабля. Ларисса загляделась на один из домов, выстроенных из камня и кипарисов. Детали не были видны из-за темноты, но она отметила, что у домов большие окна – редкая роскошь для изолированного места. Резные фигуры держали горящие светильники. Дюмон решительно взял руки Лариссы в свои:

– Я не хотел ничего дурного вчера. Ты была очень смела в борьбе с чудовищем. Пойми меня, я опасался за твою жизнь.

– Я знаю, дядя. Я обещаю... Внезапно перед ними выросла фигура в капюшоне и с мечом. Человек приставил меч к горлу Лариссы и, уверенный в своем превосходстве на безлюдной дороге, произнес:

– Одно движение, и девушка погибнет.

Глава V

Ларисса стояла не двигаясь. Она перебирала в голове приемы, которым ее обучил Сардан. Ситуация была необычной.

– Теперь, сэ, передайте мне все деньги, которые у вас имеются.

Его голос показался Лариссе знакомым. Она ожидала, что Дюмон подчинится и разбойник удалится удовлетворенный, но услышала щелчок обнажаемого Дюмоном меча.

– Оставь девушку, ты, подобие человека? Я не хочу проливать кровь на этой земле!

Незнакомец повернулся к Дюмону:

– Ты избрал смерть! – Он взмахнул мечом, но Дюмон парировал удар. Ларисса отбежала под укрытие каменного дракона. Человек размахнулся еще раз. Дюмон хладнокровно блокировал его.

– О, смелый, смелый бой. Он обещает кровь. Я жажду.

У Лариссы перехватило дыхание: слова были заимствованы из третьего акта «Удовольствия пирата».

– Остановись, дядя! – закричала Ларисса, выходя из своего укрытия. – Это не убийца. Это розыгрыш!

Ее слова утонули в звоне клинков. Разбойник сделал удачный выпад и нанес удар по руке Дюмона. Пролилась кровь, которая поразила незнакомца.

– Конец игре, – произнес капитан. Разбойник был обес-

куражен. Дюмон перешел к борьбе всерьез. Он был намного искуснее нападавшего и вскоре нанес ему смертельный удар.

– Подонки вроде тебя заслуживают гибели, – холодно произнес Дюмон.

Лжебандит перегнулся пополам. Он взглянул на Лариссу.

– Лиза... – Под его упавшим телом образовалась кровавая лужа.

Наступила тишина, если не считать барабанной дроби, слышной только Лариссе. Она оторвала взгляд от убитого:

– Он сказал «Лиза»... Дюмон тщательно вытирал кровь со своего меча.

– Он сказал «ложь». Дорогая Ларисса, это, конечно, неприятно, – он спрятал меч в ножны и подошел к убитому. – Боже, да это Джек!

Голос Дюмона был фальшиво удивленным. Ларисса отвернулась, узнав главного рулевого. Ею овладела жалость. Что заставило рулевого сыграть такую шутку с капитаном? Он должен был знать реакцию Дюмона. Его раскрытые глаза были полны удивления и ужаса.

– О Джек, – капитан склонился над ним. – Что подвигло тебя на такую глупость? – Он склонил голову в притворной горести, затем встал, обернувшись к Лариссе, окликнув ее.

Он давно хотел расквитаться с Джеком, который все больше предавался пьянству и знал слишком много. Он мог проболтаться, что делало его опасным.

Теперь Дюмон ожидал благодарностей, объятий Лариссы

за поступок, сделанный в ее защиту. Однако капитан просчитался. Он потерял не только рулевого, но и доверие Лариссы.

Однако, услышав боль в голосе Дюмона, зовущего ее, она устыдилась. Даже если Дюмон убил члена экипажа, он действовал под впечатлением меча, поднесенного к ее горлу. Перед ним не было выбора.

– Извини меня, дядя. Я просто...

– Ну ладно, дитя. Ты просто испугалась. Она обняла его, прижавшись головой к его груди, как она не раз делала все эти восемь лет. Дюмон погладил ее волосы и перенес руку ей на пояс, прижав девушку к себе. В нем просыпалось желание, вытеснявшее возбуждение сражением.

– О Ларисса! – его голос охрип от вожделения.

Лариссе раньше приходилось слышать подобные голоса мужчин и она привыкла не доверять им. Услышав это, исходящее от Дюмона, она почувствовала привкус предательства. Она оттолкнула его, ощущая одновременно шок, гнев и страх. Он недовольно отступил.

Ларисса в панике схватила меч, который выронил Джек. Меч оказался тяжелее, чем она того ожидала. Она схватила его двумя руками и направила его в живот Дюмону.

– Прочь! – проговорила она. Дюмон возбужденно засмеялся:

– Ты не имеешь понятия, как обращаться с ним.

Он конечно был прав. Она тем не менее держала меч, де-

монстрируя решительность.

– Может быть, – произнесла она, – но это все-таки оружие.

С Дюмона было достаточно. Кажется, все на этом острове идет не туда, от нападения чудовища из тумана до невероятности с Бринном и вот теперешнего случая. У него не хватило терпения растрачивать себя на препирательства с Лариссой. Он распрямился, светильник на улице придавал его лицу демонический вид.

– Ты такой еще ребенок, произнес он. – Мне недосуг заниматься играми. Пора вырасти.

Ларисса занимала оборонительную позицию, скрывая свой страх.

– Дай мне меч! – нахмурился Дюмон. Для Лариссы он выглядел куда более опасным, чем Красавчик Джек.

– Держи его! – крикнула она, бросая меч изо всей силы. Меч задел Дюмона, легко ранив его в левую голень. Он упал наземь.

Но Ларисса не видела всего этого. Избавившись от меча, она побежала в направлении города так быстро, как только могла. Рычание позади нее свидетельствовало о погоне.

Она не думала, что они отошли так далеко от центра города, людей и относительной безопасности. Пробегая мимо богатых домов, она подумала о возможности попросить убежища в одном из них, но взгляд на причудливые украшения, охраняющие входы, заставил ее отказаться от этой мысли. Ей были слышны крики Дюмона, и она подумала, что длин-

ноногий капитан скоро ее догонит.

Никогда еще в своей жизни она не чувствовала такого одиночества. Лунный свет слабо освещал дорогу, играя длинными тенями. Туман начал скрывать ее лодыжки. Барабаны забили громче. Ларисса молча помолилась. Город приближался. Ее сердце громко стучало. Молодая танцовщица увидела железную ограду и перелезла через нее. Спрыгнув на землю, она подумала, что Дюмон не сможет так справиться с ржавой оградой. До рыночной площади оставалось пересечь несколько улиц. Ларисса не останавливалась. Мир вокруг нее рушился. Она была загнанным существом.

По левую руку она увидела деревянный дом. Это был, если верить вывеске, постоялый двор «Упреки Джея». Изнутри доносились звуки музыки с изрядной долей фальши. Шум из постоянного двора почти пересиливал барабанную дробь.

Ларисса с ходу перепрыгнула, зацепилась руками за бревно, на котором висела вывеска. Затем она подтянулась и забралась на крышу. Она тихо застонала от вонзившейся в бедро занозы. На какое-то время она почувствовала себя в безопасности.

Из-за угла вывернулся Дюмон. Его нога кровоточила, и он хромал. Лицо капитана было искажено гневом. Он искал ее. Вывеска все еще раскачивалась, но он не заметил этого и вошел внутрь. Ларисса слышала, как он громко разговаривает с хозяином постоянного двора.

– А что это за прекрасная птичка сидит на крыше?

Ларисса вздрогнула, едва не потеряв равновесия. Она увидела давешнего юношу, с которым разговаривала. Он стоял непосредственно под нею и улыбался. Девушка приложила ко рту палец.

Молодой человек улыбнулся еще шире, кивнул головой и пропал из глаз. Сердце Лариссы замерло, когда она услышала, что он открыл дверь в помещение и произнес:

– Милорд, я видел девушку, которую вы ищете.

– Где? – раздался голос Дюмона.

– Она побежала по Старой Дороге Кипарисов. Должно быть, она будет прятаться в одном из домов.

Ларисса с облегчением вздохнула. Ее первое впечатление о юноше оказалось правильным.

Дюмон выругался, двинувшись в указанную сторону. Ларисса выглянула из своего укрытия. Молодой человек был опять под вывеской.

– Ты не выдал меня!

– Конечно, нет! Он хотел зла тебе. Ты спустишься или мне подняться? Ларисса рассмеялась:

– Я сойду вниз. Ты спас меня. – Она грациозно спрыгнула. – Может потерпевшая узнать имя ее спасителя?

Юноша был в замешательстве. Помедлив, он наконец произнес:

– Уилен.

Она ему не поверила. Она подумала, что юноша не привык лгать, поэтому с таким трудом дал фальшивое имя.

– Уилен, меня зовут Ларисса Снежная Грива. Я...

– ...Морская Леди из «Удовольствия пирата». Я был на представлении. Приятно познакомиться. Можем мы продолжить разговор где-нибудь в приемлемом месте?

Ларисса отнюдь не хотела провести весь вечер в гонке. Из дома вышла женщина, на которой было мало одежды, но много косметики. Она косо взглянула на Уилена и занялась прической. Улица была грязной и вонючей.

– Хорошо, согласилась Ларисса. Пойдем куда-нибудь.

– Проводить время на «Мадемуазель Мюсарда»?

– Да, но не сразу. Я должна подумать.

– Как пожелаешь, – он задумался. – Есть приличное место недалеко, где можно поесть. Ты ведь голодна?

Ларисса продумала, что унять голодный желудок было бы неплохо. Перед спектаклем она не поела, а отдача энергии была велика.

– Я могла бы съесть лошадь, – сказала она Уилену.

– Сомневаюсь, что здесь где-нибудь подают на стол лошадей, но спросить можно.

Ларисса рассмеялась, впервые после гибели Лизы почувствовав себя счастливой. С преувеличенной галантностью он подал ей руку. Она приняла его игру.

Они направились в центр по мощеной улице. Лариссе не понравилась эта улица, на которой частные дома перемежались с развалинами. Внезапно Ларисса ощутила, что не слышит барабанной дроби.

– А что, если капитан Дюмон найдет нас?

Уилен покачал головой, сдерживая смех:

– Не сможет. Я послал его по улице, на которой расположены сплошь бордели.

Он взглянул на нее, предлагая разделить шутку. Она засмеялась. Скоро они добрались до симпатичной таверны, которая называлась «Два зайца». Ларисса с любопытством разглядывала вывеску, изображавшую двух комичных зайцев, обнимающих друг друга. В лапах они держали бокалы с вином. Один из зайцев выглядел захмелевшим, его уши были опущены.

Войдя в помещение, Ларисса почувствовала, что ее доброе настроение улетучилось. Зал был темным, он освещался дымящими фонарями и огнем очага. Все разговоры стихли, музыканты нестройно замолчали. Посетителей было немного, они открыто изучали молодую танцовщицу. Ларисса вспомнила, что она одета в вызывающе открытое платье.

Она хотела предложить Уилену уйти, но тот уверенно прошел в середину прямо к толстому хозяину таверны, вытиравшему посуду и смотревшему черными злыми глазами.

– Жан? У тебя сегодня почетная гостя – одна из ведущих актрис плавучего театра. Она желает попробовать твоего изысканного угощения. Я сказал ей, что твое место – лучшее в Порт-д-Элуре.

Жан долго смотрел на Уилена, потом его борода раздвинулась, обнажив гнилые зубы:

– Лучшее в Порт-д-Элуре? Лучшее во всей Сурани. Итак, Леди с плавучего театра?

Лариссу поразила перемена обстановки. Едва Жан произнес свои слова, атмосфера вернулась к норме. Музыканты вновь заиграли. Посетители согнулись над своими кружками, прекратив рассматривание Лариссы.

Да, я с парохода.

– Узнаю – Морская Леди. Будьте добры, садитесь, я принесу вам нашего лучшего вина. – Он задвигался со скоростью, которую от него никак нельзя было ожидать. Он очистил небольшой стол у очага и указал гостям на стулья.

– Мужчинам вроде тебя подходит одно слово, – сказала Ларисса.

– Что? – Уилен насторожился.

– Очаровательный, – объявила Ларисса.

Уилен облегченно улыбнулся.

– Итак, что здесь едят? Молодой человек пожал плечами.

– Уилен, ведь ты же рекомендовал это место!

– Я сказал, что это уютное место, но не говорил, что я обедал здесь.

Жан принес вино. Он не слышал разговора.

– Наше специальное блюдо – заяц, тушенный в вине.

– Звучит аппетитно, – сказала Ларисса. Хозяин поклонился и оставил их вдвоем. Танцовщица критически рассматривала своего нового друга. Уилен был странным человеком. Начать с того, что он необъяснимым образом увидел ее, ко-

гда она была невидимой для всех. Удивительной была его реакция на просьбу назвать свое имя. Почему он скрывал его? Будь на его месте кто-либо другой, она была бы настороже, но Уилен уже доказал свою дружественность.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Я уверен, что твоя жизнь гораздо интереснее моей.

– Не скажи. Человек, который увидел меня невидимкой, представляет для меня особый интерес, – сказала Ларисса, скрывая то, что вино ей не понравилось.

Уилен застенчиво потупился в ответ на ее слова.

– Хорошо выбранная позиция. Дай мне подумать. – Он откинулся на стуле, сложив руки за головой. Ее поразили контраст между детским выражением его лица и сложением молодого мужчины.

– Я родился на этом острове и всю жизнь жил здесь. Моя мать происходит из Порт-д-Элура, но ей не понравилась городская жизнь и люди здесь. Она уехала в топи, когда я был ребенком.

Ларисса похолодела, но внешне осталась спокойной. И так, его мать забрала его с собой в топи. Она представила стволы кипарисов, теряющие мох, мгlistую темень и странное освещение, происходящее неизвестно откуда. Расстроившись, она запретила себе эти мысли.

– Не могу представить, как можно вырасти там, – сказала она, стремясь говорить безучастно.

Уилен пожал плечами:

– Не считаю, что это было так уж плохо.

– У тебя были товарищи по играм в детстве?

Он странно улыбнулся:

– Да, но они очень отличались от городских детей... Единственный недостаток то, что в городе мне приходится заниматься вещами, странными для большинства людей.

– А как ты смог видеть вопреки чарам моего кулона? – наставляла Ларисса.

Уилен начал отвечать, но замолчал при подходе Жана. Ларисса одобрительно ухмыльнулась. К горячему блюду были отдельно поданы незнакомые для Лариссы овощи, которые ей весьма понравились. Уилен некоторое время посмотрел, как ест Ларисса, затем не спеша взял вилку и нож и принялся за еду.

Ларисса даже зажмурилась: заяц в винном соусе был удивительно вкусен. Однако она помнила:

– А магический кулон?

Юноша ответил на вопрос вопросом:

– А как ты сама достигаешь волшебства? Зная действие, узнаешь противодействие.

– Я училась этому. Я... – Ее пронзила догадка: его мать была изгнана городским населением... – Твоя мать была волшебница?

– Я слушал чары, как дети слушают сказки, – подтвердил он. – Иногда я забываюсь.

– Как сегодня?

В притворном покаянии он сказал:

– Как сегодня.

Некоторое время они ели в молчании, отдавая должное изысканной еде, приготовленной в таверне Жана. Ларисса успокаивалась. Прошрое Уилена многое объясняло. Оставалось выяснить, почему в его обществе было так спокойно.

Она раздумывала, как сформулировать вопрос, проясняющий это. Она взглянула на Уилена и почувствовала, что он смотрит на нее с обожанием. Это было нечто другое, чем с другими мужчинами, которые хотели только одного – уединиться с ней в укромном уголке. На его лице был написан восторг, он источал уважение и... чувство игры.

– Я должна идти, – она автоматически протянула руку за кошельком и с досадой заметила, что она в сценическом костюме.

– Уилен, у тебя есть с собой... – она запнулась, а Уилен вывернул карманы. Жан, заметив их жесты, подошел к столу.

– Я забыла деньги в каюте, – начала Ларисса. – Вы можете пройти со мною, или придти завтра, или я приду сюда снова...

Уилен обратил всю мощь своей ослепительной улыбки на хозяина таверны:

– Действительно, Жан, приходите завтра в плавучий театр, вам не только заплатят, но и покажут корабль, не правда ли, мисс Снежная Грива?

Он взглянул на нее, но она смотрела на Жана. Она кивну-

ла в подтверждение его слов.

– О, такое замечательное судно! – проговорил хозяин таверны. – Да, конечно, я приду завтра, и вы мне покажете плавающий театр.

– Конечно, Жан! – Ларисса сказала с облегчением. – А я буду рекомендовать вашу таверну всем, кого я знаю.

В этот момент послышались раскаты в отдалении. Ларисса подумала, что это снова барабаны, но это был гром. На посетителей он произвел неожиданное впечатление. Они стали расплачиваться и поспешили к выходу. Жан слегка побледнел и стал закрывать таверну.

– Что происходит? – удивилась Ларисса.

Юноша серьезно посмотрел на нее.

– В Сурани есть поговорка: «В дождь скачет смерть». Сураняне испокон века боятся грозы. Здесь нет колодцев, так как вода в них протухает, а пить воду из болота не станешь. Таким образом, запасы питьевой воды пополняются за счет дождя. Тебе, действительно, пора идти.

Ларисса почувствовала себя неуверенной. Она, правда, была рада вернуться на корабль, где она находилась в безопасности. Уилен ни о чем не спрашивал по дороге в порт. Гром грохотал, а когда они были почти у цели, разверзлись хляби небесные. Они оба немедленно промокли. Ларисса задрожала от наступившего холодного воздуха. Уилен прикрывал как мог ее своим телом. Они оказались под козырьком магазина.

– Это скоро кончится, – проговорил он. – Это долго не бывает.

От его тела исходило тепло, и Ларисса, вопреки всему, считала нормальным принимать такое тепло. Его руки лишь защищали ее и согревали. Танцовщица вздрогнула, почувствовав напряжение юноши.

– Что это?

– Ничего, – мягко сказал он, заслоняя ее. – Не смотри туда!

Был слышен цокот копыт по мокрым камням. Звук приближался. Ларисса не выдержала и выглянула. Она увидела черный силуэт на серой рыночной площади. Огромный конь, черный, как ночной кошмар, проскакал мимо, терзая мостовую. Ларисса не успела заметить всадника. Она лишь увидела черный капюшон. Затем звук копыт был поглощен раскатами грома. Девушка была рада, что ее оградили от большего зрелища. Она видела лишь краткий эпизод.

– Его больше нет, – сказал Уилен, вежливо отклоняясь от Лариссы.

– Кого?

Юноша затряс головой:

– Не спрашивай. Хорошо, что он не остановился.

Лариссе отчаянно захотелось вернуться на пароход.

Вдруг молодой человек произнес:

– Я напугал тебя? Ты опасаясь не всадника, нет! А меня!

Из вежливости Ларисса хотела ответить отрицательно, но не смогла сказать неправду его озабоченным глазам.

– Да, – медленно призналась она, – однако я не могу сказать почему. Может быть, я поддалась сегодня панике. Пошли дальше!

Они вышли из своего укрытия. Дождь почти прекратился, они достигли гавани. Девушка многое хотела сказать, но не находила слов. Уилен чувствовал ее замешательство. Неожиданно он как будто принял решение. Он снял с шеи туго сплетенные бусы. Они были сделаны довольно грубо, и в них были вплетены корни неизвестного растения. Прежде чем она успела возразить, он надел бусы ей на шею.

– Они будут охранять тебя. Носи их всегда, пожалуйста.

Ларисса оцупала бусы. Она вспомнила предупреждение Дюмона в отношении подарков от незнакомых. Но сегодня вечером она опасалась именно Дюмона, а не Уилена. А бусы не могли ей повредить, будь они волшебными или нет.

– Спасибо, – просто сказала она, впорхнув на сходни, не оглядываясь.

На корабле она прошла в свою каюту. Заперла за собой дверь и стала готовиться ко сну. Она взбила подушки и натянула одеяло на голову.

Однако молодая танцовщица не заснула до тех пор, пока не появились первые лучи солнца.

Марсель покидал «Двух зайцев» бранясь. Дождь готовился весь день, и он должен был приготовиться. Тем не менее, он оказался не в той части города, когда...

Сердито музыкант завернулся в накидку, не забыв о драгоценной флейте. Тонкая ткань накидки не предохраняла его от сырости, он промок. Марсель прижал к груди футляр с флейтой.

Он спешил, нервно оглядываясь и ступая по глубоким лужам. Его дом был прямо на дороге, ведущей от «Упреков Джея». Он дошел до рыночной площади. Он обрадовался, увидев вывеску, скрипящую на свежем ветру. Он почти смеялся:

– Клянусь бакенбардами Буки, я сделаю это.

В это мгновение он услышал цоканье копыт.

Его сердце спазматически сжалось, и он чуть не выронил флейту. Марсель перешел на рысь, затем побежал еще быстрее. За спиной развевалась накидка. Безуспешно он пытался успокоить себя: лошадей держат и другие, не только ОН... Может быть, люди просто добираются домой, совсем как он сам.

Мелодичный звук копыт нарастал. Конь перешел на галоп. Послышались другие – незнакомые – звуки.

Футляр с флейтой упал на мостовую, когда протянутая ру-

ка дотянулась до горла Марсея.

Глава VI

Для капитана Дюмона это был очень неудачный вечер.

Молодой человек не обязательно указал неправильный путь по Старой Кипарисовой Дороге. Но Дюмон не смог найти свою воспитанницу. Битый час провел он, поочередно посещая бордели, задавая вопросы и не получая никакой информации. Некоторые женщины ему понравились, но у него не было настроения воспользоваться их услугами. Удостоверившись, что Лариссы здесь нет, он подумал, что она вернулась на пароход.

В полночь он сердито поднялся по сходням. Вахтенный Калев имел для него сообщение:

– Вас ожидает посетитель, сэр. Он назвался Лондом, сказал, что у него срочное дело.

Капитан рассеянно поглядел на съездившегося Калеба, юнца, не знавшего бритвы:

– Он сказал, когда вернется? Калев смешался:

– Он... он не выходил. Он настоял на том, что будет ждать вас в вашей каюте. Мне он не понравился, сэр. Весь закутанный. Я так и не видел его лица.

– Ладно, Калев, – нахмурился Дюмон. – Я займусь им.

Однако прежде всего капитан хотел проверить, как обстоят дела с Бринном. Он надеялся, что горячая ванна и обед, приготовленный Бромом, успокоят матроса. В испуганном

мозгу Бринна таилась информация, которая Дюмону казалась интересной.

В коридоре он натолкнулся на ДрагонеЙса. Опять вокруг него были стружки. Из его чурки получалось нечто похожее на летучую мышь.

– Какие проблемы?

– Никаких проблем, – ответил старший помощник. – Брок дал ему обед. Бринн успокоился немного. Он попросил бумаги, перо и чернила.

– Странно. Он едва может читать. Полуэльф улыбнулся:

– Он настаивал. Я попросил дать ему то, что он просит. С тех пор было тихо. Я думаю, ему надо побыть наедине с самим собой.

– Нам повезет, если он заснул. Ладно, посмотрим, что мы вытянем из него, – капитан застучал в дверь: – Бринн, это капитан. Я пришел посмотреть на тебя.

Ответа не последовало. Дюмон дал знак ДрагонеЙсу. Тот спрятал свою поделку в карман и достал ключ от всех дверей. Дверь открылась, и Дюмон заглянул в темноту.

Ванная комната, в которой находился Бринн, была приспособлена для стирки тонких вещей, принадлежавших Лариссе и Касильде. Одна ванна предназначалась для стирки, другая для полоскания. Здесь мылся и сам капитан, иногда позволяя принимать ванну другим. Матросы довольствовались купанием в реке.

Войдя в каюту, они увидели, как колышутся костюмы, вы-

вешенные на просушку. Дюмон издал особый свист, и ключи в руке Драгонеиса засветились. Магический свет обнаружил картину, повергшую капитана в отчаяние.

Бринн все еще находился в ванне, но не утонул. Его белое, как у рыбы, тело плавало в кроваво-красной жидкости. Подле ванны на полу лежал нож, которым он, очевидно, вскрыл себе вены. Серая рука свисала за бортик ванны.

Дюмон почувствовал тошноту, но тем не менее внимательно осмотрел труп, как будто это что-то могло изменить.

– А вот то, что он так настойчиво хотел выразить, – Драгонеис протянул капитану мятую бумажку, на которой детским почерком Бринна было написано:

«Ради милосердия сожгите мое тело, не закапывайте его».

Дюмон покачал головой, думая, что же все-таки произвело такое ужасное впечатление на закаленного жизнью матроса.

– Эх, Бринн, ты так и не смог сказать за свою жизнь ничего толкового! Почему бы тебе не рассказать сначала, что же ты увидел в топях?

– Я могу рассказать о топях, – раздался скрипучий голос.

Вздвогнув, капитан оглянулся и нос к носу столкнулся с сухощавой фигурой среднего роста в капюшоне. Лица незнакомца не было видно. Вся его одежда, включая перчатки, была черной как смоль.

Драгонеис схватился за кинжал. Он стоял в напряженной позе, ожидая команды капитана. По описанию, данному вахтенным, Дюмон узнал, что перед ним посетитель, ожидав-

ший его.

– Лонд, я полагаю, – произнес он холодно. Лишь огоньки в его зеленых глазах выдавали его гнев.

Незнакомец поклонился в подтверждение этих слов.

– Капитан, я поздравляю вас: ваш корабль прекрасен.

– Вы успели изучить его, злоупотребив нашим гостеприимством нынче ночью. Фигура в дверях пожалала плечами:

– Ждать пришлось долго.

Дюмона смутило странное и молчаливое появление Лонда, но он скоро оправился. Он тряхнул предплечьем, и в его правую ладонь соскользнул нож из рукава.

– Мы тщательно оберегаем наше судно, – сказал он, как бы поддерживая светский разговор. – Люди погибали за меньшее, чем проникновение на пароход без приглашения.

Капюшон мешал Дюмону видеть реакцию пришельца. Его стройная фигура не выражала никаких эмоций.

– Я пришел не шпионить и не угрожать вам, капитан. У меня к вам деловое предложение, которое, я надеюсь, вы сочтете приемлемым.

– Я всегда открыт для деловых переговоров, но сначала должен знать партнера.

– Капитан Дюмон, вы желаете знать мои полномочия. Счастлив буду представиться вам, но вначале отпустите вашего помощника.

Дюмон посмотрел на полуэльфа. Тот стоял, не меняя своей боевой позиции, готовый на все.

– Драгонейс останется здесь.

– То, что я доверю вам, предназначено только для вас лично, а не для ушей команды.

– Драгонейсу я полностью доверяю. Он останется здесь, – повторил капитан.

Полуэльф ехидно пошевелил бровью. Дюмон еле заметно кивнул. Драгонейс, взирая на капитана глазами со зрачками как у кошки, опустил оружие. Дюмон вложил свой клинок в ножны:

– Итак, давайте побеседуем.

– Здесь? – удивился Лонд.

– Здесь и сейчас.

– Впрочем, как хотите. Я был на представлении, которое вы давали на рыночной площади. Вы располагаете огромными талантами, как волшебными, так и земными. На подготовку этого, должно быть, ушли годы. – Я – колдун, как и вы, – продолжал таинственный незнакомец, двигаясь по комнате и трогая рукой в перчатке то стену, то висящие костюмы. – Я могу по достоинству оценить ваш труд. У меня перед вами известное преимущество: на мне не лежат заботы о плавучем театре. Я много знаю о Сурани, и эти занятия вкупе с моим колдовским мастерством могут быть полезны человеку вроде вас.

– Что вы хотите сказать?

– Полезным вам как колдуну, – повторил Лонд мягко и умиротворяюще. – Знатоку тонких вещей... собирателю

редких и интересных предметов. – Лонд сделал паузу, давая словам произвести впечатление.

Дюмон ничем не выдавал своей реакции:

– Продолжайте.

– Я знаю, где отыскать вещи, которые вы ищете, как применить их наилучшим образом. Я могу сколотить для вас судовую команду, работающую и дешевую. Предлагаю вам мои услуги, навыки и мудрость.

Капитан глумливо усмехнулся:

– Вы, конечно, потребуете нечто взамен?

– Я хочу выбраться из этой мокрой дыры, – голос Лонда был холоден и безразличен. – В конце концов вы покинете Сурань. Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой. Здесь я получил все знания, которые только мог. Здесь мелко для моего таланта, я хочу развернуться во всю силу. Наверняка цена предложенного стоит того, о чем я прошу.

– Не знаю, – ответил капитан. – Я не привык принимать на веру пришельцев, особенно тех, кто проникает на борт подобным образом. Как мне проверить, кто вы?

Вновь раздался скрипучий смех:

– Позвольте мне продемонстрировать кое-что. Фигура в капюшоне прошла сквозь Дюмона и Драгонейса, как если бы их не было. Дюмон и Драгонейс оставались в своих позах, уныло глядя на мраморного оттенка труп Бринна.

– О чем он пишет в своем последнем послании?

– Он просит, чтобы его кремировали, – произнес капитан

в замешательстве.

– Здесь это невозможно. Никого не кремируют.

– Почему?

Лонд помедлил с ответом:

– Таков местный обычай. Сураняне, как вы скоро заметите, весьма суеверны. Они полагают, что сожжение не угодно высшим силам, которые здесь правят. – Он повернулся к Дюмону, не открывая лица: – Я позабочусь о трупе. Вы разрешите мне сначала опорожнить ванну?

Своими руками в перчатках Лонд схватил ведро, которым наполнялась ванна. Погрузил его в кроваво-красную жидкость, частично наполнив его. В вынутом ведре жидкость приобрела темно-бордовый оттенок. Лонд некоторое время глядел на нее, как на магический кристалл. Дюмон и Драгонейс обменялись взглядами, но не мешали колдуну. Затем, к их ужасу, Лонд поднес ведро к месту, где у него должен быть рот, и шумно отпил.

В едином порыве капитан и старший помощник бросились на мага в капюшоне. Ведро выпало из рук в перчатках, его содержимое расплескалось по полу.

– Чудовище... – начал Дюмон, но его слова обратились в стон от боли, холод сковал его руки, распространяясь по плечам так, будто он погружал руки в снег. Он слышал неровное дыхание Драгонейса и подумал, что тот, очевидно, переживает подобное. Дюмон высвободил руки и почувствовал прилив тепла в свои ледяные конечности.

– Дураки! – прошипел Лонд. – Это часть моей магии! А у вас нервы, как у детей! Капитан Рауль Дюмон, вы будете смотреть на то, что я показываю, или у вас кишка тонка?

Дюмона задело оскорбление, но он сказал сердито:

– Вы меня поразили просто-напросто. Я видел демонстрации и похлеще. Мертвец есть мертвец. Бринн – ваш, делайте с ним что хотите. А я теперь знаю, чего ожидать от вашего колдовства.

Лонд, казалось, смягчился:

– Пусть ваши люди осушат ванну, но оставят воду. Затем пусть положат в нее труп матроса. Я возвращусь к демонстрации моего могущества.

Не говоря ни слова, Лонд набрал еще одно ведро кровавой воды и вышел. Драгонейс бросился было за ним вдогонку, но почувствовал на своем плече руку капитана:

– Пусть идет.

– Он же несет ведро крови, – запротестовал Драгонейс.

– Вахтенный уже знаком с ним. Он не будет особенно стараться с расспросами.

Полуэльф сощурился, его голос был полон недовольства:

– Мы совершаем ошибку. Я не доверяю ему, Рауль.

– Я тоже, – ответил Дюмон, – во всяком случае, сейчас. Но я хочу удостовериться, что существенного он может сделать для меня. Мы, как пара волков, понаблюдаем за ним.

Калевб вздрогнул, когда Лонд прошел мимо по сходням. Как Дюмон ожидал, вахтенный только рад был, что эта зловещая фигура покидает судно. На радостях он забыл задать ему надлежащие вопросы. Наступившая темнота скоро поглотила темную фигуру Лонда.

В это время суток рыночная площадь была тиха как кладбище. Факелы догорели с тем, чтобы быть зажженными на следующий вечер. Лонд был на полпути через рыночную площадь, когда он услышал, что барабанная дробь возобновилась. С другой стороны погромыхивал гром. Под своим капюшоном Лонд нахмурился. Он знал, какого рода существа населяют топи Сурани и терпеть не мог их за тот интерес, который они проявляли к иностранцам плавучего театра.

Его быстрая походка вынесла его в менее привлекательный район города, называвшийся Запортовым. Здесь даже днем редко кто появлялся без оружия и готовности применить его. После же наступления темноты здесь никого не бывало, кроме тех, кто занимался темными делами. Убийства были обычным делом. Страх обитал в Запортовом районе вместе со смертью.

Лонд был коротко знаком с районом, местные беглые преступники узнавали его сразу. Фигура в капюшоне засмея-

лась, налетев на одного потенциального убийцу, бледневшего и отворачивавшегося от него. Лонд знал, что несколькими специальными словами он может потрясти их сознание и вывернуть их души. Те тоже осознавали его силу.

Лишь один человек в Запортовом районе был рад приходу Лонда. Мердук жил в захлавленном мрачном домишке, своими окнами выходящем на худшие трущобы района. Мердука давно убили бы, перерезав ему горло и сломав хребет на темной улице, если бы не покровительство Лонда. Все знали, что костлявый старик, занимающийся разными составами яда, каким-то образом пользуется защитой Лонда, поэтому его жалкая лачуга оставалась нетронутой.

Улица была пустыня. Большинство домов было покинуто, во многих жили крысы. Исключение составляла хибара напротив Мердука. Она походила на таверну и даже имела вывеску с названием «Кошка и мышь». Лонд, однако, знал, что здесь собирается самое отребье. Из щелей в стенах и из-под двери пробивался свет.

Лонд постучался в жилище Мердука, чувствуя, что от костяшек его пальцев колыхается вся лачуга. «Хороший ветер снесет все это», – подумал Лонд. Он услышал возню за дверью.

– Кто там? – раздался тонкий голос старика.

– Кто еще может быть, кроме твоего господина? – отвечал

Лонд весело.

Он слышал, как Мердук отодвигает запоры. Затем Мер-

дук осторожно выглянул, держа фонарь в руке. Его беззубый рот раздвинулся в улыбке, когда пропускал мимо себя своего единственного гостя.

– Мой господин, мой господин! Заходите, чем ваш покорный слуга может помочь вам?

– Добрый вечер, Мердук. – Острые глаза Лонда обшарили помещение. Мердук поставил фонарь на шаткий стол и поспешил запереть дверь за гостем.

Этот человечек готовил снадобья из трав, в беспорядке валявшихся по углам. Некоторые издавали приятный запах, некоторые – ядовитый. Еще больше трав свисало с потолочных балок: они сушились. В одном из углов находилась постель Мердука, состоявшая из грязных лохмотьев. Лонд заметил крысу, перебегавшую комнату. Она не очень спеша нырнула в большую дыру в стене.

– Мне нужны будут большие количества обычного набора. Только смотри не спутай их, как в прошлый раз! – сказал колдун.

В последний раз, когда он прибежал к услугам Мердука, старый маразматик вместо сексуально возбуждающего средства нечаянно создал смертельную отраву. В результате чего Лонду пришлось иметь дело не с любовником, а с трупом, чем он был крайне недоволен.

Мердук вспомнил, как страшен был Лонд в своем гневе. Он не хотел бы пережить такое вновь:

– Ах, мой господин, клянусь, это не повторится вновь.

Он засуетился, по паучьи перебирая различные травы, рассовывая их по мешочкам. Вдоль всех стен на полках стояли самые разные снадобья, некоторые были покрыты толстым слоем пыли. Лонд сам подошел к одной из полок, стал брать отдельные бутылки с зельем, нюхать их и проверять, что написано на пузырьках.

– Все собрано, сэр, – сказал Мердук, преданно улыбаясь, – положить все в сумку?

– Да, пожалуй, – сказал Лонд рассеянно. Он был занят отбором для своих нужд некоторых склянок, помимо приготовленных Мердуком.

– Вы почти весь запас раскупили! – воскликнул он довольно, помещая бутылки в сумку. Колдун порылся в кармане и вытащил десять золотых монет. Он протянул деньги жалкому отравителю.

Глаза Мердука округлились:

– Мой господин! Мне нет больше нужды торговать! – Он сжал монеты в кулаке.

– Верно, Мердук! Прощай! – Лонд выскользнул из комнаты подобно тени, закрыл за собой дверь и направился в таверну «Кошка и мышь».

– У отравителя в руке сейчас десять золотых монет, – сказал Лонд собравшимся в таверне типам, изуродованным шрамами. – Убейте его, сожгите его лачугу, и деньги ваши!

Он едва успел сделать десяток шагов, как услышал хлопанье дверью, а через десять минут пожар окрасил небо в

оранжевый цвет. Лонд был доволен. Он покидает Сурань, у него нет больше нужды в услугах Мердука.

Пройдя несколько ярдов, Лонд достал из кармана агат, откинул капюшон, пробормотал заклинание и мягко потер агатом глаза. Теперь он мог свободно видеть в темноте. Он положил агат в карман и тщательно натянул капюшон на голову.

Колдун шел теперь по дороге, называемой Шаги Печали, в направлении места, которое неохотно посещается людьми днем и избегается ночью. Сойдя с главной дороги, он углубился по одной из дорожек кладбища. Дорожка была широкой, но запущенной. Под ногами шуршал гравий. Луна причудливо освещала ветви дубов, тополей и кедров, искажая очертания каменных саркофагов. Даже далеко от топей Сурань была слишком заболоченным местом, чтобы можно было хоронить в землю. Поэтому даже разбойники и воры гнили в гробницах, просторных и вычурных, а не в почве.

Лонд подошел к железной решетке, сказал несколько отрывистых слов и сделал несколько плавных жестов руками в перчатках. Цепь, надежно перевитая с металлическими прутьями, легко распалась и упала на землю с глухим звуком. Ворота нехотя распахнулись, подчиняясь его прикосновению.

Фигура в капюшоне прекрасно ориентировалась на кладбище. Лонд направился к некоему не украшенному ничем мавзолею, проходя мимо мест успокоения воителей, людей с

благородным происхождением и просто богатых. Туман укутывал ноги Лонда по колено, но он не обращал на это никакого внимания. На кладбище ничто не могло причинить ему вреда. Он подошел к мавзолею, известному под кличкой «Покой бродяг», где были свалены без разбора тела людей без имени. Снова колдун полез в карман и достал оттуда короткую струну. Пропев короткую песенку, он сделал из струны петлю и продел ее в крышку мавзолея. Он поднял руки, и невообразимо тяжелая плита начала подниматься. Она плавала в воздухе в шести футах от мавзолея.

Из мавзолея донеслось ужасное зловоние, но оно не обеспокоило Лонда. Он улыбался, заглядывая внутрь. Там были свалены кости мертвецов. Сверху лежал сравнительно свежий труп. Лонд присмотрелся и узнал его.

– Ладно, парнишка, – сказал он, – ты поработаешь на славу и произведешь впечатление на капитана, смею надеяться.

Он стянул перчатку со своей левой руки и тщательно укрепил ее на стене мавзолея. Затем он оголил руку до локтя и вытащил нож. Тонко отточенный клинок сверкнул на лунном свете, в то время как Лонд, закусив губу от болезненного удовольствия, вонзил кинжал в свою руку.

Глава VII

Ларисса стояла одна на главной палубе «Мадемуазель». Мгла густо наседала с трех сторон, перед ней было серо-зеленое болото и вода цвета чая. Молодая танцовщица посмотрела на воду и улыбнулась своему чувству уверенности, она даже начала двигаться под какую-то свою внутреннюю музыку.

Танцуя, она наслаждалась своей новой силой. Вдруг мутная вода забурлила, и из глубины стала подниматься чудовищная змея. Ларисса не почувствовала страха, так же как она теперь не боялась ни туманов, ни топей. Ее поразило, однако, что змея заговорила, обращаясь к ней дружественным голосом Уилена. Она не могла разобрать слов, которые были невняты, но тон был так приятен, что она прислушалась.

Внезапно, не прекращая своей речи, обращенной к Лариссе, змея начала кровоточить. На ее покрытом чешуей теле стали появляться одна за другой раны. Кровь брызнула на одежду и на белые волосы Лариссы. Ее внутренний мир был нарушен. Она закричала, но змея продолжала говорить. И тут Ларисса обнаружила, что змея не была живой. Это был змеевидный труп. Вдруг змея заговорила голосом не Уилена, а Дюмона и поползла к Лариссе. Девушка хотела бежать, но ноги ее не слушались.

Она слышала раньше, что змеи заговаривают свои жерт-

вы, и знала, что она попалась. Тем не менее она почувствовала, что если будет двигаться, танцевать, все можно уладить...

Резкий стук в дверь заставил ее рывком сесть в постели. Она полностью потеряла ориентацию.

– Да, – произнесла она с надломом.

– Ты что, весь день на койке проваляешься? – послышался голос Касильды.

Это был приятный знак возвращения к норме после сна Лариссы и ее вчерашних приключений. Танцовщица поспешила к двери, чтобы открыть ее своей подруге.

– Ты слышала меня вчера? Я пела как теленок на бойне... Боже... – Касильда внезапно остановилась, заметив, как бледна Ларисса: – Что с тобой? Ларисса затрясла головой:

– Ничего. Я плохо спала. Касильда недоверчиво посмотрела на нее. Ларисса сжала руку подруги:

– Правда!

– Ларисса, бедняжка. Тебе плохо на этом месте? – она импульсивно обняла подругу. Пойдем! Завтрак поднимает настроение.

Ларисса быстро соображала. Столовая во время завтрака была чревата возможностью столкнуться с Дюмоном. Танцовщица понимала, что в тесном пространстве судна избежать встречи с опекуном не удастся, но после вчерашнего случая ей хотелось оттянуть это свидание.

– Нет, я пойду попрактикуюсь для начала, – сказала она и

подумала, что танец окажет на нее благотворное влияние.

Без мастерства Джелаара сцена выглядела голо. Кресла были сдвинуты в дальний угол так, что певцам оставалась для репетиций сцена, а балету – зрительный зал. На Лариссе была короткая сорочка без рукавов – ее репетиционный костюм. Войдя в зал, Ларисса начала разминаться, мягко работая с суставами.

Послышался волчий свист, она нехотя обернулась, боясь столкнуться с Дюмоном. Но это был всего лишь Сардан.

– Если ты пришел посмотреть, то, по крайней мере, можешь наиграть мне мелодию.

Сардан поклонился:

– Рад услужить столь очаровательной леди.

– Побереги комплименты для зрителей, оплачивающих билеты, – возразила она, хотя притворная галантность Сардана была безопасна и поэтому освежающе приятна после приставаний Дюмона.

Сардан взял в руки мандолину, которая была всегда при нем, и провел рукой по струнам. Что касается музыки, то Сардан был сторонником совершенства даже во время репетиций. Наконец, он взглянул на Лариссу:

– Какую мелодию?

– «Течет любовь», – ответила танцовщица, выбрав финальную партию Морской Леди, где она отпускает Флориана.

Сардан ударил по струнам. Ларисса давно чувствовала неудовлетворение хореографией этого танца. Чем старше

она становилась и чем чаще выступала, тем требовательнее она относилась к себе. Настало время поэкспериментировать с этим номером программы. Она начала двигаться. Ее пальцы выписывали узоры в воздухе, ее ноги были легки как морская пена океанских волн. Она разрешила телу полную свободу.

Хотя Морская Леди представляла зло, она должна вызывать какую-то жалость, думала она про себя, выделявая ногами па, символизирующие слезы. Она холодна и бесчувственна до той поры, пока моряк не затронул ее сердце. Ноги Лариссы скользили по доскам сцены. Она завернула свое тело в собственные руки, колыхаясь в отчаянии Морской Леди. Она должна отпустить его в мир, полный света солнца и воздуха, к женщине, которую он любит.

У Лариссы перехватило дыхание. Ее движения стали более сильными, не теряя своей грации. Девушка уже не ощущала деревянного пола и капелек пота, выступивших на ее лице. Ее волосы развевались, как если бы она погружалась в воду. Она дышала и танцевала, не ощущая дыхания и движений. Она чувствовала, что вырастает из оболочки и заполняет весь зал. Тепло заполнило ее тело. Движения давались без усилий. Она самозабвенно совершала большие прыжки, не осознавая себя.

– Ларисса!

Она почувствовала огромное давление на суставы, а ее движения, ее великолепные дикие движения резко прекра-

тились. Она ощутила прочную стену. Голос не давал ей самовыражаться. Она умрет, если не...

– Ларисса, посмотри на меня. Остановись и посмотри!

Голос Сардана доносился как бы издалека. Большим усилием воли она заставила себя сосредоточить взгляд на возбужденном Сардане. Он был бледен, его глаза выдавали испуг. Он взял ее запястья в свои руки и выждал, пока она будет способна внимать ему.

– С тобой все в порядке?

Ларисса обнаружила, что ее сердце сильно бьется. Она облизала сухие губы и медленно кивнула. Она почувствовала сильную усталость. Как будто почувствовав это, Сардан отвел ее в глубину зала и усадил в кресло. Выждав, когда ее дыхание станет нормальным, он спросил:

– Что стало с тобой во время танца?

– Ничего... Просто у меня появились новые идеи.

Сардан покачал головой, озабоченно глядя на нее.

– Я наблюдал, как ты танцуешь, последние четыре года. Ты никогда так не выглядела. Это было... – Он подыскивал слова: – Ты танцевала безупречно.

Ларисса собралась ответить, но он не дал ей говорить.

– Я говорю, что знаю. Ты – совершенство. Несколько минут назад ты была дикой. Ты напоминала какое-то диво, фею, нечто нечеловеческое. – Он остановился, глядя мимо нее. Затем он взглянул ей в глаза: – Ты напугала меня. Мне показалось, что ты исчезла.

Она попыталась успокоить его:

– Сардан, это был просто танец. Ты воображаешь нечто...

– Ты измотана, попробуй отдохнуть. Если ты будешь позволять себе такие экзерсисы каждый день, ты погибнешь за неделю.

– Я прекрасно себя чувствую... Пить только хочу. Ты можешь дать мне воды? – сказала она, надеясь выиграть время.

Молодой человек убежал.

Ларисса глубоко вздохнула и обхватила голову руками. Бывало, что музыка уводила ее, но чтобы так... Некоторое время она как бы изучала свой самозабвенный порыв, и ее тело отзывалось пламенем невиданной энергии. Это было пугающим ощущением. Если бы она знала ключ к этому состоянию!

– Пожалуйста! – Сардан протянул ей бокал холодной воды. Она с благодарностью выпила.

– Я сегодня ничего не ела. Может быть, это связано?

Сардан посмотрел с сомнением:

– Может быть. Поешь и отправляйся спать. Вечером представление.

Он помог ей встать, она устало улыбнулась:

– Как будто тебе есть дело до меня.

– Я просто защищаю мое право соблазнить тебя, – ответил он.

Ларисса участвовала во многих премьерах, но они не были похожи на эту. Охочее до зрелищ население Порт-д-Элура раскупило все билеты. Оставаясь невидимой, Ларисса смотрела на праздничные лица зрителей. Они не пропускали ни одной реплики. Балет был великолепен. Затасканный мюзикл внезапно смотрелся по-новому. Его тепло принимали. Любовная история выглядела свежей, а она, Морская Леди – полной заманчивой опасности.

Ларисса прослушала арию Касильды «Увы, нет больше любви». Она предвкушала, что удача коснется ее подруги. Касильда тоже была захвачена общим настроением чуткой публики и пела прекрасно. Однако последней верхней ноты ей опять не удалось взять.

Ее подруга порадовалась снисходительности зрителей. Аплодисменты были оглушительными, весь актерский состав удостоился овации стоявших зрителей. Покидая сцену, артисты обнимались, находясь в приподнятом настроении. От подобных спектаклей, когда все походило на волшебные трюки Джелаара, все испытывали удовлетворение.

Все еще летя по воздуху, Ларисса буквально дотанцевала до своей каюты. Она излучала улыбки всем встреченным ею – членам экипажа, коллегам артистам, любителям искусства. Она быстро стерла грим и переделалась, затем вышла на глав-

ную палубу для традиционной встречи с гостями театра. Когда она пришла, она обнаружила приятный сюрприз.

Десятки крошечных светлячков через равные промежутки были прикреплены к поручням. Они мерцали как звезды, слетевшие с неба и оставшиеся на корабле, украшая его. Они мягко блестели, распространяя приятный свет на актеров, их гостей из города, на членов команды, разносивших вино. Ларисса увидела, как один молодой человек, желая произвести впечатление на хористку, попытался дотронуться до огонька, который мгновенно погас и возобновил мерцание только после того, как молодой человек убрал руку.

Ларисса подумала, что этот удивительный эффект – плод трудов иллюзиониста Джелаара. Она огляделась вокруг и увидела, что эльф стоит подле гребного колеса на корме. Она поспешила к нему. Он, взглянув на нее, вновь обратил все свое внимание на мерцающие огоньки. Его длинные пальцы протянулись к одному из них, но не тронули его и тот ярко заблестел.

– Они прекрасны, Джелаар, – горячо произнесла Ларисса. – Одна из прекраснейших иллюзий, какие я только видела. Они всем нравятся.

Джелаар странно посмотрел на нее.

– Это не моя заслуга, мисс Снежная Грива, – холодно сказал он. – Это капитан обеспечил ими корабль.

– И хорошо сделал, – послышался шелковый голос Драгонейса.

Джелаар повернулся к первому помощнику с еще более жестким лицом. Эйфория Лариссы стала улетучиваться. Полуэльф и эльф были естественными врагами, как тигр и волк.

– Вам бы надо побольше заниматься собой, Джелаар, – сказал Драгонейс насмешливо. – Вы выглядите усталым. Вы видели себя в зеркале? – засмеялся он.

Ларисса съежилась, увидев высокую степень ненависти на лице Джелаара.

– Извините, мисс Снежная Грива, – произнес волшебник бесстрастно. – Ночь стала неожиданно приятной. – Он резко повернулся, кивнул головой и двинулся мимо полуэльфа с таким достоинством, которое могло задеть кого угодно, но не Драгонеяса, который лишь посмотрел ему вслед и двинулся в другую сторону.

Ларисса видела, как он идет, и пыталась забыть неприятные впечатления от инцидента, которому она только что была свидетельницей. Она перегнулась через поручни, чтобы лучше рассмотреть мерцающие светлячки. Мерцание было то быстрое, то медленное, кроме того, оно изменяло оттенки от желтоватого до голубоватого и фиолетового. Ларисса рассмеялась вслух, испытывая удовольствие.

– Они просто великолепны, – сказала Касильда.

Ларисса засветилась:

– Я ничего подобного не видела! Мне кажется, что я вошла в волшебную сказку.

Обе женщины молча постояли, любясь игрой огней на

бортах «Мадемуазель».

– Публика хороша. Мне так хочется взять эту проклятую ноту, – вздохнула Касильда наконец.

– Ты пела хорошо, а зрители ничего не заметили, – успокоила Ларисса подругу.

– Мадемуазель Снежная Грива? – слышался неуверенный голос, Ларисса увидела хозяина таверны «Два зайца», застенчиво смотрящего на нее. Он снял шляпу и нервно мял ее до неузнаваемости: – Я пришел посмотреть на плавучий театр. Вы помните?

– Конечно, – сказала Ларисса, излучая свет так, что Жан подумал, что снова вошло солнце. – Касильда, это – Жан, владелец таверны в Порт-д-Элуре с самой смешной вывеской, которую я когда-либо видела. – Она быстро описала двух подвыпивших зайцев, а Касильда посмеялась.

– Зайцы происходят из старинного предания, – сказал Жан, которому льстило внимание двух очаровательных дам. – В нем два героя, Длинноухий и Буки. Тот, который умный, это – Длинноухий, а бедный Буки попадает в передряги, из которых его вызволяет Длинноухий.

– Если верить вашей вывеске, то у Буки будет страшная головная боль на другой день, – посмеялась Касильда. – Ларисса, ты обещала показать пароход?

Ларисса объяснила, тщательно избегая называть Уилена.

– Хорошо, – сказала певица. – Весь пароход мы показать не можем, но мы проводим вас по палубам.

Жан с трудом верил своему везению. Он знал, что эти леди требуют светского обращения, и все же представлял, что он будет предметом пересудов, прогулявшись по палубам с двумя красавицами. Он просто сиял от счастья.

– Ларисса, дорогая, – послышался голос капитана. – Ты, кажется, не представила мне своего друга.

Танцовщица была готова разорвать Дюмона, но кипучая атмосфера вечера захватила ее. Она с улыбкой повернулась к нему:

– Дядя Рауль, это – Жан, содержатель таверны «Два зайца». Вчера вечером я была в сценическом костюме и у меня не оказалось денег, он был настолько любезен, что простил мне это, а я обещала показать ему наше судно.

В ее отношении к опекуну было тихое сопротивление, и она осознавала это. Позиция Лариссы была ясна: она забудет вчерашний вечер, если это сделает и капитан. Серо-зеленые глаза Дюмона смотрели на нее спокойно.

– Жан, вы действительно были добры к моей воспитаннице. Она имеет право отплатить вам за гостеприимство. Желаю вам хорошей экскурсии.

Троица направилась на нос. Ларисса без умолку и восторженно болтала. Дюмон понаблюдал за ними. Ларисса не сердилась на него, но и не была напутана. Он расправил плечи и затянулся трубкой, заставляя себя думать о более счастливом повороте вещей.

Корабль был переполнен. Актеры и публика наслаждались

жизнью. Огоньки, стоившие жизни четырех матросов, весело мерцали. У них была способность управлять эмоциями, вчера Дюмон почувствовал себя счастливым, наблюдая их. Сейчас они делали счастливыми весь корабль. Их возбуждение было благом для бизнеса. Дюмон задавал себе вопрос, будет ли экипаж работать с такой же эффективностью, как теперь под влиянием магии огоньков. Надо будет посмотреть, может быть, придется убирать огоньки в рабочее время.

Капитан оперся на поручни, наблюдая отражение огоньков в воде. Его внимание привлекло движение на берегу. Когда незнакомцы приблизились, Дюмон узнал в одном из них Лонда. Компаньон колдуна был в темном капюшоне, полностью скрывавшем его лицо. Они поднялись по сходням на палубу, направляясь к Дюмону. Люди расступались перед ними, не теряя своей веселости. Вблизи Лонда и его спутника чувствовался невообразимый смрад, разносившийся теплым бризом.

– Я завершил первую часть моего представления. Мы можем удалиться в вашу каюту? – прошептал Лонд.

Дюмон сжал трубку зубами, пытаясь сосредоточиться на аромате табака:

– Кто ваш друг?

Незнакомец стоял склонив голову и отвернув лицо.

– Вы еще с ним встретитесь, капитан. Пройдемте в каюту.

– Я не позволю вам играть мною. Если вы не представите вашего вонючего друга, вы покинете борт корабля.

Лонд вздохнул:

– Хорошо, капитан. Хотя, строго говоря, в этом нет необходимости: вы его знаете.

Он встал перед незнакомцем и приоткрыл капюшон так, что Дюмон мог видеть его лицо. У капитана широко раскрылись глаза, он отступил назад.

Это был Красавчик Джек.

Лицо трупа можно было узнать, но первые следы разложения проявились на мертвече двухдневной давности. Его кожа была болезненно серой, глаза не в фокусе. Пораженный взгляд Дюмона упал на живот Джека, он откинул капюшон и увидел спекшуюся рану и рубашку с засохшей кровью.

– О, нет. Ты мертв.

– Да, капитан Дюмон, он мертв. Теперь можем мы проследовать в каюту?

Глава VIII

– Куда вы направитесь? – побледнел человек.

– Через топи, – повторил Дюмон, сдерживая нетерпение. –

Вам это знакомо?

Кандидат в моряки затряс головой:

– Извините, капитан, я был бы рад наняться к вам, но я близко не подойду к этому месту. Это колдовское место. Разве вам никто не сказал этого? Там пребывает Хозяин Мертвых!

Эти слова Дюмон слышал в четырнадцатый раз за это утро. Он едва сдержался, чтобы не броситься душить этого парня.

– Да, я слышал это, – ответил он сдержанно. – Если вы не готовы подписать контракт, то можете идти.

Человек хотел сказать что-то, но, увидев нарастающий гнев капитана, счел за благо промолчать. Он неуклюже поклонился и заспешил к сходням.

Сидя за маленьким столиком на носу судна, Дюмон нахмурился. Он думал, что легко наберет несколько новых членов команды после состоявшейся удачной премьеры. Но он не учел того, что люди боялись топей.

– Это оказалось сложнее, чем с волками в Аркандейле, – проговорил он Драгонеису, стоявшему опершись на поручни.

– Не беспокойся. Парочка охотников для топей всегда найдется, – откликнулся первый помощник, стругая фигурку. Ветер шевелил его серебристые волосы. Казалось, он совсем не интересуется происходящим. Но это впечатление было только кажущимся, благодаря его позе и одежде.

В отличие от него, Дюмон был в полной капитанской форме. Золотые пуговицы его костюма отражали солнце, галунны оттеняли синий костюм. Его зеленые глаза смотрели на кандидатов с большим вниманием, чем Драгонейс. Появился еще один желающий.

У Дюмона возникло чувство, что он где-то видел его:

– Я знаком с вами? – спросил он вежливо.

Юноша улыбнулся:

– Нет, капитан.

– Имя?

– Уилен.

Дюмон занес имя в список:

– Профессия?

– Никакой.

– Место жительства?

– Я жил в топах три-четыре дня тому назад.

– Могу я выслушать объяснение этому факту?

Уилен обезоруживающе улыбнулся:

– Капитан, я вырос в топах. Моя мать была отшельницей и взяла меня с собой, когда я был ребенком.

Дюмон не сводил глаз с Уилена, он заметил, что Драго-

нейс прекратил строгание. Это был явный признак заинтересованности в кандидате. Капитан продолжал:

– Чем вы можете заниматься на борту, вы имеете опыт?

Уилен слегка оторопел. Он застенчиво сказал:

– Откровенно говоря, опыта у меня нет никакого, если не считать греблю на лодках, которые мы употребляем в топях. Они называются пироги. С этим я хорошо знаком. Я знаю, как их делают из кипарисовых стволов. Я также неплохо знаю топи.

Его растерянность прошла. Он почувствовал свою компетентность и продолжил:

– Я знаю, где быстрое течение и в какое время года. Мне знаком каждый фут под поверхностью воды. Я знаю, как обойти опасные места, подстерегающие лодку. Местные люди боятся топей. Они не хотят знать ничего, кроме суеверий. Они не хотят даже приближаться к этим местам. Если вы планируете двигаться в этом направлении, вам не найти никого лучше меня, чтобы продолжать дорогу.

В манерах Уилена не было хвастовства. Дюмон решил, что юноша говорит правду.

Открытые Бринном светлячки были пока единственным интересным явлением в Сурани. Маленький портовый городок, несмотря на местами разъедавший его упадок, был разочаровывающе нормальным. Здесь очень мало знали о магии. И, за исключением Лонда, никто не располагал сведениями, представлявшими интерес для Дюмона.

Пересекать топи без проводника было бы глупо. Кроме того, Дюмон отчаянно нуждался в рулевом. Красавчик Джек сначала был пьян, затем мертв, а теперь был безмозглым ходячим трупом. Одушевленный юноша, стоявший перед капитаном, был даром небес.

Дюмон отметил в списке имя Уилена:

– Как я могу найти вас в случае надобности, Уил? – Он преднамеренно изменил имя. Если у мальчишки есть собственное я...

– Я буду поблизости, вам не представит большого труда найти меня, когда надо.

– Ладно, мы еще поговорим. Уилен выглядел обрадованным:

– Спасибо, капитан. – Таким же сияющим взором он одарил Драгонейса и, насвистывая, направился к сходням.

Дюмон обернулся к своему первому помощнику, на губах которого играла улыбка:

– Мне понравился этот человек, капитан. Хуже не будет, если нанять его.

Учитывая, что Драгонейс никого не любил, его реакция удивила капитана.

* * *

– Вы хотите сказать, что идете сквозь топи? – спросил Лонд.

Колдун и капитан находились в каюте Дюмона через несколько часов после ухода последнего кандидата. Ниже, в зрительном зале, шло представление «Удовольствия пирата», и сюда доносились отголоски музыки. Невинные мелодии были жестоким контрастом с атмосферой мрака и смерти, царившей вокруг Дюмона.

Капитан изо всех сил сдерживал эмоции. Он стоял, возвышаясь над Лондом. Два трупа, стоявшие рядом с Лондом, не особенно беспокоили его:

– Именно это я и хочу сказать. Вы желаете покинуть Сурань. Отлично! Вы находитесь на борту «Мадемуазель Мюсарда», которая избирает путь через топи. Единственное интересное явление в этой скучнейшей дыре происходит оттуда, и я хочу знать больше. Я рассказал вам о корабле и тех усилиях, которые мы прилагаем, чтобы корабль стал легендарным.

– Вы попадете в легенду, если пройдете сквозь этот мрак. – Лонд был полон иронии.

– Что именно находится там, чего боятся все? – Дюмон подступался ближе к Лонду. – Когда мы встретились впервые, вы сказали, что знаете, что находится в топях. Расскажите.

Фигура в капюшоне ответила не сразу. Помешкав, он ухмыльнулся:

– Смерть, капитан Дюмон. В топях пребывает смерть. На вашем прелестном судне также присутствует смерть... под

моим контролем. Он прошелся позади Бринна, почти любовно погладив его по спине.

Оба трупa бесстрастно глядели прямо перед собой. Бринн был явным триумфом в демонстрации Лондом своего магического могущества. Капитан плавал больше двадцати лет и видел зомби раньше. (Чего он только не перевидал за годы плавания – и ужасного, и красивого!) Вид Джека ужаснул его, но не особенно удивил.

С Бринном была, однако, особая история. Он мог сойти за живого. Дюмон состряпал байку о болотной лихорадке Бринна, объяснявшую его апатичность и дурной запах. Этот зомби выглядел так, что история его болезни не подвергалась сомнению. Лонд обещал предоставить еще членов команды подобного рода, которые не будут требовать еды, не станут жаловаться и могут работать без усталы.

– Я сам честолюбивый человек, капитан, – заговорил опять Лонд. – Я высоко ценю ваши цели, однако мудрый человек ограничивает свои порывы. У вас уже есть блуждающие огоньки. Они уникальны и характерны для здешних мест. Разве этого недостаточно?

– Так вот как они называются, эти мерцающие светлячки! Значит, блуждающие огоньки?

Фигура Лонда источала напряженность:

– Вы не можете серьезно думать о курсе, проложенном через топы. С таким большим пароходом?

Дюмон протянул руку за трубкой и стал набивать ее таба-

КОМ:

– Именно это я думаю сделать?

– Красавчик Джек не в состоянии стоять у руля.

Дюмон взглянул на труп и издал смешок:

– Это уж точно. Я нанял нового рулевого сегодня, молодого человека, выросшего в топях. Он проведет нас уверенно.

Фактически Дюмон не нанял пока Уилена, но сопротивление Лонда лишь подогревало его аппетит к исследованию топей: было бы просто безрассудно не принять услуги Уилена, единственного человека, который знал топи и изъявлял желание взять на себя работу по проводке. Лонд замолчал, сказав:

– У меня нет выбора. Я хочу убраться с острова и вынужден путешествовать по избранному вами маршруту.

Когда Лонд направился к выходу, за ним последовали Бринн и Красавчик Джек. Дюмон открыл окно, чтобы выветрился запах смерти, и зажег трубку. Затем он прошел в театр, чтобы присутствовать на остатке представления.

Спектакль проходил наилучшим образом. Дюмону даже захотелось подольше пробыть в Порт-д-Элуре. Почти. По окончании представления Дюмон попросил артистов остаться в театре. Публика вышла на палубу. Ларисса не имела ни малейшего понятия, что готовит капитан, но не ожидала ничего хорошего. Касильда была возбуждена:

– Наверное, мы останемся здесь подольше. Публика довольна. Я тоже довольна, – разглагольствовала она.

Танцовщица покачала головой:

– Я тоже надеюсь на это, но сомневаюсь, что так будет.

Дядя не любит подолгу оставаться на одном месте.

Их болтовня была грубо прервана передвижением Бринна, который прошел не глядя на них. Ларисса содрогнулась. Бринн с его ледяными глазами никогда не нравился ей. После болотной лихорадки он стал еще менее привлекательным. Он стал бледнее обычного, как будто болезнь высосала все его соки, изменилась его походка. Он явно не мылся много дней. Вел он себя достаточно вежливо, но его взгляд был отталкивающим – тупым и невыразительным.

Касильда также почувствовала себя неудобно:

– У меня от него мурашки по спине. Ларисса согласно кивнула. Дюмон прошел на сцену, представ перед командой и труппой:

– Леди и джентльмены! Я знаю, что вам понравилось в Порт-д-Элуре, однако, здесь слишком мало публики, чтобы оправдать наши расходы. Через несколько дней мы трогаемся с места.

Хорошее настроение его слушателей испарилось.

– Опять в туман, – пробурчал кто-то.

Дюмон услышал это:

– Да, в туман. Мы успешно миновали мглу. Перед тем как покинуть Сурань, я хотел бы знать, что находится по другую сторону острова. Чтобы достичь южной части, мы пройдем через топи.

В зале послышался ропот. Некоторым было уже что-то известно о топях, но и те, кто ничего не слышал, не испытывали желания вступить в запретные воды.

Ларисса побледнела, ее глаза расширились. Мох, падающий с деревьев... Змеи, обвивающие стволы кипарисов... Темная вода с неизвестными существами, обитающими в глубине... Прыгающие огни. Она сердито стряхнула обуревающие ее мысли.

Дюмон проигнорировал реакцию труппы:

– У нас есть человек, который проведет нас через топи. Я хотел бы представить его вам. – Отечески улыбаясь, он указал молодому человеку на место впереди на сцене. Уилен застенчиво занял место подле Дюмона. Глазами он отыскал Лариссу и сделал ей незаметный знак.

– Он довольно симпатичный, хотя и наглый. Ты заметила, как он подмигнул?

Ларисса кивнула, покраснев. Танцовщица, по существу, не ожидала вновь его увидеть, этот момент был для нее неожиданным. Симпатичный? Да, пожалуй. Особенно сейчас, с лукавинкой в глазах. Этот человек с его улыбкой и глубокими карими глазами вызывал у нее чувство посерьезнее, и это беспокоило ее. Он грозил Лариссе перевернуть всю ее устоявшуюся за последние восемь лет жизнь. Она пошутила, что надо всеми ее чувствами доминирует радость, что он тоже будет на корабле.

Она очнулась от своих мыслей, вернее, ход ее дум приоб-

рел другое направление. Она вспомнила, что Дюмон никогда раньше не представлял новых членов команды и не поощрял их особенно общаться с людьми на борту, чем занимался сейчас молодой человек. Уилен оживленно болтал то с Джелааром, то с Сарданом.

– Ладно, я пойду поприветствую его, – объявила Касильда, приглаживая волосы.

Ларисса отпрянула от подруги. Она подумала, что Дюмон не будет в восторге от того, при каких обстоятельствах познакомились Уилен и Ларисса.

– А это – Драгонейс, – продолжал Дюмон.

Уилен протянул руку. Полуэльф, поколебавшись, потряс протянутую руку. На его губах заиграла неуверенная полуулыбка.

– Добро пожаловать на борт, – произнес он, как будто и на самом деле желал тому добра.

Уилен сразу увидел особые приметы Драгонейса, которые стоили ему его прозвища, и открыто удивился:

– У вас зрачки со шелками, как у змеи! Как интересно! Почему?

Ларисса поежилась: сама она сравнивала полуэльфа с кошкой, это более приятное животное. Наступило неловкое молчание. Ближайшего помощника Дюмона боялись и избегали так же, как и самого капитана. Никто раньше не осмеливался спрашивать Драгонейса о его глазах. На некоторое время все застыли. Дюмон также ждал ответа полуэльфа.

Драгонейс улыбнулся:

– Моя мать всегда говорила, что мой отец был змеем. Конечно, некоторые называли его чудовищем, но за глаза. Я рад, что зубы унаследовал от матери. Трудновато было бы жевать ядовитыми змеиными зубами.

Все с облегчением рассмеялись, громче, чем того заслуживала шутка. Один Уилен не смеялся, он сжал руку Драгонейса и посмотрел на него с невыразимой жалостью, что заметил только сам первый помощник, лицо которого вновь стало невыразительным, как маска.

– Драгонейс, я проведу Уила вниз, проинструктирую его обращению с запасами. Первый помощник изогнул бровь:

– Вы уверены, капитан?

Дюмон нахмурился: он не любил, чтобы его решения оспаривались даже Драгонейсом, и уж конечно не перед лицом команды и трупы.

– Конечно. И скажи Джахедрину, чтобы он дал урок, как обращаться с рулем. Его роста достаточно, чтобы крутить руль, кроме того, он будет штурманом. Остальным, – он обратился к команде и артистам, – выйти на палубу, вас ждет публика.

Ларисса собралась идти вместе со всеми, но почувствовала руку на плече.

– Мисс Снежная Грива, – это был Уилен, – Я хотел сказать, что мне приятно видеть вас после просмотра спектакля.

Его лицо выражало лишь обычную вежливость, и ее охва-

тила благодарность к нему за его сдержанность.

– Благодарю вас, – ответила она в тон ему. В последний момент она вспомнила, как назвал его капитан; – Добро пожаловать на борт «Мадемуазель Мюсарда», Уил. – Она улыбнулась Дюмону и вышла.

Уилен и Дюмон проводили ее глазами:

– Из всех сокровищ на борту это самое яркое. Ты находишь ее красивой, Уил?

– Это считают все, сэр. Дюмон засмеялся:

– Отличный ответ: осторожный комплимент. Я тебе скажу то же, что и всем:

держишься в сторонке от нее и все будет в порядке. А теперь к делу. Итак, «Мадемуазель» – плавучий театр. Мы развлекаем. И чем лучше мы развлекаем, тем больше мы получаем выгоды. Все достаточно просто. Ты видел представление. За некоторые волшебные эффекты несет ответственность эльф Джелаар. Но это не все.

Он подошел к двери позади театра, окрашенной, как и окружающие ее стены, но тем не менее заметной. Дюмон взял связку ключей, выбрал нужный, вставил его в замочную скважину и высвистел серию звуков. Ключ засветился, и дверь отперлась. Уилен вопросительно посмотрел, подняв брови.

– Это ключ, но это магия, – объяснил Дюмон, открывая дверь. Затем он начал спускаться по темной лесенке, за ним последовал Уилен. – Надо высвистеть несколько нот, я тебя

заранее научу этому. Дверь открывается только комбинацией ключа и мелодии.

Спускаясь в темноту, капитан опять посвистел. Ключ зажегся и осветил дорогу мягким излучением. Дюмон оглянулся.

– Я понимаю, что магия обескураживает тебя, но ты привыкнешь. «Мадемуазель» практически напичкана волшебством, которое я вложил в нее за эти годы.

Трап кончился и Уилен огляделся. В большой комнате находились коробки, разное оборудование, кресла, инструменты, мешки с мукой и тому подобное.

– Нередко наши переходы между городами бывают длительными, и надо быть запасливым. Это главный склад. А здесь мы содержим скот.

Дюмон открыл другую дверь, и молодой человек неожиданно почувствовал себя распростертым на охапке сена. Дверь с шумом захлопнулась, он попытался встать, но почувствовал на спине сапог Дюмона.

– Подымайся тихонько и оглядись. Если твоя реакция будет неправильной, ты не покинешь этой комнаты живым.

Капитан убрал ногу. Едва дыша, Уилен поднялся и сел. Он огляделся. Комната была такого же размера, как и предыдущая. Единственным освещением были ключи Дюмона. Пол был покрыт грязной соломой. Уилен увидел скот, о котором говорил капитан: два теленка, кур, несколько овец и свиней. Они смотрели на людей невозмутимо. Однако не это пора-

зило Уилена. В комнате содержались другие существа. «Мадемуазель» была не только плавучим театром, она была рабочей галерой.

Маленькое тщедушное существо, похожее на женщину, было приковано кандалами к стене. Когда-то она была красивой, но сейчас истощенной и грязной, в ее глазах сохранился только страх. Круглыми глазами она наблюдала за Уиленом. На ней были жалкие остатки одежды.

В одном из углов лежала большая лиса размером с теленка. При взгляде на Дюмона у лисы заклокотало в горле. Это был все-таки лис. Он также был надежно прикован. В золотой клетке, свисавшей с потолка жил ворон. Рядом прихорашивался черный кот на цепи, достаточной для того, чтобы помешать ему напасть на ворона. Он изучающе посмотрел на Дюмона и Уилена. Его глаза источали ненависть.

Под взглядом Уилена шерсть животного начала приобретать иную окраску. Ярко-синий цвет начал распространяться от хвоста по всему телу. Уши прижимались к телу. Передние зубы выросли. Звуки разбудили пресмыкающееся, похожее на небольшого дракона. Заключенный в маленькую клетку, дракончик поднял свою головку, покрытую чешуей, и, сузив глаза, посмотрел на Дюмона.

– Перед тобой моя коллекция, – медленно проговорил Дюмон. – Каждое из этих существ представляет ценность для корабля или для меня лично. Я собирал их повсюду. Дай я представлю тебя этой красоте.

Он согнулся над брюнеткой.

– Это – девица-сова из Фальковии. Когда я позволяю ей, она становится ночной птицей-разведчицей. Не правда ли, Елуза, моя дорогая? – он погладил ее. Она оставалась неподвижной.

Дюмон поднялся и продолжал:

– Этот лис из Ришемюло. Он бежит очень быстро. Буштейл, ты голоден? Хм! – Лис смотрел блестящими глазами. – Мы его не кормили два дня. Ты съел бы сейчас цыпленка?

Буштейл оскалился:

– Подонок! Я пронзил бы тебя зубами, если б не знал, что ты ядовит. – Лис потрянул головой.

Капитан лишь засмеялся и двинулся дальше.

– Ворон происходит из Баровии, он знает больше, чем кто-либо, об истории здешних стран. Он говорит правду и только правду, не так ли, Скриша?

Клюв птицы шевельнулся, но звуков не последовало. Дюмон усмехнулся:

– Он сидит в клетке, которая не пропускает звуков. Его знания только для меня, не для тех, кто с ним заключен сюда. Цветные кошки очень редки. Они встречаются только в Генне. Их мех не оценим для волшебных трюков Джелаара. Псевдодракона я нашел в Морденте. Он будет помогать моим волшебным трюкам в конце концов, если его заставить.

Капитан повернулся к своему новому члену экипажа:

– Ну как, понравилась моя коллекция?

Юноша изучающе посмотрел на Дюмона, затем на пленников: – Понравилось или нет, это не то слово. Вы совершили поразительные вещи, капитан Дюмон. И к тому же нашли здесь блуждающие огоньки.

– Тебе что-нибудь известно о них? – заинтересовался Дюмон.

– Кое-что, – улыбнулся Уилен. – Не забывайте, что я родом из топей! Блуждающие огоньки наших мест, в отличие от всех других, питаются добрыми чувствами, а не болью и несчастьями, как все другие. Они хорошо подходят для плавающего театра.

Капитан алчно осклабился. Остановившись на этом молодом человеке, он сделал правильный выбор. Реакция юноши была отличной, как если бы он читал мысли Дюмона.

– Есть ли в топяx другие существа, которые могут пригодиться?

– Сотни. И я выведу вас на них, – ответил Уилен.

– Ты почти вернул мне веру в богов.

– Они тоже имеются в топяx. Дюмон был очень доволен.

* * *

Час спустя Уилен, пожелав своему новому работодателю спокойной ночи, удалился в свою каюту. Оставшись один, он запер дверь и прижался пылающим лицом к прохладному дереву переборки. Он освобождался от барьера, который он

сегодня воздвиг на пути эмоций. Его сотрясали рыдания. Не обращая на них внимания, он сидел на полу, истекая слезами.

Находясь в зале для скота и экспонатов, он испытывал волны эмоций, исходившие от пленников. Некоторые из них жили в цепях годами. Он принимал на себя их физическую боль, чувство отчаяния, гнева и ненависти. Постепенно рыдания отпустили его, он, шатаясь, поднялся, плеснул воды в тазик и ополоснул лицо, успокаиваясь.

Несколько минут спустя Уилен вышел из каюты и пошел на главную палубу. Гости давно разошлись по домам, а команда и артисты – по каютам. Только пара вахтенных лениво совершала обход судна. Как бы нечаянно Уилен склонился над поручнями, наблюдая за отражениями луны в воде.

Почувствовав его присутствие, светлячки замигали интенсивнее. Их цветовые оттенки стали меняться чаще. Они стремились приблизиться к Уилену ближе, насколько это было возможным. Он чувствовал, что слезы застилают его глаза, и быстро сморгнул их. Оглядевшись, он увидел, что, к счастью, он был одинок на палубе.

Уилен протянул руку к ближайшему из огоньков, тот замигал еще чаще. На Уилене было кольцо, которое ответно засветилось. Он принял успокоительное воздействие светлячка, и лед на его сердце начал таять.

– О братья мои, мне так грустно, – прошептал он.

Глава IX

– Доброе утро, мисс Снежная Грива, – прохрипел Уилен.

Ларисса заспешила по трапу, возвращаясь с завтрака, коротко улыбнулась ему и сделала шаг назад, уступая ему дорогу. Уилен как бы оступился и тяжело натолкнулся на нее. Она едва удержала равновесие и неожиданно почувствовала его ногу на своей лодыжке. Танцовщица неуклюже упала на трапе. Ларисса с недоумением посмотрела на него: он нарочно столкнул ее!

– О, мисс Снежная Грива, – воскликнул Уилен, пытаясь поднять ее на ноги. – Извините меня. Так ужасно! Надеюсь, я не причинил вам большого ущерба.

Он был озабочен и раздосадован, но не до чрезвычайности. Что-то проскользнуло в ладонь Лариссы. Она ощутила кусок бумаги. Глаза Уилена утратили свою вежливую озабоченность, начав излучать свет.

Ларисса вновь обрела дар речи:

– Ничего страшного, Уил. Благодарю. Извини меня.

Она холодно прошла мимо него, сжимая клочок бумаги. Ларисса вошла в свою каюту, заперлась и дрожащими руками, раскрыла записку Уилена.

«Мисс Снежная Грива!

Мне необходимо поговорить с вами по крайне важному делу. Моя смена скоро кончается, я буду ждать вас через час

у „Двух зайцев“.

Пожалуйста, приходите».

Ларисса сидела на койке, задумчиво прикусив нижнюю губу. Она дважды прочитала послание, положила бумагу на подносик и подожгла ее огнем от свечи. Бумага корчилась, стгорая. Девушка смотрела на нее, но ее мысли были далеко.

Она думала о том, как ей ускользнуть одной: обнаружение ее связи с привлекательным молодым человеком чревато осложнениями.

Прошел час, и она ждала его около «Двух зайцев». Несмотря на то, что день был пасмурным, она одела легкое платье с капюшоном, закрывающим ее белую гриву, она не хотела, чтобы о ней донеси Дюмону.

– Рад, что ты смогла придти, – раздался теплый голос Уилена. Вздвогнув, она обернулась. Она не слышала, как он подошел. Он протянул руку, которую она приняла после секундного колебания.

– Твоя рука, – она запнулась, ощутив следы шрамов на руке, которая, впрочем, была столь же розовой и мягкой. Он быстро сжал руку в кулак.

– Пойдем, еще не хватало, чтобы нас увидели вдвоем люди капитана.

– Куда мы пойдем? Поколебавшись, он сказал:

– В место, где я чувствую себя уверенно.

Ларисса попыталась было выразить свои сомнения, но Уилен уже быстро уходил от таверны. Вопросы сваливались на

Лариссу лавиной, но она подавляла их.

Некоторое время они шли молча. За рыночной площадью кончались деловые кварталы, но Уилену были нужны не богатые дома, а дикие места. Земля становилась топкой. Ларисса почувствовала беспокойство. Она сдержанно спросила:

– Уилен, ты ведешь меня в топи? Он кивнул:

– Там надежнее...

Ларисса гневно остановилась:

– Я не пойду в это ужасное место. Она повернулась на каблуках и зашагала назад. Через мгновение он был подле нее. Он положил теплые руки ей на плечи:

– Из-за того, что случилось с тобой в детстве? Извини, я не подумал об этом. Она повернулась:

– Кто рассказал тебе об этом? Он смутился:

– Никто.

Она с недовольством посмотрела на него и пошла.

– Ларисса, это опасно, то, что ты делаешь.

– Рассказывай мне сказки!

Он заговорил бурно, взволнованно:

– Верь мне. Тебя могут убить. Поверь мне, ведь я тебя не подводил до сих пор!

Она остановилась. Он был прав. Он не давал ей повода усомниться в его добрых намерениях. Во всяком случае, до сих пор. Она повернулась к нему лицом, все еще скептическим.

– Разреши мне доказать, что я достоин твоего доверия. Дай мне руку.

Медленно, с сомнением она протянула руку. Он быстро накрыл ее своей, устремив свой взор прямо ей в глаза, как бы проникая в душу. Она ошеломленно уставилась на него.

– Твои волосы не всегда были белыми. Они побелели здесь, в Сурани. Она кивнула, а он продолжал: – Ты выросла не в настоящем доме. Твой отец постоянно путешествовал. Когда тебе было двенадцать, он оставил тебя, и с тех пор плавающий театр стал твоим домом. Единственное, что осталось у тебя от детства, – медальон с волосами блондинки, твоими прежними волосами. По ночам ты слышишь барабанную дробь, но никому не говоришь об этом, поскольку похоже на то, что никто больше не слышит ее. – Он сжал ее пальцы. – А я слышу барабаны, – сказал он, как бы заглядывая ей в душу.

У нее пересохло во рту.

– Ты не плакала с двенадцати лет. Ты боишься слез. Боишься показаться слабой. До смерти боишься, что твоя слабость станет причиной твоей гибели.

Танцовщица с трудом перевела дух. Он говорил о ее сокровенных тайнах, она действительно боялась слез. Уилен не мог знать этого, если он не...

– Ты говоришь, я в опасности, – прошептала Ларисса. – Продолжай. Я слушаю.

Закат был прекрасен, и Касильда замешкалась на палубе дольше обычного, наблюдая природный спектакль. Она стояла опершись локтями на поручни, подпирая щеки.

Здесь, в Сурани, казалось, что солнце находится ближе, чем в других местах, где побывала «Мадемуазель». Остров был самым теплым местом из виденных Лариссой и Касильдой. Солнце казалось необычайно большим, когда оно садилось. За горизонт скрывался невообразимо огромный оранжево-желтый шар, расцвечивая небеса в самые разные оттенки. Вода приобретала темный цвет. Касильда наслаждалась зрелищем, но ее мысли были заняты Лариссой.

Касильда и Ларисса были подругами последние два года, после того как Касильда появилась на судне в Валачане. Ларисса была легка в компании. Казалось, что у нее нет проблем. Певица завидовала ей. Она же много раз выплакивалась на плече танцовщицы, но никогда не подставляла плечо подруге, чтобы та выплакалась. Этим утром Ларисса отправилась в город на прогулку и все еще не вернулась. Касильда надеялась, что с подругой все в порядке: та умела постоять за себя.

Солнце почти зашло. Вздохнув, она прошла в свою каюту, чтобы подготовиться к вечернему представлению.

– Касильда, – послышался голос Сардана. – Окажи мне

услугу. – Дверь в его каюту была приоткрыта, он выглядывал, завязывая галстук. – Я оставил свою мандолину в рулевой рубке. Принеси, пожалуйста.

Он часто играл для рулевых на вахте, помогая им бодрствовать во время скучных сменных часов. Рулевым это нравилось.

Касильда нахмурилась:

– Сардан, я выхожу на сцену вместе с тобой, а я еще не начала готовиться.

– О, пожалуйста! – попросил он. – Мне еще штаны надевать.

– Ты знаешь, что артистам запрещается вход в рулевую рубку. Капитан рассердится.

– Он отдыхает сейчас. Там никого нет. Это всего...

– Ну, хорошо.

– Я люблю тебя, Касильда.

– Трепло, – откликнулась певица.

Она была раздражена. Выйдя на палубу, она огляделась и удостоверилась, что вокруг никого нет, потом поднялась по трапу в рулевую рубку.

Там, на кресле, лежала мандолина Сардана. Она бережно ваяла ее. Любопытная девушка огляделась вокруг. Она удивилась размеру рулевого колеса. Никогда не думала, что оно такое большое.

Внезапно она вздрогнула.

– Я сейчас приду к тебе, Калев, – раздался голос Джахед-

рина.

Его шаги приближались к рулевой рубке. Она явственно слышала это. Певица поспешила к трапу, ведущему в каюту капитана, подумав, что сможет выйти через дверь от капитана, который находился в городе. Это лучше, чем попасться в рулевой рубке. Она осторожно спустилась по трапу, прикрыв за собою дверь.

Ее не видели. Она с облегчением вздохнула. Прижав к себе мандолину, она направилась к двери. Но когда она уже собиралась повернуть ручку двери, то увидела, что та начала вращаться.

Ее охватила паника, она лихорадочно огляделась, ища, куда бы спрятаться. Ее взгляд упал на приоткрытую дверцу гардероба. Касильда влезла внутрь, оставив щель для наблюдения. Она все еще прижимала к себе мандолину.

Вошел Дюмон, прикрыв за собою дверь. Он двинулся к одному из кресел и с размаху сел в него. Было видно, что он кого-то ждал. Через несколько секунд раздался стук в дверь. Дюмон встал и прошел в центр каюты. Он отодвинул ковер, открыв люк трапа. Он поднял люк. Снизу показался Тейн, он пыхтел от тяжести.

– Справитесь? – спросил капитан.

– Да, сэр. – Ответил Теин. На мгновение он пропал из вида, затем вновь появился, неся один конец ящика четырех футов длиной. В ящике было живое существо. Касильда слышала пыхтение и царапанье. Показался Драгонейс, неся дру-

гой конец ящика. Они опустили ящик на пол, переводя дух. Драгонейс потирал ушибленную руку и заглядывал в ящик.

– От тебя будет много хлопот, – сказал полуэльф, пнув ящик ногой и выдавая свою злость.

Из ящика послышался сдавленный крик, похожий на голос ребенка. Касильда задыхалась в своем укрытии: они кого-то похитили. Кого? И зачем?

Дюмон глядел на ящик:

– Итак, Драгонейс, что нашел? Тейн начал вскрывать лопиком крышку ящика, пока Драгонейс давал объяснения:

– На сегодняшний день это самая легкая добыча, капитан. Мы увидели, как он прыгает, и расставили ловушку. Раз-два и поймали! Пришлось его связать. Много шума от него, но глупый.

Тейн оторвал крышку, но сначала ничего не случилось. Касильда, которой овладело любопытство, затаила дыхание.

Медленно из отверстия показались длинные уши коричневого цвета. Затем стали видны усы и дрожащий нос, за которым последовала гладкая голова с большими светлыми, подернутыми влагой глазами, наполненными страхом. Такого большого зайца Касильда не видела. Он был ростом с большую собаку.

Дюмон нахмурился:

– Джентльмены, это, конечно, интересно, спасибо, но я видел зайцев. Что он может дать мне или моему кораблю?

Драгонейс ухмыльнулся, сожмурив глаза от предвкушае-

мого удовольствия:

– Посмотрите! – Полуэльф заглянул в ящик, куда спрятался напуганный заяц: – Скажи, заяц, что-нибудь.

– Нет, – послышался ответ, несомненно исходивший от зайца. Голос был высоким, напоминал детский. – Я не покажу ему, что я умею... – Глаза выдавали раскаяние, он прижал уши от стыда.

Старший помощник громко рассмеялся:

– Я сказал, что он глуп.

Выражение лица Дюмона изменилось, он потирал от удовольствия руки: – Глупый, но уникальный. Очень хорошо! Драгонейс, кто нашел его?

– Я, – ответил полуэльф, но добавил: – А со мною был Тейн.

– Вы оба освобождаетесь от вахты на сегодняшние вечер и ночь. Зайдите к кассиру и от моего имени попросите у него недельный оклад. Повеселитесь всласть!

Оба мужчины довольно загоготали.

– Но сначала поместите нашего нового друга вместе со всеми остальными. Впрочем, подождите! – Дюмон склонился над зайцем: – А чем ты питаешься?

Заяц упрямо молчал, двигал носом.

Дюмон притворно вздохнул:

– Что же, мы не будем ничего давать тебе.

– О, так нельзя, – закричал заяц.

– Так, как другие зайцы: травку и морковку?

Заяц недовольно произнес:

– Нет, я не ем этого. Мне нужно мясо. Дюмон изогнул брови:

– Мясо?

– Да, лучше всего потроха. Я люблю печенку и почки... и сердце. Сердечко – мое любимое блюдо. Дайте мне, пожалуйста, сердце. Я есть хочу! – он обнажил зубы, которые скорее напоминали лисьи.

Дюмон тряхнул головой:

– Мы посмотрим, что можно сделать. Все пойдет легче, если ты нам будешь помогать. Тейн, дай зайцу сердце от чего-нибудь перед тем, как вы с Драгонеисом уйдете.

– Слушаюсь, капитан, – ответил Тейн, прилаживая крышку на место и прибывая ее гвоздями.

Заяц опять заплакал. Тейн и Драгонеис подняли ящик и понесли его по тайному трапу. Капитан тщательно задрапировал люк и вышел из каюты. Наконец-то в каюте никого не было слышно.

Сначала Касильда не двигалась. Она заново переживала случившееся и – более всего – что могло случиться. Увиденное ею было тайной. Что, если Дюмон задумал бы переодеться и обнаружил бы ее, познакомившуюся с тайной? Что он сделал бы с ней? А заяц! Боже! Заяц, который питается мясом! Его поместят к другим. Каким другим?

– Давай, Касильда, выпутывайся, – сказала она сама себе. – А это животное... не нашего ума дело! Она убедилась,

что в комнате больше никого нет, и вышла из своего укрытия.

У нее перехватило дыхание. В другом конце каюты двигалась тень. Певица узнала нового пассажира Лонда. Тот шел ей навстречу, медленно снимая капюшон. Ее глаза расшились от ужаса.

– Я полагаю, – угрожающе произнес Лонд, насыпая из склянки на ладонь какой-то порошок, – что сегодня будет петь твоя дублерша.

* * *

– Дюмон – рабовладелец? – повторила Ларисса как эхо. – Уилен, это невозможно. Я знаю его. Я выросла на судне.

Уилен с сочувствием поглядел на нее и продолжал:

– Человек, которого ты знаешь, стал бы убивать своего матроса? Стал бы он преследовать тебя после приставаний?

Лариссе не хотелось вспоминать, но пришлось. В памяти всплыли последнее слово «Лиза» Красавчика Джека и злое превращение мягкого опекуна в хищника. Ларисса внутренне похолодела от сознания двойственности своего опекуна. Из рассказа Уилена выходило, что в плену содержались мыслящие живые существа, не курьезы зоопарка. Содержание их в тюрьме и использование их волшебных чар для нужд корабля, конечно, является признаком рабовладельчества. Она ни секунды не сомневалась в том, что юноша го-

ворит правду: он их видел. Ее вера в нового друга была абсолютной.

– Когда я была моложе, эдак примерно лет пятнадцати, – начала она низким голосом, – дядя Рауль впервые отпустил меня одну в город. – Она улыбнулась своим воспоминаниям. – Я была так довольна собой – слишком довольна, и это кончилось тем, что у меня украли кошелек со всеми деньгами на расходы. Дядя узнал об этом и рассердился. Скоро он узнал, кто украл. Вначале он пытался сохранить вежливость:

«Не люблю ссориться с городами, где я гость», – говорил он. Но, разумеется, воришки не собирались возвращать деньги будь то большому и властному капитану Дюмону или кому бы то ни было. Ужасно рассердившись, дядя дал работу всей команде. Вокруг дома, и котором обитали воры, был обвязан толстенный канат, а вора́м было объявлено, что если они не возвратят деньги воспитаннице капитана, весь дом будет стащен в воду.

Тут она рассмеялась, несмотря на печальную ситуацию, и Уилен был доволен этим. Она продолжила:

– Я никогда не видела такой быстрой реакции. Все денежки до последней монетки были возвращены. Люди знали, что капитан сдержит свое слово.

В ее глазах опять поселилась боль, когда она подняла их на Уилена:

– Я знала дядю только таким. Узнать, что он рабовладелец...

Ей пришла в голову мысль, от которой он стала еще печальнее:

– Он пытается использовать и меня. Да он и использовал меня как рабыню.

Они сидели у дороги, которая совсем не была оживленной. Ларисса сидела обняв колени. Уилен сочувственно поправил у нее на голове локон ее молочно-белых волос.

– Я сожалею.

Она решительно взглянула на него:

– В этом нет никакой необходимости. Теперь я знаю правду и могу себя защитить.

– Не верь Лонду тоже. Он по крайней мере столь же силен, как и Дюмон, может быть, даже опаснее.

Она горько улыбнулась; – Не беспокойся. Я не верю ему. Когда он появился на борту, я недоумевала, как его будет терпеть Дюмон. У нас на борту никогда не было пассажиров до сих пор, ... а Лонд так зол и зловец.

– Нам пора вернуться, – печально заметил Уилен. – Если ты опоздаешь, Дюмон заподозрит неладное. Мне так много надо сказать тебе, я не знаю, сможем ли мы поговорить на борту. Это опасно...

– Мы найдем местечко, – заверила его Ларисса.

У нее была тяжесть на сердце от горькой информации, полученной от Уилена, тем не менее она была рада, что он высказался. Теперь у нее было представление о злобных силах на борту, об их расстановке. Она взяла его руку в свою и они

пошли назад.

На сходнях они появились раздельно, чтобы не вызывать подозрений. Она бросилась в свою каюту и быстро переоделась. Затем она вспомнила, что ей надо получить из рук Дюмона «Глаз». Ее обуял страх, который она, однако, быстро преодолела. Она подумала, что, если будет держать себя в руках, все обойдется.

Она подошла к каюте Дюмона, глубоко вздохнула и постучала. В ответ было молчание. Она постучала еще, затем попыталась открыть дверь, но она была заперта. Хорошо, что в рулевой рубке должны знать, где капитан.

– Чего ты хочешь, дорогая, – произнес Дюмон ей в ухо.

Она вздрогнула. Он улыбался, но в его чертах была жестокость, глаза смотрели с подозрением.

– Дядя! Я не видела, как ты подошел... Мне нужен мой амулет, – она протянула руку, сердце ее сильно билось.

Дюмон нахмурился на момент. Ларисса даже подумала, что он видел их с Уиленом:

– Твой амулет?

Она почувствовала облегчение:

– Извини, дядя. Я имела в виду твой амулет, конечно.

Он удовлетворенный кивнул:

– Разумеется. Входи, дорогая. Отперев дверь, он пропустил ее вперед. Она отказалась от предложенного кресла и ожидала стоя. Свои сокровища Дюмон хранил в разных местах каюты. «Глаз» находился в выдвижном ящике гарде-

роба. Когда он раскрыл дверцу шкафа, Ларисса увидела мандолину.

– Минутку, – сказала она, когда он уже начинал запереть дверцу. – Это Сардана? – Она наклонилась к инструменту. Почему она здесь?

– Он часто играет в рулевой рубке. Очевидно, Тейн или Джахедрин положили ее здесь, чтобы я передал ее Сардану. – Объяснение звучало неубедительно, но Ларисса сделала вид, что поверила ему.

– Я захвачу ее для него, – вызвалась она. Дюмон, поколебавшись, передал мандолину и кулон ей в руки. – Увидимся после представления, дядя, – весело улыбнулась она, направляясь в театр.

Публика уже собралась. Ларисса одела кулон на шею и прикрыла «Глаз». Будучи невидимой, она пробралась за кулисы.

Сардан нервно прохаживался, когда она предстала перед ним с мандолиной.

– Ларисса, выходи за меня замуж! – воскликнул он, забирая музыкальный инструмент, как потерянное дитя. Касильда обещала принести мандолину мне, но, по-видимому, забыла.

– Это не похоже на Касильду. Она... В этот момент Дюмон выступил на просцениум перед публикой:

– Добрый вечер, леди и джентльмены. Я с сожалением объявляю, что Касильда Баннек не сможет сегодня высту-

пить в роли Розы. Вместо нее эту роль будет играть Эланны Калидра. Надеемся, что Касильда вновь будет с нами в скором времени. Благодарю вас.

Зрители недовольно заворчали. Лариссу охватил холод. Сардан не видел Касильды с тех пор, когда он попросил ее принести мандолину. Теперь она заболела, хотя утром она была совершенно здорова.

– Ты не знаешь, что произошло? – спросила его испуганно танцовщица. Молодой актер пожал плечами:

– Капитан сказал, что это болотная лихорадка.

Глава X

Пленники на борту плавучего театра содержались прямо под театром и, когда Уилен отпирал дверь, он мог слышать пение на сцене.

Его притворное удовольствие при виде заключенных завоевало сердце Дюмона, который заявил, что отныне Уилен будет отвечать за кормление этих существ. Молодой человек тащил на себе большой мешок мяса, только что приготовленного. Все заключенные были плотоядны.

Он высвистел мелодию, которой его научил капитан, и ключ легко повернулся. Внутри было темно, но он принес с собой факел, который он прикрепил к специальным держателям. При этом он чуть не упал с факелом в сено, почувствовав боль в лодыжке.

Уилен посмотрел вниз и увидел, что псевдодракон вытянул свой длинный хвост из клетки и уколол его своим жалом, расположенным на хвосте. Живое существо уставилось на него. Уилен неосторожно вновь вступил в зону досягаемости. Другие создания молча наблюдали, блестя глазами. Молодой человек нахмурился. Он поправил факел. Нагнулся к дракону, на этот раз избегая попадать в опасную зону.

– Дракончик, я не желаю тебе зла. Я хочу освободить тебя.

Псевдодракон зажмурил глаза, Уилен почувствовал, что тот задумался. Он не хотел ему мешать, но через некоторое

время взялся пальцами за прутья решетки.

– Мой укус ядовит, – сказал дракон, – но я рад, что яд не подействовал на тебя.

– Дракона ты убедил, а я тебе не доверяю, – сказал лис.

– Я тоже, – послышался печальный голос. – Я никому больше не верю.

Уилен повернулся на голос и застыл от ужаса:

– Буки! – воскликнул он, подбегая к зайцу и падая перед ним на колени.

Все четыре лапы Буки были закованы в кандалы. Дополнительно к этому шея животного была в петле из тонкой металлической проволоки, она вынуждала зайца сидеть прямо. Если он расслаблялся, петля впивалась в шею.

Уилен тронул пойманного зверька, и тот смущенно пожегил от прикосновения:

– Кто ты? – спросил он голосом высоким от страха.

– Разве ты... Впрочем, меня теперь не узнать. Меня послала Дева. Глаза Буки округлились:

– Ты здесь, чтобы спасти нас! – воскликнул он. Другие пленники насторожились: слабая надежда засветилась в их глазах.

– Поторопись, – сказал заяц, глядя на лиса, – Буштейл грозился съесть меня.

Уилен укоризненно посмотрел на лиса. Хищник пожал плечами:

– Что я могу сделать? Я – лис, а он – заяц.

– Такой заяц, если захочет, может съесть тебя. Кто ты, собственно говоря?

– Я – лоах среди лис, – сказал он важно приосанившись.

Уилен уважительно кивнул. Он знал, что лоах – это дух животных, маг-герой среди звериного народонаселения. Лоахи обычно очень тесно связаны с землей, на которой они живут. Отдаление Буштейла от Ришемюло, очевидно, ослабило чары лиса и причиняло ему изрядную боль.

– Тогда мой друг и ты равны. Буки – тоже герой своего народа.

– Этот? Герой? – спросил Буштейл с презрением.

Уилен улыбнулся:

– Сила Буки не в его уме. Я считал, что лисы умнее. Как Дюмону удалось поймать тебя?

Лис зарычал, но внезапно усмехнулся:

– Положил на обе лопатки. Ты поставил меня на место!

– Каковы твои планы, если ты, действительно, собираешься спасти нас? – прервала его Елуза.

Уилен взглянул на сову, которая была прикована около ворона. Она была маленькой и худой, выглядела почти как мальчишка. На ее круглом лице выделялись провалившиеся глаза, тупо смотревшие на него. Спутанные светлые волосы спускались до плеч.

С нее он перевел свой взгляд на благородную птицу, помещенную в клетку. Он с особой симпатией относился к этим двум птицам, которым неволя, по его мнению, была тяжелее

вдвойне. Он подошел к Елузе:

– Леди! Я поступил на корабль, чтобы шпионить. Руководители судна и капитан полностью доверяют мне. Я не собираюсь наносить им вред, но этому я хочу положить конец, – он показал на ее цепи. – Сейчас у меня нет плана, но я вас не покину.

Он поднялся с колен и начал распределять еду. Все набросились на сырое мясо и с жадностью принялись за еду.

– Как часто вас кормят? – поинтересовался Уилен.

– Только один раз в три дня, – ответила Елуза с набитым ртом. Кровь стекала по ее щекам. – Дюмон говорит, что не хочет нас баловать.

Занятый своей пищей, дракон сумел нарисовать перед Уиленом картины самых мучительных пыток, которым надо подвергнуть Дюмона. Уилен подумал про себя: «Дух дракончика не сломлен окончательно».

– Кто-нибудь из вас пытался бежать? – спросил Уилен, наблюдая, как они едят. Буштейл замотал головой:

– Побег без помощи со стороны невозможен. Я несколько раз пытался созвать мой народ, но Дюмон воспрепятствовал этому. Я уверен, что обстановка, – он обвел глазами вокруг, – отрицательно влияет на наши волшебные чары. Здесь мы как простое зверье в лесу, не больше. Уилен посмотрел на Елузу:

– Вы рассказывали, что Дюмон отпускает вас на разведывательные полеты. Почему вы не улетаете?

Она все еще смотрела на него с долей недоверия:

– У него остается моя накидка, которая делает из меня сову. Кроме того, Дюмон хранит одно из моих перьев. Пока оно у него, я не могу покинуть его, а должна возвращаться на судно до восхода солнца. – У нее были глаза преследуемой птицы. – Так, что я свободна, но не на деле. Это хуже...

Уилен сочувственно прикоснулся к ней, но она вздрогнула. Он хотел бы задержаться побольше, но опасался вызвать подозрение. Он уже пробыл здесь достаточно долгое время, чтобы накормить эти существа.

– Я приду, как только смогу, – пообещал он. – Буки, не сдавайся. Я вас освобожу. – Он посмотрел в глаза всем по очереди. – Всех освобожу. Я обещаю.

* * *

Прошло три дня, прежде чем Дюмон решил, что Касильду можно показать людям. Ларисса тотчас пришла навестить подругу, лежащую в постели. Та равнодушно взглянула на нее своими глазами, похожими на лесные орехи.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Ларисса, садясь у изголовья.

– Очень хорошо, спасибо, – безразлично ответила Касильда. Ее кожа была бледной, она лежала совершенно неподвижно.

Видя обычно оживленную подругу в таком состоянии, Ла-

рисса попыталась занять ее болтовней.

– Твоя стройная дублерша пела неплохо, но не смогла толком продемонстрировать достоинства костюма, – шутливо сказала она. – Никто не может носить этот костюм так, как ты.

Касильда не улыбнулась в ответ, а смотрела неподвижно. Ларисса, обескураженная отсутствием реакции, продолжала:

– Мне не хочется двигаться отсюда завтра. Меня не прельщает путешествие через топи. Там слишком много насекомых и змей.

Касильда не реагировала.

– Ты поешь сегодня вечером? – в голосе Лариссы послышалось напряжение.

– Да, – сказала Касильда тем же ужасным бесстрастным голосом.

– Тогда я оставляю тебя, чтобы ты переоделась.

– Да.

Выйдя из каюты Касильды, Ларисса прошла дальним путем через верхнюю палубу. Она прошла мимо рулевой рубки и заглянула внутрь. Джахедрин обучал Уилена навигации, непрерывно рассказывая что-то. Разговора Ларисса не слышала.

Она уставилась на Уилена, приглашая его посмотреть на нее. Когда он взглянул в ее направлении, она пыталась глазами передать беспокойство. Он, не меняя выражения лица, незаметно кивнул. Ларисса знала, что он принял сигнал

неблагополучия.

В этот финальный вечер в Порт-д-Элуре Касильда играла неплохо, но чего-то не хватало в ее поведении. Ларисса встревожено наблюдала за ней из-за кулис, закусив губу. Ноты брались правильно, слова произносились своевременно, но тревога Лариссы возрастала с каждой сценой по мере приближения сольной партии.

В роли Розы Касильда склонилась над «мертвым» телом Флориана. Ее голос был чистым, Ларисса, сама того не замечая, подпевала Касильде финальные строчки:

Как утренний сон,
Как лето, ты гибнешь.

Касильда взяла верхнее «ми» прекрасно, чисто, но бессодержательно... Однако зрители спонтанно зааплодировали.

Непонятный страх овладел Лариссой. Она знала, что эта нота была в пределах возможностей Касильды, но как ей удалось побороть свой страх? «Уилен, я хочу поговорить с тобой», – сказала она про себя. Музыка переменялась. Ларисса глубоко вздохнула, овладев своими эмоциями, вышла на сцену как Морская Леди.

После представления она переоделась и вышла на главную палубу, как обычно, пообщаться с публикой. Прежде чем она успела что-либо сделать, к ней обратился Дюмон:

– Моя дорогая, ты избегаешь меня, – произнес он дружес-

ственным тоном, беря ее за руку и подводя к поручням.

– Я так рада, что Касильда справилась с ролью на последнем спектакле в Порт-д-Элуре.

– Я тоже рад, что ей лучше. Но давай не будем трогать других.

Ее сердце сжалось, она отвернулась от него и поглядела на воду. Ночь была ясной, но влажной, как, вероятно, все ночи здесь в начале лета. Луна была полной, желтоватого цвета. Лариссе казалось, что она может разглядеть малейшую волну на поверхности воды. За пределами гавани в терпеливом ожидании таились туманы.

– Обычно мы были так близки, ты и я, – пробормотал Дюмон. Ларисса почувствовала на затылке руку Дюмона, играющую ее локонами, которые блестели от лунного серебра. – Мы можем опять быть близкими, моя дорогая. Есть наслаждения, которых ты пока не испытала и...

Ларисса отпрянула, окинув его сердитым взглядом:

– Остановись, дядя. Это не пройдет. Ни сейчас, ни завтра, никогда. – Она была возмущена. «Рабовладелец! Предатель!» Она еле сдерживалась.

Капитан продолжал ледяным тоном:

– Я не хотел причинять тебе боль, дорогая. Я хотел бы сохранить твое доверие.

Он слегка поклонился, повернулся и пошел. Прежде чем он отвернулся, Ларисса успела уловить на его лице черное бешенство. Ею начал овладевать страх.

Уилен издали наблюдал обмен репликами и кое-что уловил. Ныне он повсюду следовал за Дюмоном, как тень. Во встреченных им он возбуждал забывчивость. На другое утро они не могли вспомнить молодого человека, общавшегося с ними.

Как Уилен и опасался, сейчас капитан направился в каюту Лонда. Юноша огляделся: большая часть экипажа была на берегу в прощальном гулянии. Остальные обслуживали гостей. Он приложил ухо в двери.

– ...знаю, почему моя магия не действует, – говорил Дюмон. Он был в гневе и говорил достаточно громко: – Мои силы на исходе... Они иссякли. Мне не хватает терпения с этой девкой. Я хочу ее, и я хочу ее сейчас.

Ответ Лонда Уилен разбирал с трудом:

– Во всяком случае, не сегодня ночью, капитан. Я должен подвергнуть испытанию ваше истощенное терпение.

– Но скоро?

– Скоро.

Юноша отпрянул в ужасе и поспешил на главную палубу к Лариссе. Он осветил улыбкой мэра, беседовавшего с Лариссой и вежливо прервал их разговор. Затем Уилен и Ларисса уединились в толпе.

– Я пыталась... – начала Ларисса.

– Знаю. Я сожалею. Не было никакой возможности раньше. – Он глубоко вздохнул, мысли кружились в его голове. – Ларисса, тебе грозит опасность...

– Знаю, ты говорил мне... Уилен затряс головой:

– Нет, непосредственная опасность, исходящая от Дюмона в ближайшие дни. Пока не поздно, ты должна покинуть корабль, перебравшись в топи.

Ларисса была в шоке:

– Дюмон хочет убить меня?

– Он заключил какого-то рода сделку с Лондом, который употребит свое колдовство для того, чтобы ты влюбилась в Дюмона.

– Разве он может это? Я хочу сказать, что, если бы Дюмон захотел, он мог бы сделать это своими силами.

Ларисса почувствовала себя ужасно одинокой и попавшей в западню. Лицо Уилена ожесточилось:

– Ларисса, ты не знаешь Лонда. Я думаю, что даже капитан не понимает, куда его заведут отношения с Лондом.

– Погоди. А не будет ли побег равнозначен попаданию из огня да в полымя? Вновь Уилен затряс головой:

– Топи не повредят тебе, если ты войдешь туда с поручением от меня. Во всяком случае, я надеюсь, так будет.

– Очень убедительно!

Ее голос был лишен почтения, ее сердце забилося быстрее. Она с ужасом думала о путешествии в мрачное сырое болото. Сама идея покинуть «Мадемуазель Мюсарда»...

Уилен взял ее за руку, и она неожиданно успокоилась. Она увидела топи его глазами: место гибели неосмотрительных, полное опасностей. Естественно, в местах, лишенных солн-

ца, дремали мрачные и злобные силы, но топи были домом для многих невинных существ. Место, где растущее и погибающее переплетались циклически, не конфликтуя.

– Я очень хотел бы пойти с тобой, – Уилен говорил Лариссе, постепенно приходящей в себя, – но это просто невозможно.

Несмотря на успокоительное видение, посланное ей Уиленом, Ларисса сомневалась.

– Да, у тебя достанет мужества, – сказал он, отвечая на невысказанные ею слова. – Твоя жизнь, твоя душа вращаются вокруг этого, от твоего шага зависят жизни других. Ты пойдешь, Ларисса?

Она облизнула сухие губы и взглянула в его глаза, которые, как ей показалось, были полны уверенности.

– Да, я пойду. Скажи, как мне поступать дальше.

* * *

Гости ушли, команда и артисты разошлись по каютам. Только Бринн без усталости стоял на вахте, и он видел, как Дюмон прошел на нос судна.

Капитан размотал шарф на шее, тряхнул белым куском материи, так что послышался хлопок, затем вновь замотал шарф вокруг шеи.

По воде пошла небольшая рябь, затем показалась стройная прекрасная молодая женщина. Она парила над водой. Ее

золотые волосы были плотно прижаты водой, в ее изумрудных глазах блестели слезы. Она смотрела на Дюмона, ее губы дрожали.

– Добрый вечер, Быстроплавающая, – обратился Дюмон к женщине, которая упрямо молчала.

– Ты опять сыграла со мной шутку, не правда ли?

Она покачала головой:

– Нет, капитан Дюмон. Я не стану делать этого.

В голосе Дюмона смешались покровительство и восхищение:

– О лгунишка! Прошлой ночью я видел тебя с Калобом. Ты пыталась уговорить его выкрасть обратно твою шаль у меня. Не вышло ведь!

Он дал знак, и появился самый молодой член экипажа. Как свежий зомби Калоб легко сходил за живого. Но Нереида видела, что в глазах Калеба не было света, и она заплакала от раскрывшегося обмана. Нижний угол шали начал дымно тлеть.

Нереида изогнулась от боли, зажимая руками себе рот, чтобы задушить крик. Даже агонизируя, она понимала, что Дюмон будет больше мучить ее, если она закричит.

Тление прекратилось.

– Может быть, теперь ты будешь благоразумнее хотя бы немного. Я хочу пройти сквозь топи. Сплавай через топи и скажи, какие проблемы у нас на пути. Ты знаешь, что я с тобой сделаю, если ты посадишь нас на мель.

Быстроплавающая издала стон и кивнула. Она погрузилась в воду и пропала бесследно. Дюмон довольно улыбнулся. Нереида будет исследовать маршрут в воде, сова – с воздуха, а Уил будет прокладывать путь по поверхности. Путешествие обещает быть гладким, без особых приключений.

* * *

На рассвете судно отошло от причала. Отплытие было обманчиво веселым. Несмотря на ранний час, собралось много народа, желающего устроить настоящие проводы плавучему театру. Играла музыка. Мэр Фокелейн закатил речь в честь плавучего театра и его труппы. Ларисса заметила слезы на глазах некоторых женщин и подумала, что за короткое время Сардан успел сломать немало сердец.

Удалявшееся судно салютовало городу сначала музыкой собственного оркестра, затем звуками каллиопы на корме. Все, кто был на палубе, прощально махали руками удалявшемуся городу. Скоро гавань исчезла из вида.

Лариссе понравился размеренный ход судна, шум гребного колеса, постоянная вибрация парохода. Это всегда сулило перемены, новые начинания. На этот раз плавание предвещало страхи. Ей оставался лишь один день на борту: ночью она планировала бежать.

Казалось, деревья стараются зацепить «Мадемуазель», направляющуюся в топи. Скоро небо было заслонено шатром

из веток кипарисов. Оторвавшиеся ползучие растения и ленты мха, по существу, цеплялись за судно, оставляя на нем свои следы.

Ларисса стояла на главной палубе на корме, наблюдая, как гребное колесо равномерно вращается. Следом за пароходом оставались оторванные корешки и мириады всякой мелочи, качающейся на поднятых волнах. Наблюдая за деревьями, Ларисса была готова поклясться, что они смыкались, закрывая судну обратную дорогу. «Но, конечно, это играет моя фантазия: ведь деревья не могут передвигаться».

– Боже, какой прелестный вид, – с сарказмом произнес Сардан, вставая позади нее и следя за ее взглядом. Он откусил от яблока и предложил откусить Лариссе.

Ей пришла в голову идея. Она светло улыбнулась певцу.

– Да, – сказала она игриво, глядя ему в лицо, – вид прелестен.

Она взяла предложенное яблоко и откусила от него. Если она постоянно будет в обществе Сардана, она, возможно, избавится от угрожающего внимания Лонда и Дюмона.

Пораженный ее неожиданным вниманием, Сардан устался на Лариссу. Он распрямылся во весь свой немалый рост и расправил грудную клетку. Они поболтали некоторое время. Сардан поделился сведениями, которые Лариссе были уже известны, хотя ей пришлось сделать большие глаза, выказывая свой интерес. Чтобы произвести впечатление, Сардан обратил внимание Лариссы на бревно в воде:

– Видишь это? Выглядит как безобидное бревно. Теперь смотри!

Он схватил яблоко и швырнул его в цель. Бревно внезапно обернулось крокодилом и живо задвигалось в воде, хватая яблоко.

У Лариссы сперло дыхание. Через некоторое время вода опять забурлила. Вокруг крокодила обвилились щупальца, которые быстро затащили хищника в глубину. По воде пошли пузыри, затем все стихло.

Ларисса посмотрела на Сардана. Тот был смертельно, бледен и стоял жестко вцепившись в поручни. Почувствовав на себе ее взгляд, он, однако, быстро оправился и нарочито спокойно сказал:

– Больше кормить крокодилов я не буду.

Для обостренных чувств Лариссы день повернул на вечер слишком быстро. Тени удлиннились. Неуютные даже в дневное время берега стали выглядеть угрожающе. Как и каждый вечер со времени ее прибытия сюда, Ларисса слышала барабанную дробь, которая здесь была более слышна, хотя только для нее.

Ларисса заставила себя съесть обед – кто знает, когда ей придется по-настоящему снова поесть. Она пробыла на палубе допоздна вместе с внимательным к ней Сарданом. Наконец настало время действовать.

Она редко расставалась с бусами, на которых был корень, и который ей дал Уилен. Прошлой ночью он дал ей допол-

нительные охранные травы в пакетиках, которые он называл «мешочки для колдовства». Согласно его инструкции, она разместила их по всей каюте. Она чувствовала себя надежнее всего в своей каюте этого прекрасного корабля, который все более начинал напоминать тюрьму.

Она взяла один из мешочков для колдовства. Став на колени у запертой двери, она развязала мешочек и насыпала тонкой полоской крошки земли на деревянный пол каюты.

«Никакое зло не пересечет эту линию, никакое злобное существо», – учил ее Уилен.

Она поднялась и начала упаковывать вещи, включая мешочки для колдовства, в мешок. Перебирая вещи в комод, она натолкнулась на медальон. Она села на койку, рассматривая его. Дюмон показал, что его словам не следует верить, но о своем отце она знала только со слов Дюмона. Что же в действительности произошло между Дюмоном и ее отцом?

Раздался стук в дверь, Ларисса вздрогнула.

– Кто там?

– Это Касильда.

У Лариссы вырвался вздох облегчения, однако ноги ее не слушались. Постепенно овладев собой, она открыла дверь. Касильда смотрела на нее все тем же пустым взглядом.

– Заходи, Касильда, – пригласила она, возвращаясь на свою койку. – Я не думаю... – Ларисса в ужасе замолкла.

Касильда не могла преодолеть порога. Певица поднимала руки, пытаясь втолкнуть себя в каюту, но наталкивалась на

невидимую преграду. Выражение ее лица не изменялось, когда ее усилия войти приводили к столкновению с прозрачной стеной. Земляная магия Уилена стояла на ее пути. Ларисса с ужасом наблюдала ее мучительные попытки. Касильда не была больна, что-то произошло с ее сознанием. Ларисса вспомнила: «Никакое зло не пересечет эту линию, никакое злобное существо».

Минут через пять Касильда прекратила свои попытки и не мигая посмотрела на Лариссу, которая не смогла оторвать своего взгляда от ее пустых глаз. Затем Касильда повернулась и пошла.

В один прыжок Ларисса подскочила к двери и заперла ее, прислонившись на мгновение к ней. Затем она схватила свой мешок. Вместе с Уиленом они решили ждать до вечерней зари, но после того как Ларисса увидела, что случилось с Касильдой, она не захотела оставаться на борту «Мадемуазель» ни минуты лишней. Топи сразу показались более привлекательным местом, нежели судно.

Тихо, насколько это было возможно, Ларисса открыла дверь и выглянула. Никого не было. Вздыхнув глубоко, она вышла из каюты и, посыпая крошками земли дорожку за собой, пошла. Когда она спускалась по трапу, ей показалось, что ее шаги гулко отдаются по всему кораблю, однако ей никто не встретился.

Она планировала завладеть одним из яликов, которые выслались на рекогносцировку. Несмотря на отсутствие опы-

та, она надеялась, что сможет овладеть навыками гребли.

«Быстрее, быстрее!» – торопила она себя, бросая мешок в ял. Когда она наступила одной ногой, лодка закачалась, затем она нашла равновесие и начала развязывать узел, которым ялик был связан с кораблем. То, что канат был морским, затрудняло ее действия. Она почувствовала боль под ногтями.

Внезапно она услышала шаги на палубе и с еще большей лихорадочностью стала развязывать узел. Он начал поддаваться.

– Давай, давай, – шептала Ларисса. Наконец ей удалось развязать узел.

Внезапно она почувствовала сильную руку на своем правом запястье. Она взглянула вверх и увидела опекуна, лицо которого было искажено злобой. Она попыталась освободиться, но его руки держали крепко. Он потянул ее вверх. Для ее сильных рук она была легкой добычей. Ларисса вцепилась в канат.

Неожиданный удар по ее левой руке, заставил ее вскрикнуть и отпустить канат. Течение жадно подхватило лодку, увлекая ее с собой. Рука Лариссы кровоточила и нестерпимо болела. Она увидела ухмылку Драгонеиса, ударившего ее концом гарпуна.

Мгновение спустя Драгонеис корчился от боли сам. Не отпуская Лариссу из одной руки, Дюмон нанес полуэльфу удар другой рукой.

– Не трогать ее! – зарычал капитан. – Боже, я окружен дураками.

– Быть может, не совсем, капитан, – раздался хладнокровный голос. Рядом с Дюмоном появился Лонд, он смотрел на Лариссу. Танцовщица заметила под капюшоном его маленькие холодные глаза. Медленно он протянул руку: на одетой в перчатку ладони была кучка порошка.

Хватка Дюмона ослабла, и невероятным усилием Ларисса высвободилась. Она едва успела набрать воздуха в легкие, как оказалась в мутной серо-зеленой глубине топей.

Глава XI

Дюмон рывком отвел руку Лонда от лица Лариссы:

– Не делайте ее подобием этих! – закричал капитан отчаянно. Порошок с руки колдуна сдуло, главным образом, в лицо Драгонеису.

Старший помощник издал громкий крик и отступил назад. Он махал руками около лица.

– Рауль! – воскликнул он, потерянно глядя на капитана. Слезы струились по его лицу, а порошок разъедал его золотые глаза со щелевидными зрачками. Его лицо выражало боль ощущаемого предательства.

Это было жуткое зрелище даже для видавшего виды Дюмона, который был в шоке от удивления. Чтобы как-то спасти единственного человека на борту, которого он называл своим другом, он даже отпустил Лариссу.

Драгонейс закашлялся, ему все труднее становилось дышать. Он схватился руками за горло, его рот открылся и снова закрылся, не издавая звуков. Его тело забилося, как у вытащенной на сушу рыбы. Скоро его конвульсии прекратились, и он затих.

Дюмон стоял как оглушенный. Он повернулся к колдуну:

– Имеется какое-нибудь противоядие? Фигура в капюшоне отозвалась отрицательным покачиванием головы:

– Нет. Но не расстраивайтесь, капитан. Вы не лишитесь

его услуг. Однако с девушкой дело обстоит хуже.

– Нет! Ларисса...

Дюмон подбежал к борту. Конечно, ее след простыл. Он забарабанил по поручням, выругавшись. Он потерял свою возлюбленную и одновременно потерял лучшего из своего экипажа.

– Капитан? – раздался голос Тейна. Он прибежал на шум и стоял полуодетый, продирая глаза со сна. – Что... Драгонейс!

– Он в обмороке, – быстро соврал Дюмон, скрывая боль. – Болотная лихорадка. Мы поместим его в его каюту. Тейн, послушай внимательно! Ларисса прыгнула через борт. Я хочу, чтобы ты с Бринном взяли другой ялик и начали искать ее. Скажи всем, чтобы были внимательны. Тридцать золотых монет получит тот, кто первый заметит ее, и сто – тот, кто доставит ее невредимой, – добавил он, сердито взглянув на Лонда.

Тейн ушел выполнять указание капитана, еще раз посмотрев на Драгонейса. Дюмон обратился к колдуну:

– Что вы хотели сделать с Лариссой? Я хотел, чтобы она влюбилась в меня, черт возьми, я не хотел, чтобы она превратилась в безмозглый кусок плоти!

Лонд ответил ровным голосом:

– Мои зомби не безмозглы. Они сохраняют значительную долю своего ума и многие физиологические способности. Рассматривая вопрос технически, можно сказать, что они не мертвы. Я осуществляю контроль над их душами. Если бы

мне было позволено завершить мои чары над Лариссой, у вас была бы красивая, умная, послушная женщина. Вы были бы довольны моей работой.

Дюмон не ответил на это. Вместо этого, он спросил:

– Что вы будете делать, чтобы помочь найти ее?

Лонд замер, затем тщательно сформулировал свою точку зрения:

– Я ничего не гарантирую, но сделаю что смогу. Здесь в топах, капитан, имеются силы, которые не переносят, когда за ними шпионят. Я сомневаюсь, чтобы они позволили мне – или вам – найти ее при помощи волшебства. Давайте определим, почему она сбежала. Может быть, это даст нам ключ к разгадке, куда она направится.

Дюмон почувствовал себя беззащитным на момент, у него закололо в груди.

– Может быть, я слишком настойчиво добивался своего. Это напугало ее.

– Это может служить достаточным объяснением, – согласился Лонд. – Но надо собрать другие факты. Могу я посмотреть ее каюту?

Дюмон бросил взгляд на тело Драгонеиса:

– Давайте сначала разместить его в каюте. – Он ткнул труп кончиком сапога. – Черт возьми, надо же было ему схватить дозу вашего колдовства прямо в лицо, – пробормотал он, превозмогая боль в сердце. – Драгонеис отлично справлялся со своими обязанностями.

– Он и дальше будет делать это, капитан, – было похоже, что, говоря это, Лонд улыбался.

Обыск каюты Лариссы показал, что она взяла очень мало из одежды. Она оставила все безделушки, которые она собрала в различных портовых городах. Не взяла она и медальон. Дюмон подобрал его и открыл, вспоминая время, когда он впервые познакомился с Лариссой. Ей было всего двенадцать лет. В медальоне были ее волосы, когда она была блондинкой...

– Дайте-ка я взгляну, – сказал Лонд, отбирая своей рукой в черной перчатке медальон у капитана. Он открыл медальон и спросил: – Чьи это?

– Это у Лариссы такие волосы были в детстве.

Лонд засвистел, с силой забирая в себя воздух:

– Ее волосы не всегда были белыми? Капитан нахмурился:

– Нет. Она не сохранила в памяти этого момента, но, очевидно, волосы побелели давно, когда она впервые приехала в Сурань. Что-то связано каким-то образом с топями.

– Вы идиот, – взвизгнул Лонд, – почему вы мне раньше не сказали этого?

Пережитый шок в связи с потерей Лариссы и горечь за судьбу ДрагонеЙса слились в волну гнева, обрушившуюся на Лонда:

– С какой стати? Какая разница, какого цвета волосы у девушки?

– Это имеет большое значение! – Лонд сердито трясся. –

Мне самому надо было почувствовать это. Как мог я не заметить этого сам!? Я подумал, что это связано с ее ролью на сцене... Дюмон, ради нас обоих молитесь, чтобы обитатели топей покончили с Лариссой. Иначе, если она останется жива, она прикончит нас обоих.

* * *

Ларисса плавала хорошо, но как только она достигла воды, она камнем пошла ко дну. К счастью, место оказалось неглубоким, и танцовщица скоро коснулась мягкого дна, изогнулась и поплыла вслепую под водой, сколько хватило воздуха. Затем она вышла на поверхность воды, жадно хватая воздух. К своей досаде, она обнаружила, что «Мадемуазель» была всего в нескольких ярдах от нее.

Немедленно возле нее показалась голова женщины с золотыми волосами.

– Дай мне руку, сестра, – сказала она журчащим голосом. – Вместе со мной ты окажешься далеко от этого ужасного мужчины.

Смущенная Ларисса хотела что-то спросить, но женщина нетерпеливо схватила ее и потащила с поверхности на глубину. Тинистая вода заполнила рот Лариссы, она закашлялась, и ей в горло попало еще больше воды. Ею овладела паника. Эта таинственная женщина, по-видимому, хотела утопить ее.

Нереида не отпускала ее и тянула дальше в глубину. Сердце Лариссы kloкотало, легкие просили кислорода. Постепенно ее легкие наполнились водой. К своему удивлению, Ларисса обнаружила, что она может дышать. Ошеломленная, она прекратила сопротивление и почувствовала, что они двигаются с удивительной скоростью. Она почувствовала себя как рыба в воде и захотела посмотреть на спасительницу.

Но она ничего не увидела, зато услышала:

– Меня зовут Быстроплавающей, – представилась нереида. – У вашего распрекрасного Дюмона хранится моя шаль, при помощи которой он имеет власть надо мною. Вот уже больше года, как я – его рабыня. Я пыталась избавиться от него, но напрасно, он все время меня находит. Если ты бежишь от него, ты – мой друг.

Некоторое время они плыли молча, прорезая воду, как дельфины. В конце концов Быстроплавающая повернула к поверхности воды. Она вновь стала видимой, когда показалась на воздухе.

– Я не смею заплывать дальше, – сказала она Лариссе. – Будь осторожна. Эти воды не слишком дружественны, даже для меня.

– Спасибо, Быстроплавающая. Я не знаю, как тебя благодарить.

– Если ты победишь Дюмона, ты вернешь мне мою шаль, – сказала она жестко.

– Если только смогу, то я сделаю это. Обещаю.

Освещенная луной, Быстроплавающая нырнула под воду и исчезла. Ларисса ощутила, как промокли юбки ее костюма. Она огляделась и заметила, что Нереида доставила ее к ялику, который весь покрылся болотистой растительностью. Ларисса обнаружила, что в ялике ее дожидался мешок с собранной ею одеждой. Вместе с яликом Ларисса добралась до берега и нашла относительно сухое место. Довольная тем, что она находится в безопасности, по крайней мере временной, она уселась подле ялика и сняла кольцо, подаренное ей и повертела его в руках.

Кольцо Уилена было простой полоской металла. Она вынуждена была надеть его на указательный палец, поскольку рука Уилена была намного крупнее ее. Теперь она положила его на ладонь и накрыла ладонью другой руки, затем закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться.

«Подумай обо мне, – учил ее Уилен, – не допуская никаких других мыслей, и помощь придет».

Дыхание Лариссы стало размеренным и медленным, она думала о нем. Кольцо начало нагреваться в ее руке. Вздвигнув, она открыла глаза. Маленький светлячок возник перед ней. Она тотчас узнала в нем одного из мерцающих огоньков на корабле.

– Тебя прислал Уилен мне на помощь? – спросила она.

Ответа она не получила. Она вздохнула, подумав, что образ жизни светлячка слишком отличается от ее и, по-ви-

димому, не предполагает общения. Тут ее поразила одна мысль: если это живое существо, а не результат иллюзии, то на судне они пребывали в рабстве тоже. Чувство жалости овладело ею.

Неожиданно огонек заплясал, удаляясь. Он был живым существом. Она была уверена в этом. Она встала:

– Ты не понимаешь меня, но я верю тебе. Я последую за тобой.

Светлячок засветился бледно голубым светом и ритмично замигал. Он перелетел через реку и остановился, поджидая ее. Ларисса послушно столкнула ялик в воду. При этом нечто похожее на бревно открыло на нее ленивый глаз. Ларисса замерла, но крокодил как будто не собирался нападать. Осторожно Ларисса начала грести в сторону топей.

Ее провожатый танцевал то около ее головы, то поднимался вверх. Ларисса чувствовала напряженность, но ночные топи выглядели безвредно. Она подумала, что отчасти так было благодаря ее гиду, который вполне определенно вел ее к цели. Когда они подошли к раздвоению реки на два рукава, он четко выбрал один из них. Дивясь собственной смелости, она последовала за ним.

Ночь продолжалась. Ларисса ощущала беспокойство даже от того, что ничего не случалось. Стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь пением цикад на расстоянии. Другим звуком было тихое всплескивание от ее весла, расстраивавшего спокойную гладь воды.

Несмотря на обилие воды, Ларисса через некоторое время захотела пить.

– Как бы попить? – спросила она светлячка. Тот проигнорировал ее. Она в отчаянии огляделась, не видя нигде источника чистой воды. Она надеялась найти чистую лужицу воды от дождя, хотя бы с пригоршню.

Островки огромных красивых цветов проплывали мимо. Внутри цветов накопилось много дождевой воды, что выглядело весьма соблазнительно. Ларисса устремилась туда.

Светлячок учащенно замигал красным и зеленым светом перед лицом Лариссы. Она приостановилась.

С ужасным грохотом падающего дерева из земли появились большие щупальца, преградившие путь Лариссе. В воздух взлетели комья почвы. Она закричала от страха, но тотчас же поняла, что это были не щупальца, а корни.

Она скоро увидела, что хозяин корневища – огромное дерево – окружал ее, обнимая ее другими своими корнями. Затем корни потянули ее к стволу дерева, и Ларисса увидела подобие лица дерева.

– Пустите меня! – закричала она. Светлячок немного успокоился, хотя мигал он учащенно. Она в бешенстве боролась, но силы были неравными. Она ничего не могла поделать с железной хваткой дерева. Тут она увидела, что дыра в стволе дерева двигается наподобие рта.

«Деревья не могут двигаться», – подумала Ларисса, вспомнив иллюзию движения деревьев, замыкавшихся за па-

роходом. Но они двигались, во всяком случае, это дерево. Ею овладела иррациональная уверенность, что это дерево поглотит ее.

В этот момент она услышала шум, который танцовщице показался знакомым... барабанная дробь. Находясь в шоке, она обнаружила, что этот звук исходит от дерева. Поднятые корни ударяли по собственному стволу, издавая глубокий резонирующий тон. Светлячок крутился около ее головы.

– Это ты заманил меня сюда! – закричала она в гнев, бессильно пытаясь освободиться от узлов корней. – Ты вел меня намеренно, будь ты дважды проклят! Несчастное отродье! – Жесткие бранные слова срывались с ее уст. Кое-что дошло до светлячка: он отодвинулся на порядочную дистанцию. В конце концов поток ее проклятий истощился. Ослабев, она обвисла, плененная.

Ее внимание привлекло движение самки оленя, элегантно продвигавшейся по берегу. Ее карие подернутые влагой глаза остановились на Лариссе как бы в раздумье. Затем, оценив Лариссу как не угрожающую ей, она двинулась к огромным цветам, накопившим дождевую воду. Опустив голову в цветы, она начала пить.

С невообразимой быстротой цветок захватил оленя в свои объятия. Бедное животное было схвачено почти целиком. Самка оленя отбивалась всеми четырьмя ногами, но ничего не могла поделать. Животное издавало жалобные приглушенные звуки, и Ларисса отвернулась, чтобы не видеть дей-

ствий плотоядного растения.

Проглотив оленя, цветок приобрел свой первоначальный вид.

Светлячок приблизился к дрожавшей Лариссе, которая вспомнила свои попытки напиться из цветка.

– Вы вместе с деревом спасли меня. Светлячок запрыгал вверх и вниз, мигая розовым светом. Голосом, похожим на шелест листвы, дерево медленно произнесло:

– Блуждающий огонек сказал мне, что такова была ее воля. Ларисса поразилась:

– Ты можешь говорить? Кто это она?

– Некто, с кем я лично не согласен, но кому сейчас повинуюсь, – послышался голос от подножия дерева.

Ларисса посмотрела в направлении голоса и увидела зайца гигантской величины. Она уже готова была улыбнуться ему, как тот встал на задние лапы и заглянул ей в глаза. Она увидела, что симпатичное на вид существо отнюдь не было безобидным. Заяц зло улыбался, обнажая передние зубы, острые, как у волка:

– Если бы ты рискнула путешествовать здесь без блуждающего огонька, я убил бы тебя и съел твое сердце.

Ларисса похолодела:

– Я тебе ничего не сделала.

– Мой кузен Буки находится в плену на борту вашего парохода. Для меня это достаточное основание убивать всех с проклятого корабля, – ответил он, – но ты находишься под

защитой блуждающего огонька и Девы, к которой я тебя доставлю. Меня зовут Длинноухим.

Ларисса вспомнила, где она слышала это имя. Таверна «Двух зайцев» была названа в честь двух героических зайцев Буки и Длинноухого.

Заяц повернулся к дереву:

– Дерево, Растущее у Гибельного Цветка, Дева благодарит тебя за помощь. Сейчас я поведу девушку к ней.

Дерево высвободило Лариссу из своих цепких объятий. Все ее тело испытывало боль. Она вынуждена была некоторое время не двигаться, чтобы не упасть. Она со стоном потеряла свои конечности.

Что– то шевелилось у ее ног, но Ларисса сначала не обратила на это внимания, думая, что это – один из корней. Когда она почувствовала прохладную чешую пресмыкающегося, она вскрикнула и отпрянула.

Длинноухий посмотрел на нее с презрением:

– И ты собираешься освободить пленников корабля? Ты боишься безобидного змея. Ты недостойна своих белых локонов.

Стыд, смешанный с гневом, овладел Лариссой.

– Змеи опасны, – ответила она. – И конечно, даже ты, Длинноухий, опасаясь лис и волков, и, пропади ты в тумане, какое значение имеет цвет моих волос?

Длинноухий приподнял свою верхнюю раздвоенную губу, открыв острые зубы:

– Напротив, Белая Грива, я ем лис и волков, а не они меня. Что же касается твоих волос, то скоро я тебя просвещу в этом отношении. Следуй за мной. Дева Топей желает видеть тебя.

Глава XII

«Как спутник Длинноухий не столь приятен, как блуждающий огонек», – подумала Ларисса. Громадный заяц уселся на носу ялика, наострив уши и глядя вперед. Первые часы они плавно передвигались по глади воды. Молодая танцовщица за это время услышала от зайца лишь несколько кратких команд, говорящих о направлении движения. Раздосадованная, она решила расспросить его, проявив инициативу. Наблюдая начинающийся рассвет, она спросила:

– Блуждающие огоньки, что это?

– Это то же самое, что мерцающие огни, только они, в отличие от последних, питаются положительными эмоциями, а не отрицательными.

– Почему один из них пришел ко мне в топах?

Длинноухий раздраженно обернулся на нее:

– Потому что ты позвала его. Поэтому он и прибыл. Я уже сказал, что тебе повезло. Твой капитан проклянет день, когда он прибыл в Сурань. Буки будет обязательно освобожден.

– Это как раз то, что мы с Уиленом пытаемся сделать, – объяснила Ларисса. – Он сказал, чтобы я добралась до Девы – я ее не знаю – и рассказала ей о просьбе живых существ, заключенных на борту корабля.

Длинноухий изогнул шею, чтобы рассмотреть девушку.

Она спокойно смотрела на него, продолжая грести. Его усы зашевелились, он размышлял.

– Если ты освободишь моего кузена, я твой союзник, – сказал он с изрядной долей сомнения. Он засмеялся: – Никогда бы не подумал, что буду действовать вместе с человеком, но я должен испытать, что имеется. Кроме того, – добавил он, – ты – Белая Грива и от тебя многое зависит.

Ларисса вспыхнула. Она почувствовала оскорбление в словах зайца, пусть гигантского и с зубами, длинными, как ее пальцы.

– Я верю, что не разочарую вас, – сказала она ледяным тоном.

Длинноухий проигнорировал ее сарказм:

– Посмотрим. Сначала надо получить согласие Девы.

Ларисса собиралась было ответить, как вдруг их ялик подхватило быстрое течение. Узкий фарватер расширился и соединился с другим потоком, Ларисса не отвлекалась, она примостилась на дне яла, опасаясь, что он перевернется, и гребла. Длинноухий закричал:

– Направо! Это – остров Девы! Танцовщица лихорадочно гребла направо, но течение играло с яликом и не отпускало его. Длинноухий прыгнул в воду, схватил привязанный к ялу канат и сильно поплыл к острову. Так общими усилиями они причалили к берегу.

Ларисса затащила ялик подальше от алчных волн. Длинноухий отряхивал с себя воду, как это делают собаки. Остров

был редким кусочком сухой суши. Ларисса с удовольствием наступала на сухой песок и затем – на сухую землю. Она успела смириться с болотистой почвой под ногами. Ночь была бесконечно долгой, и она радовалась наступившему утру. Она села, прислонившись к стволу дерева, перебирая события ночи.

Вдруг позади себя она услышала теплые тона голос заставившие ее по привычке насторожиться.

– Не страшись, Ларисса Снежная Грива, – голос исходил от ствола дерева, к которому она прислонилась. Это был женский голос: – Я – та, ради которой ты совершила это дерзкое путешествие.

Зачарованная Ларисса все еще была испугана. Она с любопытством наблюдала, как дерево начало поблескивать, а затем испускать холодный зеленый свет, усиливавший блеск до такой степени, что Ларисса вынуждена была заслониться. Дерево меняло свои формы, постепенно превращаясь в подобие прекрасной женщины, равной которой Ларисса никогда не видела.

Она была полных шесть футов роста, ее кожа была бледной и прозрачной, глаза – изумрудные. Ларисса заметила, что вместо волос ей на плечи опускался бело-зеленый воздушный мох. Она была одета в платье из листьев и лозы. При ее движении казалось, что ее ноги полностью никогда не покидают землю. Руки, сжимающие длинный жезл из дерева, кончались скорее не пальцами, а завитками.

– У тебя, я думаю, есть, что рассказать мне, – продолжала Дева вкрадчивым голосом.

У Лариссы в горле был комок, она побаивалась женщины, которая только что была растением, особенно пугал ее голос.

– Меня послал Уилен, – наконец проговорила она.

– А Уилена послала я, – кивнула Дева. – Что ему удалось узнать? Что капитан сделал с нашим народом?

Какое-то мгновение Ларисса не могла взглянуть в изумрудные глаза Девы. Ей было стыдно за то, что она как-то связана с капитаном.

– Капитан Дюмон сделал рабов из блуждающих огоньков. Он использовал их потребность в положительных эмоциях в интересах своих делишек. Он поймал также кузена Длинноухого Буки. Там есть также многие другие, из разных стран. Многие из них находятся в плену по многу лет, и Уилен желает, чтобы вы знали:

он хочет освободить всех.

Глаза Девы широко раскрылись:

– Всех? Его же послали освободить только наш народ. Разве он не может определиться с этим сам?

– Они все находятся под властью магии, леди. Увидев их всех в общей связке, Уилен говорит, что не может уйти без них.

Дева вздохнула и тряхнула головой:

– На борту корабля много магии, кроме того, следует учитывать, по какому маршруту оно идет.

– Он просил также передать вам, что на борту находится Лонд. Он хочет... – Ларисса запнулась – лицо Девы потемнело от нахлынувших на нее чувств.

– Лонд? – она протянула к жезлу вторую руку, сжимая его, как бы находясь в обороне. – Неужели? Чего он хочет?

– Уилен полагает, что Лонд хочет выбраться из Сурани, – ее голос более не был столь уверенным. Дева выглядела так, как будто она подвергалась нестерпимым страданиям. – Ле-ди... – голос Лариссы был беспомощным.

Она взглянула на зайца. Длинноухий был серьезен. Дева вела себя так, как будто Лариссы здесь не было. Она передвигалась с грацией ветра и склоняла голову, как от боли. Ларисса и Длинноухий обменялись взглядами.

Наконец Дева выпрямилась и сосредоточенно обернулась к Лариссе:

– Ты путешествовала с плавучим театром, сколько я помню себя. Ты видела в жизни много зла. Может быть, ты была сломлена этим, но в целом это тебя закалило. Твой побег с «Мадемуазель Мюсарда» был еще более опасен, чем это казалось. Лонд – очень злой человек. То, что он и капитан объединили свои силы, – плохая новость.

Она вздохнула и несколько мгновений мерцала скорее как растение, нежели как женщина.

Затем ее черты видоизменились:

– Я не могу помочь в деле, на которое готов Уилен. Это печалит меня больше, чем вам кажется.

Ларисса была поражена. Ведь она ни на минуту не сомневалась, что эта таинственная женщина, которую столь почитал Уилен, не откажет в помощи. Уилен был уверен. Она раскрыла рот, но Длинноухий опередил ее.

– Но в плену находится Буки, а не кто-нибудь. Он – лоах. Дева, если ты не сможешь спасти его...

– Это не мое решение, – воскликнула Дева. Боль такого решения была выражена на ее лице, по которому текли слезы. – Вы думаете, что я не чувствую его страха? Но мы оба – сухопутные существа, именно поэтому я не могу помочь ему. Не в моей власти говорить «да» или «нет» в отношении существ на суше, подобных Буки и блуждающим огонькам. И это в то время, когда Лонд употребляет свою магию на водных путях, а рабовладелец захватил лоаха. – Она протянула руку зайцу: – Ты лучше других знаешь мои границы. Разве ты осуждаешь меня?

Длинноухий был в сомнении, он дрожал от гнева, затем он прыгнул в зеленую траву, помахивая белым хвостиком.

Ларисса повернулась к Деве, та ровно смотрела на нее.

– Уилен рассчитывал на вас, – сказала танцовщица. Она знала, что ее слова были неразумными и поспешными, но она протестовала против решения Девы и слова лились сами собой.

– Он сам сейчас является пленником на корабле, как и те, кого он пытается спасти. Разве не ясно?

Дева Топей продолжала изучать Лариссу.

– Ах, дитя, – сказала она, и деревья сочувственно зашумели, – ты так молода и самоуверенна. Ты многого не знаешь, и еще меньше можешь.

– Я знаю, что Уилен находится в затруднительном положении, пытаюсь спасти многих, включая меня, – сердито ответила Ларисса. – И если вы не спасете его...

Дева слегка насторожилась:

– Если я не помогу его спасти... Ларисса облизнула сухие губы:

– Тогда Длинноухий и я попытаемся сами найти путь к спасению.

Мысль о Уилене в опасности не давала ей покоя.

К ее удивлению, Дева усмехнулась:

– Быть может, ты это сможешь. Ты ведь – Белая Грива. – Внезапно ее лицо просветлело, она придвинулась ближе и положила свои руки на плечи Лариссе. – Да... похоже, что выход есть. Ты действительно так думаешь, как говоришь? Ты будешь сражаться с опекуном, с Лондом и его темными силами, будешь воевать против этого колдовского корабля самостоятельно?

Танцовщица покраснела. Дева ей не доверяла. Но в глубине сердца она сознавала, что она не оставит Уилена на произвол судьбы. У нее мелькнула мысль, что это означает, что она любит его, но она отогнала эту мысль. Она кивнула.

Довольная улыбка осветила лицо Девы. Она протянула руку Лариссе:

– В таком случае, Дочь Топей, пойдем учиться.

Девушка засомневалась, потом шагнула вперед и взяла протянутую руку, которая была прохладной и мягкой. Тонкая рука обняла ее. За спиной она почувствовала жезл:

– Не бойся, – прошептала Дева, обдавая Лариссу ароматами лета.

Ларисса почувствовала себя в плену, как давеча у дерева. Их окружил стремительный вихрь. Воедино перемешались запахи суглиника и жимолости, самих деревьев.

Когда все это кончилось, Ларисса стояла на берегу небольшого озера. Они были в гуще леса, повсюду лежали прохладные тени. Деревья заслоняли солнце, но это были обычные деревья, а не чудовищно переплетенные фигуры.

Вопросительно моргая, она смотрела на Деву, которая улыбалась:

– На этом острове я перемещаюсь, куда хочу. Ты передвинулась от дерева моих ароматов к другому, в чаще леса. Ты научишься путешествовать так сама, Ларисса.

– Я не уверена, надо ли мне это. Дева засмеялась:

– Ты, должно быть, хочешь пить. Выпей из озера, оно чистое и свежее.

Ларисса покорно склонилась к воде, которая отразила ее лицо и белые волосы. В лазурном небе плыла одинокая тучка. Танцовщица набрала в пригоршню воды и выпила.

Она забыла о своих спекшихся губах, вода была изумительно вкусной, чистой и холодной. Однако после третьей

пригоршни она потеряла четкость зрения. Она поморгала, но это не помогло. Ее мысли рассыпались. Голова кружилась. Ларисса села на землю, держась за почву. Издалека донесся голос Девы:

– Не бойся. Посмотри в воду озера, Ларисса Снежная Грива, и ты узнаешь, кто ты на самом деле.

Ларисса не послушалась, она схватилась за виски, опасаясь, что силы покинут ее. Она никогда еще не была жертвой колдовства.

«Это не колдовство. Я даю тебе ответы на вопросы, которые тебе уже знакомы. Не сопротивляйся, Ларисса».

Эти слова она услышала внутри себя. Она почувствовала дрожь, затем растворилась в принятии посторонней воли. Когда она взглянула в зеркало озера, она увидела не голубые небеса, а ночное небо, усеянное звездами в обрамлении зеленой травы.

Когда она сдалась, это обрамление исчезло. Она нашла себя сидящей на берегу топей. Из города поблизости доносился обычный гул, из топей – звук цикад и музыкальное журчание воды. Забытым голосом ребенка она произнесла:

– Папа...

Все вокруг было незнакомым. Ларисса испуганно заплакала. Ей снова было пять лет. Белокурые волосы свисали на покрытое слезами лицо. Она пододвинулась поближе к топям и ее страх уступил место любопытству. Она опустила на колени потрогать блестящие камешки-голыши, тронула

лягушку за мокрую спинку и весело засмеялась, глядя, как та оскорбленно отпрыгнула.

Свет усиливался и, оглянувшись, Ларисса от счастья затаила дыхание. Из леса пробивались все новые огни. Их скопилось вокруг ее стройной фигурки так много, что было светло как днем. Пятилетняя девочка сидела на берегу реки, смеялась и ловила руками странного вида шары света.

Пятнадцать, возможно, двадцать непрочных шаров крутились подле ее головы как бы играючи, то и дело отскакивая от препятствий. Иногда ей удавалось слегка задеть шарик, но он тотчас же быстро удалялся.

Ее тело наливалось теплом. Это было очень приятное ощущение, наполнявшее ее от головы до ног. Она хихикала потихоньку, затем стала постепенно возвращаться к действительности, обнаружив, что шары отлетают в сторону. Боясь потерять своих новых друзей, Ларисса вскочила на ноги и последовала за ними в сторону топей.

Ночной покой был внезапно нарушен криком.

– Ларисса! – звал отец. Он бежал из города.

Девочка обернулась и нахмурилась. Светлячки как бы сжались от резкого крика и стали активно удаляться. Некоторые пропали совсем, другие еще мешкали подле нее.

– Папа, ты их всех распугал, – укорила Ларисса.

Отец отчаянно замахал руками, отпугивая оставшихся.

– Боже, я уж подумал, что потерял тебя, Рисса, – сказал Обри, забирая девочку на руки и тесно прижимая ее к себе.

Лариссе, однако, не понравилось разлучение ее с загадочными шариками света.

– Папа, верни их назад! – сердито сказала она.

Обри посмотрел на дочь и чуть не задохнулся: волосы Лариссы стали белыми.

Усталое лицо Обри приобрело горькую складку у рта. Ларисса же недовольно надула губы и пыталась освободиться. Обри торопливо нес к маячившим огням города свою драгоценную ношу. Через плечо отца Ларисса увидела, что один из шариков не изменил ей.

– Не покидай меня! – закричала она вся в слезах.

Шарик испытывал трудности, он быстро мерцал и двигался то в одну, то в другую сторону. Некоторое время он еще следовал за дочкой и отцом, затем по приближении Обри к городу шарик устало замерцал и стал еле виден. «Я помню... Я помню...»

– Топи нуждались в твоей магии. Блуждающие огоньки звали тебя. Если бы ты смогла ответить им, если бы отец не забрал бы тебя с собой, ты стала бы – как я – частью топей.

– Но у меня нет магии, – сказала Ларисса. Но прежде чем слова сорвались с ее губ, она почувствовала, что говорит неправду. Ее тело помнило наполнявшее ее когда-то тепло. Она помнила, как она танцевала, когда Сардан играл ей на мандолине. Это незабываемое чувство вернулось к ней. Она закрыла глаза и отдалась захватившим ее силам.

– У тебя есть потенциал, поэтому выбор пал на тебя. Когда

ты начала танцевать?

Ларисса растерялась от неожиданного вопроса:

– Я думаю, когда мне было лет шесть. Голос Девы был спокойным, как будто она знала все ответы. Она сделала обе ладони ковшиками и сложила их. Внутри появился свет. Поскольку Ларисса замешкалась с ответом, Дева повторила уже строже:

– Тебя учил кто-нибудь? – Она задала этот вопрос во второй раз.

– Нет, нет, – ответила Ларисса. – Я просто танцевала. Я наслаждалась этим, у меня хорошо получалось.

В сложенных ковшиками руках Девы образовалось нечто сначала бледно-зеленое, затем – темно-синее. С улыбкой Дева протянула Лариссе руки, наполненные ягодами.

– Твои танцы – дар топей, дарованный вместе с превращением волос в Белую Гриву, – сказала Дева, когда Ларисса склонилась над ягодами. – Мы пометили тебя белыми волосами и дали способность к магии. Твое тело рано обнаружило эту способность к магии, душа знала о ней, умом ты этого не понимала. Я научу тебя приемам магии – как развивать заложенные в тебе способности. Если я научу тебя, ты употребишь свои силы и магию в борьбе со злом на борту «Мадемуазель».

Ларисса сама удивилась, как легко у нее с губ слетело:

– Да!

– Тогда начнем. Расскажи мне, что ты делала в плавучем

театре.

– Я – Морская Леди в мюзикле «Удовольствие пирата», – ответила Ларисса, приканчивая чудесные ягоды.

Дева кивнула:

– Поскольку ты знакома с этой стихией, перейдем к воде.

– Вряд ли «Удовольствие пирата» можно ставить рядом с магией.

– Не обязательно. Кто был хореографом?

– Я.

– Хорошо. Ты можешь признать, что эта часть исходит от тебя? – Ларисса затрясла головой. Дева рассмеялась, как дождь по воде. – Неважно. Станцуй для меня свою партию.

Ларисса нервно встала и неуклюже прошла вперед к плоскому месту. Она заняла позицию, вспомнив тело Флориана, распростертое там, на сцене, плачущую Розу, пытаясь не думать о Касильде с ее превращением. «Думаю только о танце», – сказала она себе строго.

Сначала она ощущала неловкость, но затем постепенно все встало на место. Дева внимательно наблюдала за движениями податливого тела, за прыжками ног и развевающейся гривой волос. О да, в этом было волшебство. Как Ларисса сама не чувствовала этого? Так размышляла про себя Дева. Девушка практически излучала чары. Ларисса прыгнула, выгнулась, совершив финальный переворот.

Она посмотрела на реакцию Девы. Лицо той было бесстрастным.

– Тебе много предстоит переучиваться, – сказала она. – Ты высокопарна и заученно-предсказуема. Ты должна забыть про шаги и обратить первейшее внимание на ритмику.

– Но нет никакой музыки, – ответила Ларисса, переводя дыхание. Она была озадачена тем, что не произвела впечатление на Деву.

– Найдется достаточно музыки. Я велю лесу наигрывать, пока ты учишься. Ты должна найти душу ритма, сообщающего мощь. Посмотри на меня. У меня нет дара к танцу, но кое-чему я могу научить тебя. – Она грациозно поднялась и указала Лариссе на место. – Дерево с Обгорелыми Ранамы, – обратилась она к ближайшему дереву, кланяясь ему, – поиграй для меня, чтобы я могла научить Белую Гриву.

Огромное дерево, на котором были следы пожара, с готовностью прошелестело. Сильные корни возникли из-под земли и начали ударять по стволу.

Получался очень глубокий звук. Нечто спрятанное в Лариссе стало отзываться на эти звуки. У Лариссы замирала душа, когда она смотрела на представление Девы, которая двигалась с закрытыми глазами, чтобы лучше сосредоточиться. Ее бедра, казалось, растворились, а руки двигались как волны. Завитки на концах пальцев колыхались. С них как бы стекали капли дождя. У ритма было успокоение океана, веселье реки, и Лариссе захотелось больше всего танцевать вместе с Девой.

– Земля! – скомандовала Дева. Дерево подчинилось, уда-

ры стали глуше и, насколько это было возможно, глубже. Это походило на сердцебиение, сердцебиение земли. Движения стали более нарочитыми, менее плавными. Дева опустилась на колени, легла на спину, хватая землю пригоршнями и пропуская ее между пальцами. Лариссе вновь захотелось присоединиться к Деве, но она пока не была приглашена.

– Воздух! – послышался голос Девы. И снова сменился ритм, он стал легче, походя на птицу, ставшую на крыло.

Впервые за все время, с тех пор как они встретились, Дева оторвалась от земли, лесное создание воспарило. Ее длинные моховые волосы развивались по ветру. Изящное создание, казалось, было рождено для воздушной стихии. Лариссу полностью охватила красота зрелища.

– Огонь!

Ларисса увидела, что это, пожалуй, было самым сложным и опасным. Хотя она не могла понять почему. Барабанная дробь стала резче слышна, движения Девы походили на молнию и на пламя. Она вся была полна энергий и внезапных движений. Ларисса закрыла глаза.

Неожиданно наступила тишина. Ларисса открыла глаза и увидела, что Дева стоит подле нее. Девушка дрожала. Всю свою жизнь она бессознательно стремилась к тому, что она только что увидела. Ее движения показались ей приземленными, лишенными грации и пустыми. Она стыдилась собственной безграмотности после танца Девы.

– Я должна научиться танцевать как вы. Научите меня.

Глава XIII

– Для начала нельзя танцевать в этом, – Дева показала на костюм Лариссы.

Танцовщица посмотрела на себя. Ее одежда была типичной для гардероба на борту плавучего театра: длинные юбки, корсет со шнуровкой впереди и сорочка.

– Одежда жалкая, но какой она должна быть?

– Она связывает тебя. На тебе ничто не должно сдерживать движения.

Ларисса была немало раздражена, когда Дева заставила ее раздеться и разорвала одежду на клочки. Ларисса прикрыла груди остатками материала от юбки, а из сорочки сделала подобие юбки.

– Нет, – возразила Дева. Она сорвала юбку с поясницы и приспособила ее вокруг бедер.

– Так мало одежды я носила только при купании, – проворчала Ларисса, но приняла предложенные изменения.

– Всему есть свои причины. Каждая часть тела соотносится со своей стихией. – Объяснила Дева. – Волосы – это воздух. То, как ты вскидываешь голову и играешь с волосами, имеет значение для магии воздуха. Ты можешь управлять ветром, заклинать создания, наполняющие воздушную стихию, действовать на погоду.

– И все это с помощью вот этого? – переспросила Ларисса,

запуская руки в волосы. Дева, однако, осталось серьезной.

– Руки – для огня, – сказала она, теребя волосы руками, придавая им движения пламени. Ларисса повторила движение. – Стихия огня, электричество, свет и тепло рождаются из этих движений.

– Вода, – сказала она, двигая бедрами, – идет из середины тебя. – Она стала производить волнообразные движения вокруг ее живота. – Поэтому твой центр должен быть свободен для движений. Здесь, в топах, жизненно важно управлять водой. Наконец, земля, – сказала она, делая прыжок. – Ногами ты связана с матерью всего и всех нас. Настал час первого урока.

Сердце Лариссы забило от неопределенного предчувствия.

– Ляг на землю.

– Что? – протянула Ларисса в разочаровании.

Дева засмеялась ее нетерпению.

– Танцы будут после всего. Волшебник не начнет работы, не зная, какие опасности его поджидают. Он должен знать, как подойти к задаче. Нельзя приступать к чарам, не собрав нужных элементов.

– Но мы занимаемся танцем, а не магией, – возразила Ларисса. Дева мягко коснулась ее щеки.

– Дитя, тебе еще многому предстоит научиться.

Ларисса смотрела с удивлением, и Дева объяснила:

– Твоя сила исходит из того, чего касаются твои ноги, будь

это почва, вода, дерево или лодка. Со мною ты совершишь первое путешествие. Ложись и закрой глаза.

Ларисса повиновалась. Почва была влажной, но не болотистой. Ларисса позволила себе расслабиться и почувствовала себя хорошо.

Вдруг она начала погружаться в землю.

С криком Ларисса села, но Дева мягко заставила ее лечь: – Верь мне.

На этот раз она успокоилась с трудом. Она поняла, что, собственно, не погружалась. Путешествие совершал ее мозг, который получил сигнал Девы непосредственно: «Верь мне... Верь самой себе».

Она была глубоко в почве. Бессознательно она рыла землю пальцами, чтобы тело последовало за мозгом. Она совершенно не испытывала страха. Кто может бояться земли?

«Чувствуй жизнь, Ларисса. Держись за нее. Используй ее силу для собственного формирования»

Это была сила, энергия. Жизнь, рост. Да... Теперь Ларисса чувствовала это. Она слышала, как растут растения, как прорастают корни в плодородной почве. Она направила свой ум на соприкосновение с силой, почувствовав благожелательное отношение. Затем она осторожно собрала в горсть энергию.

– Ларисса, – послышался мягкий голос Девы.

Танцовщица открыла глаза. Она ощущала тяжесть в теле. Двигаться было чрезвычайно трудно. Собрав усилия, она се-

ла.

– Посмотри на правую руку, – продолжала Дева, ее глаза выражали удовольствие. Ларисса посмотрела и увидела крошечные фиалки на практически голой земле. – Их не было, когда ты ложишься.

Бурная радость осветила лицо Лариссы, указательным пальцем она тронула нежные растения:

– Это я сделала их?

– Нет, – поправила ее Дева. – Я не могу тебя научить создавать что-то из ничего. Но семена там были. Ты не создала фиалки, ты лишь проявила их растительный потенциал и ускорила их рост. Ты действовала вместе с жизнью, а не против нее. Поднимись, дитя.

Ларисса встала на ноги.

– Запомни ощущение управления энергией и запомни, с какой частью тела это соотносится. Теперь ты можешь потанцевать.

Сначала неуверенно Ларисса начала двигаться босыми ногами вокруг цветов. Ее ноги ощущали влажную почву. Она подпрыгнула и оставила следы ступней. Она чувствовала силу, поступающую от земли, и закрыла глаза, чтобы лучше сконцентрироваться. Ее тело двигалось, она танцевала под ритм биения земли все быстрее, ища отклика...

Почувствовав под ногами растения, она остановилась. Она открыла глаза и обнаружила, что вся поляна усеяна сочными фиалками. Запах цветов щекотал ее ноздри, она счаст-

ливо улыбалась Дева.

– У тебя большой дар, но ты должна научиться управлять собой разумно.

Отрезвляющая мысль пронзила ее, пригасив энтузиазм:

– Дева... а как это... – она показала на фиалки, – поможет победить Дюмона и Лонда?

Дева разочарованно поглядела на нее:

– Ты не чувствуешь своего потенциала. Ну да ладно, это образуется. Не желаешь ли пока освежиться?

– Разве урок окончен? – Ларисса опасалась, что учению помешал ее вопрос. – Дева, меня сейчас ищут, пароход уже, наверное, вышел за пределы...

– Они не найдут того, что ищут. Это надежное место. Что касается корабля, то в топях есть кому заняться им. Твой урок далеко не окончен. Ты будешь учиться у меня постоянно, когда ты со мной, хотя это не всегда будет похоже на уроки. – Она улыбнулась своим мыслям. – В другом конце острова есть колодец. Я покажу тебе, как туда добраться. Ты помнишь, я показала тебе магическое озерцо. Тогда я пообещала научить тебя, как самой проходить этот путь.

Ларисса кивнула, поеживаясь. Ей все еще страшно было отдавать себя во власть дерева, хотя и на несколько секунд.

– Найди дерево поудобнее и покажи его мне.

Танцовщица закатила глаза: найти дерево, в котором удобно? Чепуха какая-то...

– Белая Грива! – закричала Дева, и голос ее не был похож

на шелест листвы, скорее на ломающиеся сучья. Ларисса закрутила головой в поисках дерева.

– Я ничего не говорю впустую. То, чему я тебя учу, не имеет ничего общего с развлечением, я тоже подвергаюсь риску!

Ларисса покраснела, не решаясь встретиться глазами с Девой:

– Простите меня, Дева. Это не от недостатка уважения.

Дева немного смягчилась:

– Я знаю, дитя. В твоём сердце забота о тех, кого ты любишь. Но ты должна приучить себя к терпению и дисциплине. Подойди, Белая Грива, я научу тебя проходить сквозь деревья.

Ларисса оглядела деревья, обступившие опушку леса. Наконец ее взор остановился на толстом стволе кипариса. Полоски воздушного мха свисали с него как бы приглашая.

– Представься, – сказала Дева, – пусть дерево знает, кто ты.

Ларисса так и сделала. Затем она закрыла глаза и мягко наступила на корни кипариса.

– Добро пожаловать, Белая Грива. Ты можешь путешествовать через меня. Молодая танцовщица раскрыла глаза:

– Он говорил со мной!

– Естественно!

– Но это обычное дерево...

– Да, это обычный кипарис. Все в природе разговаривают с теми, кто умеет слушать. Теперь проходи насквозь.

Ларисса шагнула с растопыренными руками и почувствовала кору ствола:

– Я не могу.

– Потому что ты не веришь, что дерево отворится для тебя. Это оскорбительно для него, Ларисса. Кипарис уже пообещал пропустить тебя. Впрыгни в него. Представь, что ты танцуешь и там тебя ждет партнер, который поймает тебя.

Ларисса посмотрела на дерево. Если Дева права, она окажется в другом месте, если нет... Ларисса была готова получить царапины.

– Будь моей дверью, – прошептала она.

Она отступила, разбежалась и прыгнула головой вперед, отведя руки назад. Она удачно приземлилась у маленького каскада, питающего водой глубокий чистый пруд.

Дева уже была там и наблюдала за Лариссой:

– Немножко веры в себя и в... того, с кем ты будешь работать.

Пруд оказался очень красивым. Ларисса бросилась купаться, сознавая, что она вся покрыта грязью. Она выстирала свою одежду и развесила ее на скале сушиться. Дева подошла к пруду и пила из него, в то время как Ларисса купалась, наслаждаясь приятной водой.

– Кто это? – послышался женский голос.

Ларисса вздрогнула, всплеснув водой. Хорошенькая молодая женщина ее возраста сидела на берегу, рассматривая ее с любопытством. Ее каштановые волосы были длинными

и густыми, они ниспадали на плечи как капюшон. Карие глаза искрились. Руки обнимали колени, она раскачивалась.

– Ты очень груба, Денири, – упрекнула ее Дева, – Это – Ларисса Снежная Грива, моя ученица. Ларисса – это Денири, моя подруга, когда она ведет себя хорошо.

Денири тряхнула волосами, на ее губах появилась непокорная улыбка:

– Я слышала, что некая Белая Грива вернулась в топи. Привет, Ларисса.

– Привет, – ответила Ларисса с достоинством.

Однако любопытная девушка уже не обращала на танцовщицу никакого внимания. Она уставилась в одну точку пруда неподалеку от Лариссы, грациозно разгибаясь. Денири приблизилась к кромке воды, затем резко выбросила руку в воду. Она победно улыбнулась, увидев в ладони барахтающуюся лягушку. К удивлению Лариссы, она расчленила лягушку на две части.

Поедая лягушку, Денири заметила выражение шока на лице Лариссы. Она пожалала худенькими плечиками.

– Я хочу есть, – объяснила она, принимаясь за другие куски.

Ларисса отвернулась с отвращением.

– Денири не принадлежит к человеческому роду, – пояснила Дева. – Денири, покажи себя Лариссе в другом обличье.

– Я не готова, – захныкала она.

– Она не будет пугаться тебя, если узнает, кто ты, – про-

должала Дева, игнорируя протесты Денири.

Денири взяла в рот еще кусок лягушки, бросила наземь остатки и прыгнула в воду. За ее превращением Ларисса не успела проследить, она лишь увидела гигантскую норку, которая выползла на берег, вернувшись к оставленной пище. Она стала есть, придерживая лягушку лапкой.

– Денири может принимать обличье женщины или норки. Ее друг – один из тех, кто может помочь нам, когда настанет нужный момент, – сказала Дева. – Денири, попроси Каедрина прибыть на остров. Если он не возражает, я хотела бы видеть его.

Громадная норка в роскошной шубе, блестящей от влаги, некоторое время размышляла, потом кивнула в знак согласия. Она съела последний кусок лягушки, посмотрела на Лариссу и побежала по сухой земле, нырнув затем в воду. Ларисса провожала ее взглядом.

– Она не внушает доверия, – сказала она немного погодя.

– Да, ты права. Таковы все зверьки ее породы. Они умны, эгоистичны. Им присуща жестокость. Но Денири любит Каедрина, которому я доверяю. Это – один из отшельников острова.

– Как матушка Уилена, – сказала Ларисса.

Дева с любопытством посмотрела на нее.

– Да, – медленно проговорила она. – Правильно. Каедрин когда-то жил на острове Дорвинии, но никогда не считал его своим домом. Некоторые полагали, что он из вистани, у

него большая страсть к бродяжничеству. Он был солдатом, успешно занимался коммерцией, но не к этому лежало его сердце. Его тянуло в лес, к диким явлениям. Когда бродяжничество прибило его сюда, он ушел из городов и от людей. Лучшей подруги, чем Денири, Каедрина не сыскать.

– Я уважаю стремление Каедрина к одиночеству, – продолжала Дева, – но нам полезны будут его тактические навыки. Дюмон и Лонд – хитрые противники. Нам нужно до конца использовать все возможности, чтобы победить их.

Когда Дева упомянула Лонда, в ее голосе послышалась печаль. Стеснительно, не желая быть навязчивой, танцовщица спросила:

– В чем опасность Лонда? Откуда вы его знаете?

Дева помолчала. Ларисса подумала, что в своих расспросах она зашла слишком далеко. Наконец Дева заговорила:

– Это моя постоянная боль. Он был моей самой большой ошибкой, многие пострадали от него. Это мрачная история, которой я не хотела бы касаться, но ты спросила, ты должна знать это. Одевайся, пойдем со мной.

Ларисса последовала за Девой и села около нее, как и она, глядя в магическую воду. Отражения зеленой Девы и молодой танцовщицы поблекли, Ларисса вновь увидела окраины лесной опушки, где она играла с блуждающими огоньками.

Была зима, и торчащая из-под снега трава была покрыта инеем. Солнце ярко светило. Из деревни приближался молодой человек.

Ларисса нашла его захватывающе привлекательным. Он был элегантен и строен. Черные волосы ниспадали на его плечи. Глаза были синими, почти фиолетовыми. Он двигался с грацией кошки. На нем были прекрасные яркие одежды, в руке был причудливо украшенный жезл. На шее висели бусы, содержавшие косточки, коренья. Человек, выглядевший моложе Уилена, шел, осознавая свою волю.

– Его зовут Алондрин, – объяснила Дева, – он – бокору Порт-Дэлура.

– Бокору?

– Шаман, – сказала Дева, – или жрец. Когда-то такие были в каждом городе. Бокору отвечает потребностям населения в духовном, топи признают его.

– Никогда не слышала о бо... бокору в Порт-д-Элуре, – пробормотала Ларисса, разглядывая молодого человека.

– В этом качестве он больше не служит своему народу, – печально сказала Дева.

В магическом зеркале воды Дева появилась из тени кипарисов. Приветствуя друг друга, они поцеловались, и сцена пропала.

– Алондрин и я были любовниками вначале. Он был умнейшим и ярчайшим среди людей, очень любознательным. Он был отличным бокору.

Ларисса смотрела за меняющейся сценой. Алондрин, уже на несколько лет старше, все еще привлекательный, сменил свои яркие одежды на неброский черный плащ с капюшо-

ном. На шее было больше бус. Лицо украшала борода. Теперь бусы были украшены не кореньями и перьями, а другими вещами, которые Лариссе показались зловещими. Там было много костей и странно окрашенных камешков. Защитительные коренья пропали. Жезл Алондрин венчался черепом какого-то маленького животного.

Лицо бокору также претерпело изменения. Прежняя уверенность в себе уступила место наглости. Когда-то прекрасные черты потускнели и стали сердитыми.

– Что толку от власти, если ее не употреблять? – сплюнул Алондрин. – Почему ты упорно обращаешься со мной таким образом? Я лишь хочу научиться, усовершенствовать мои навыки. Почему это опасно?

Зелёные глаза Девы наполнились слезами.

– Любовь моя, – сказала она голосом, напоминавшим сильный ветер. – В этом больше опасностей, чем ты можешь знать. Магия плодов и цветов – дар, нацеленный на улучшение, а не на развитие алчности. Знания, которые ты получил от меня, нельзя обратить против добра.

– В таком случае я буду учиться другой магии, – отвечал Алондрин, сердясь. – Магии, которая будет послушна мне.

– Нет, любимый! Это повредит тебе, разрушит личность. Именно в этом погибель учености на костях и крови, которое возьмет от тебя больше, чем оно может дать. Кровь требует больше крови!

– Мне нет до этого дела, поскольку она будет литься по

моей воле! – закричал Алондрин.

В бешенстве он со всей силой направил свой жезл на нее. Однако Дева быстро увернулась. Она изогнулась как трава под ветром. Она сделала несколько движений, и жезл в руках Алондрина затрепетал. Череп упал на землю, а пораженный бокору увидел, что держит в руках змею. Выронив шипящее существо, он побежал в город. Его плащ развевался за ним.

Дева подобрала змею и зарыдала. Она потерлась щекой о змеиную голову, а змея своим жалом лизнула ее в щеку. Дева повесила змею себе на шею, и та обернула ее почти с нежностью.

Изображение распалось. Волшебное зеркало воды вновь отражало только лица тех, кто глядел в него, и голубые небеса.

– Алондрин повернул против топей, против всего, что поддерживало баланс. Он оставил свой пост бокору, предоставив населению самому решать свои проблемы. Многие болели и умирали. Другие погибли в топях от своей непригодности. Алондрину до этого не было дела. Он заботился только о том, чтобы стать черным колдуном. Он узнал, что блуждающие огоньки питаются эмоциями и сильны этим. Он пытался использовать это. Но ему это не удалось, он стал находить удовольствие в боли других. Он вступил на путь магии крови и костей, этот путь не может дать удовлетворения, а лишь разжигает новые желания.

Дева остановилась, повернув печальное лицо к Лариссе:

– То, чему я тебя учу, является магией плодов и цветов. Она сопутствует природе, не противодействуя ей. Алондрин избрал более темный путь и теперь научился управлять мертвыми. Таков тот, кому капитан Дюмон оказывает гостеприимство. Результаты усилий Лонда уже видны на борту «Мадемуазель Мюсарда».

«Зомби. – Ларисса слышала о них, и они вызывали у нее отвращение. – Движущиеся трупы, постоянно гниющие, неспособные самостоятельно думать».

– И да и нет, – продолжала Дева, читая мысли Лариссы. – Сейчас Алондрин работает с водой и обрел новую силу. Он научился получать зомби, которые могут думать и разговаривать, целиком оставаясь в его воле. – Грустно глядя на Лариссу, Дева добавила: – Зомби, которые могут даже петь.

Ларисса сжала кулачки в ужасе:

– О нет... Касильда... Боже...

– Да, дитя мое, – сказала Дева мягко. – Алондрин скрывает свое лицо и тело, поскольку на нем лежит печать зла, которую он не хочет показывать. Рабовладелец и создатель зомби заключили союз. Лонд хочет покинуть Сурань. В обмен на проезд он дал капитану команду, которая никогда не высказывает недовольства.

Ларисса прогнала боль и жестко посмотрела на Деву:

– Когда мы будем готовы к атаке?

– Тогда, когда я решу, что ты готова, дитя мое, – и ни днем раньше. Даже и тогда останется одно последнее пре-

пятствие, – Дева сделала паузу. – Но для этого достаточно времени. Должно быть. Тебе сегодня досталось. Теперь поешь, поспи. Завтра утром снова начнем.

Глава XIV

Шаги Джелаара были быстрыми и уверенными, когда он шел по палубе; шедший с ним зомби был охраной, но он не предпринимал ничего против целеустремленности эльфа.

Они подошли к каюте Дюмона, которую Драгонейс открыл с нарочитой тщательностью. Джелаар нетерпеливо отодвинул Драгонейса плечом и прошел в каюту. Драгонейс закрыл и запер дверь все с той же бесстрастностью.

Эльф занялся зеркалом, встроенным в гардероб. Не без колебаний подступил он к зеркалу и прошептал несколько слов грубым шепотом. Он издал мелодию не столь чистую, как у Сардана или даже у Дюмона, но этого оказалось достаточно.

Поверхность зеркала потемнела. Отражение роскошного убранства каюты и наблюдающего Драгонейса пропало, как сумерки в ночь. Затем, как бы с дальнего расстояния, Джелаар смог разглядеть белое пятно, которое при приближении оказалось клубами тумана.

Джелаар сжал кулаки. Появились намеки, окрашенные иначе: синие, золотые пятна. Наконец клубы тумана рассеялись и появилась стройная фигура дочери Джелаара Араднии. Длинные светлые волосы свободно лежали вокруг ее овального лица, с любовью смотревшего на отца с поверхности зеркала. По свою сторону этого зеркала она протянула к

нему свои руки:

– Привет, папа! – прошептала она, бодро улыбаясь со слезинками в глазах, как осколки хрустала.

Глаза Джелаара тоже были в слезах. Он положил руки на поверхность зеркала так близко к дочери, как только мог:

– Привет, дитя!

Последний год Арадния содержалась в одной, известной только Дюмону, области туманов. Когда Дюмон или Джелаар хотели с ней поговорить, контакт осуществлялся посредством зеркала. С Араднией обращались неплохо, но она была страшно одинока и постоянный страх сковывал ее мысли.

Отпущенные ему Дюмоном полчаса на свидание Джелаар эгоистично хотел бы употребить только на то, чтобы посмотреть на дочь, но он отказался от такого проявления чувств. Это время было более для нее, нежели для него:

– Куда, моя дорогая?

– Лес, я думаю, – голос выдавал, как она соскучилась. – На заре. С красивыми существами.

Прежде чем начать, Джелаар кинул взгляд на Драгонеиса. Полуэльф тихо сидел в кресле, глядя на Джелаара с мертвецким терпением.

На момент Джелаара посетило подобие жалости. Кошачья грация Драгонеиса сменилась деревянной исполнительностью. Его странные глаза более не выражали злого юмора, а его лицо с резкими чертами не выражало никаких эмоций. Но тут Джелаар вспомнил ядовитые насмешки, которые ему

пришлось вытерпеть от ДрагонеЙса только за последний год.

Чувство жалости у Джелаара испарилось, как мгла под полуденным солнцем. Что бы ни случилось с полуэльфом, он это заслужил, в отличие от других ходячих мертвецов на борту.

Иллюзионист распростер руки и начал бормотать заклинание.

Желтый свет фонаря ДрагонеЙса отступил в сумерки. Можно было слышать тихое чирикание птиц и едва слышимый шелест бриза. Перед жадными глазами Араднии стала разворачиваться картина.

На фоне лавандового неба выделялись темно-зеленые сосны. Деревянные стропила потолка исчезли из вида, им на смену пришли мерцающие звезды. Прямо перед зеркалом росли зеленая трава и грибы. Пение птиц затихло, и трогательные звуки флейты задрожали в воздухе. На флейте играла прекрасная девушка-эльф, которая вышла на передний план.

За ней последовали другие существа: феи, нимфы, сифиды и единорог. Музыка других, невидимых музыкантов сливалась с мелодией флейты.

Маг сделал жест правой рукой, и в центре феерического круга появился улюлюкающий сатир. Взрывы смеха, неслышимые для тех, кто был вне каюты, слышались из зеркала на воображаемой поляне, созданной Джелааром, стремившимся облегчить страдания дочери.

Знойная ночь раннего лета накрыла землю душным одеялом. Воздух был немного прохладнее, чем днем, но сырой и густой. Дюмон стоял один на правом борту «Мадемуазели»; он был недоволен ощущением влажности в легких, но тем не менее вдыхал воздух глубоко, чтобы успокоить мысли. Над ним в ночи возвышался грифон.

Ночь была обманчиво тиха. Дюмон приказал остановить пароход до тех пор, пока не будет обследована непосредственная область исчезновения Лариссы. С этого времени не было слышно ритмического всплеска гребного колеса.

– Этого не может быть, – пробурчал он, – Ларисса не волшебница. Я знал бы это, черт побери! – Рассказни Лонда о «белых гривах» и «магии топей» противоречили здравому смыслу. С другой стороны, колдун заявил себя как сила, с которой необходимо считаться. Об этом свидетельствовали зомби, топтавшие палубы собственного судна Дюмона.

Сквозь все тревоги Дюмона проходила одна мысль: Лариссу надо найти.

Он увидел проблеск света на берегу и скомандовал четверем зомби на борту приготовиться к приему людей. Уилен, Тейн и Джахедрин поднялись на борт. Они были в поиске почти целый день.

– Какие-нибудь следы? – спросил Дюмон.

Уилен и другие покачали головами.

– Ничего, – сказал Джахедрин. Даже при свете факела была видна крайняя усталость на его лице. – Там полно опасностей, капитан. Достаточно одной из них...

– Нет, – перебил Дюмон. – Я знаю, что она жива. Уил, поспи пару часов. В полночь отправишься вниз по реке.

– Слушаюсь, сэр.

– На рассвете мы остановимся и продолжим вновь. Она, возможно, на берегу, и если мы пройдемся вдоль берега... – Он осекся, круто повернулся на каблуках и пошел в свою каюту.

Он жестко пропел слова команды и открыл дверь. Джелар сердито смотрел на него, прекратив магический жест. Дюмон успел схватить общую картину, созданную Джеларом, прежде чем она исчезла. Араднию окутали вновь клубы тумана.

– Вон! – зарычал он, показывая на дверь. Он встал перед зеркалом на виду Араднии, у которой задрожали губы, а глаза умоляюще посмотрели на капитана.

– Капитан, пожалуйста, еще несколько минуток позвольте мне побыть с отцом, – попросила она почти шепотом.

Дюмон сузил глаза и со злобным удовольствием пропел четыре ноты. Красивое лицо Араднии пропало в клубах тумана. Затем пропал и туман. Зеркало вновь покорно отражало убранство каюты.

Капитан затылком почувствовал взгляд Джелара. Он

медленно повернулся к нему.

– Ты ненавидишь меня, верно? – Иллюзионист не ответил на провокацию, но стиснул зубы. – Ты хотел бы видеть мою голову на пике копья. Что ж, эльф, клянусь крысами Ришемюло, ты не первый и не последний в этом желании.

Дюмон протянул руку и взял маленькую статуэтку с гардероба. На первый взгляд это была простая деревянная фигурка, но при ближайшем рассмотрении у изображавшейся нимфы оказались длинные змеиные зубы. На самом деле она была мраморная. Дюмон угрожающе держал ее.

– Эльф, один удар по зеркалу и твое дражайшее дитя навсегда останется в области туманов. Не думаю, чтобы ты хотел этого. Никто не ожидает ничего хорошего от Рауля Дюмона. А сейчас вон с моих глаз, оба.

Дюмон увидел, что Драгонейс поднялся, как бы превозмогая боль. Он подумал, что никогда не привыкнет к пустоте взгляда своего друга. Он открыл гардероб, схватил бутылку виски, открыл ее и сделал несколько глотков, ощущая жжение в желудке.

Он сел на кровать с пологом и снова пригубил виски, вытерев губы тыльной стороной ладони. «Все это из-за Лизы, – подумал он. – Все». Если бы она не встряла в дело в Дарконе, Драгонейс был бы жив, а Ларисса счастливо танцевала бы для него каждый вечер.

Воспоминания роились в его голове. Он принял еще виски. Все началось с резкого стука в дверь...

– Войдите, – рассеянно сказал Дюмон, просматривая бухгалтерские книги. Дела плавучего театра в Дарконе шли хорошо. Так хорошо, что он устал считать прибыль.

Лиза влетела как ураган. Ее лицо было бледно, но глаза сверкали, а рыжие волосы развевались.

– Подонок, – произнесла она. Дюмон удивился, но не очень сильно. Он быстро поднялся и закрыл дверь, прежде чем кто-либо их услышал. Что он такого натворил? Его ведущая актриса вскипала по многим поводам. Это было все, от костюмов до кормежки артистов. На этот раз причина была серьезной.

– Лиза, моя дорогая, – начал он утешать ее. Лиза ничего не хотела слышать.

– Все кончено, Рауль, – сказала она холодно. – Все. Сегодня состоялось мое последнее представление.

– Что это значит? – брови Дюмона сошлись над переносицей, ужасное подозрение начало закрадываться в голову.

Лиза самодовольно ухмыльнулась. Наслаждаясь своим торжеством, она показала свою руку. На безымянном пальце красовался один из самых крупных бриллиантов, которые Дюмон когда-либо видел.

– Талын подарил мне его сегодня. Мы поженимся в конце недели.

– Барон?

– Он.

Дюмон сжал зубы, холодея при мысли, что его догадка

оказалась верной. Он заставил себя успокоиться.

– Поздравляю, моя дорогая! Он быстро соображал: амбиции Лизы больше Даркона. Сцену она так легко не оставит. Надо найти способ задержать ее в театре, хотя бы временно... Он продолжил:

– Желаю тебе наивысшего счастья в новой жизни.

Певица продолжала улыбаться:

– О, это не все. Ты лишаешься не только ведущей певицы, но и «Мадемуазель», проклятый рабовладелец!

Дюмон застыл.

– Я знаю содержимое твоего складского помещения. А это зеркало... Джелаар... – она причесывалась у зеркала, – Джелаар будет рад узнать, что его дочь не сбежала в Морденте. И я уверена, что добропорядочные эльфы в Невучар Спрингс с удовлетворением арестуют корабль рабовладельца.

Страх и гнев овладели Дюмоном. Он может быть разорен. Двадцать лет путешествий, кропотливой работы над созданием репутации «Мадемуазель Мюсарда». Все пойдет прахом из-за вздорной певички.

– Ты вынужден будешь скрываться теперь, Рауль. Ты выскальзывал от меня как змея. Теперь я тебя поймала.

Он двинулся на нее. Она предусмотрительно стала по другую сторону стола. Ее щеки пылали, глаза блестели. На ней было то же самое платье с глубоким вырезом, что на обеде. Она нагнулась, обнажив вершины своих грудей.

– Два года я наблюдала, как ты смотришь на Лариссу, ду-

мая, что тебя никто не видит. Я не понимаю, как ты до сих пор удержался от своих приемчиков в отношении ее. Что от тебя остается, Рауль?

При упоминании имени Лариссы что-то похолодело внутри Дюмона. Обвинения в отношении Лариссы повергали его в больший гнев, чем угрозы разоблачения. Его глаза сосредоточились:

– У меня есть много интересного. Взять, например, псевдодракона, который мне дороже обходится, чем я получаю от него. А цветные кошки из Генны. У меня имеется сова. Нереида... Одним словом, большая коллекция, которая может прославить корабль.

Медленно он прошел вокруг стола к ней, как бы нечаянно подбирая белый шарф, завязанный на спинке кровати. Негодование Лизы улетучилось, она сделала полшага назад к двери.

– Этот шарф, – продолжал капитан, – принадлежал нереиде. Теперь он мой, как и она. Что касается тебя, Лиза... что ж, ты дорогая штучка. У барона Талына отличный вкус. Нам будет не хватать твоего дивного голоса. Ты сокровище, содержать которое дорого обходится.

Лизой овладевал страх. Когда Дюмон бросился вперед, ее реакция была мгновенной: она швырнула ему под ноги кресло, задержавшее его, но не остановившее, а сама подбежала к двери.

– Помогите! – закричала она, не сознавая, что, пока двери

закреты, наружу не вырвется никакой звук. Дюмон выругался, на мгновение потеряв равновесие. Он поспешил к двери, которую он не запер.

Певица успела к двери первой и открыла ее.

Под дверью стоял Драгонейс, который схватил Лизу, зажав ей рот рукой. Держа ее в руках, он втолкнул ее в каюту и закрыл дверь. Дюмон обернул ее шею шарфом и туго натянул его. Она сопротивлялась, но силы были неравными. В конце концов ее тело упало на пол.

Запыхавшись, Дюмон смотрел на Драгонейса. Полуэльф отвечал ровным взглядом. Его золотые глаза не выражали никакого осуждения.

– Она знала о коллекции, а этот проклятый барон сделал ей предложение. Она собралась выйти замуж за него и повернуть против меня население Невучар Спрингс.

– Эльфы повесили бы тебя за рабовладение, – ответил Драгонейс. – Плохо будет без ее сопрано. Однако дублерша будет рада. Что будем делать с трупом?

Жестокая усмешка заиграла на губах Дюмона:

– У меня есть великая идея... Да! – Дюмон разговаривал сам с собой под воздействием алкоголя. – Была у меня великая идея, да пошла она не туда, куда нужно. Дражайшая Лиза, – бормотал он, – если твой проклятый призрак будет преследовать мой корабль, клянусь, ты будешь удовлетворена...

Он отпил из почти пустой бутылки и сказал себ, что раскаты победного смеха, который он слышал в своей голове,

есть лишь навеянное алкоголем наваждение.

* * *

Сильный удар грома разбудил Уилена. Какое-то время он сонно моргал, не соображая, затем вспомнил, что ему надо быть в рулевой рубке. Дождь хлестал в полную силу, и Уилен поежился. Топи в дождь были неудобны. Недаром люди в Порт-д-Элуре говорили, что в дождь погода седлает смерть. Он знал, что это справедливо сказано.

Он зевнул и потер глаза руками. Странная вещь сон. В начале он с трудом понимал потребность человека в сне, хотя не отвергал ее. Тело становится непослушным, разум отказывается сосредоточиться до тех пор, пока человек не отключит сознательные мысли на несколько часов. Он оделся, сполоснулся и вышел на дождь.

Он успел пробыть в рулевой рубке всего несколько мгновений, как в дверь постучал Сардан.

– Я пришел с дарами, о счастливчик-рулевой, – сказал те-
нор, расставляя чайник, две чашки, хлеб и кусочки мяса. –
А если моя леди осталась там, где я ее покинул... Да! Вот
она... – Он достал мандолину.-...то у тебя будет не только
пища для желудка, но и для души. – Сардан налил кипящего
чаю и протянул чашку Уилену.

– Я слышал, как капитан приказал тебе заступать на вахту,
и подумал, что смогу быть полезным.

– Спасибо, – сказал Уилен, тронутый заботой.

– Только не рассказывай никому, иначе моя репутация будет кончена, – пошутил он.

Уилен пригубил душистый чай и приступил к своим обязанностям.

Ночью в рулевой рубке огни не зажигались. Это облегчало прокладывание пути по Луне и звездам. В этот вечер дождь позаботился, чтобы небесные ориентиры не были видны. Сардан сел в глубине рубки и играл на мандолине. Пытливый ум Уилена отправился в путешествие.

Лонд обратил большую часть команды в полумертвых угождателей. Он пощадил лишь кока с помощниками и рулевых – Уилена, Тейна и Джахедрина. Уилен подумал, что рулевые были пощажены, чтобы сохранить свою быструю реакцию на всякие неожиданные ситуации, которые встречаются на маршруте по капризной реке.

За исключением Касильды, остались нетронутыми артисты. Уилен не мог найти объяснение этому. Он, конечно, был рад их судьбе, но не понимал мотивов Лонда. В интересах колдуна было превратить в зомби как можно больше людей. Почему он оставил в покое труппу? Тут что-то было неладно. Артисты, кажется, верили в «болотную лихорадку», но Уилен не думал, что эта легенда долго проживет.

Сардан закончил песню из «Удовольствия пирата» и начал другую.

– А ты другие мелодии разве не знаешь, кроме как из этого

мюзикла? – улыбнувшись, спросил Уилен.

– Разумеется, знаю. Я ведь был бардом. Это было давно, прежде чем я избрал легкую жизнь. А капитан не желает слышать никакой музыки на борту, кроме как «Удовольствия пирата». И петь никому не разрешается, кроме актеров. Таков категорический приказ.

Глаза Уилена широко раскрылись, и он был рад, что в темноте рулевой рубки Сардан этого не заметил. Он вспомнил посещение пленников и звуки сольной арии Розы. Он также заметил, что магия Дюмона была замешана на музыке.

– «Удовольствие пирата» – традиционная вещь для плавучего театра? – спросил Уилен, боясь выдать свою догадку.

На это Сардан отозвался громким смехом.

– Это довольно жалкий мюзикл. Любая традиционная вещь продержалась бы не больше недели. Нет, трагическая история Флориана и Розы – детище нашего милого капитана. Хотя, справедливости ради надо сказать, что для любителя это не так уж плохо.

Уилен торжествовал. Он догадался. Если автором музыкального сопровождения был сам Дюмон, мелодии были переплетены с магическими словами и музыкой. Он должен об этом быстро рассказать Деве. Каждая репетиция и каждый спектакль закрепляли неволю пленников.

Глава XV

– Это не имеет формы, – мягко прошептала Дева Лариссе, плавающей в пруду. – Это заполняет сосуд. Стань этим сосудом. Прими воду внутрь. Почувствуй ее в себе, в руках, в голове, в теле. Это – часть тебя, которая не может тебе повредить. Теперь, когда будешь готова, танцуй, ощущая воду в легких.

Спокойно лежа в источнике, закрыв глаза, Ларисса протянула руку и запустила ее в волосы. «Воздух», – подумала она. Она сжала мышцы желудка, ее голова находилась под водой. «Вода, – подумала она. – Дышать...»

Она сильно закашлялась.

– Я просто не могу понять, почему это так трудно для тебя, – сказала Дева. – Поднимайся и попытайся снова. Спокойно вращай бедрами.

Ларисса почувствовала боль в легких, но она послушно выбралась из бассейна. Она пыталась все утро и настолько устала, что даже близко не выполняла то, что от нее хотела Дева.

– Отдохни немного, дорогая, – сказала Дева. – Мы займемся этим после обеда. Ты должна совладать с водой. Это первейшая стихия в Сурани.

Она протянула Лариссе персик, и та с удовольствием вонзила в него зубы. Сок потек по ее щекам.

– К нам гости пожаловали, – сказала Дева своей ученице.

Ларисса вскочила на ноги, глядя в направлении реки. Показалась лодка, в которой были Денири и некий мускулистый мужчина в болотных одеждах. Вдвоем они умело справились с сильным течением и легко подвели лодку к острову.

На вид мужчине можно было дать лет пятьдесят, но Ларисса не была уверена в этом. Растрепанная седая борода могла свидетельствовать о более старшем возрасте, но играющие мышцы тела под одеждой и живые глаза на обветренном лице говорили в пользу более молодого возраста.

– Приветствую вас, Каедрин и Денири. Спасибо, что вы прибыли. Я побеспокоила вас в минуту большой необходимости, – сказала Дева приближающейся паре.

Прежде чем кто-либо успел проронить слово, из кармана гостя показалась голова горностая, уставившегося блестящими глазками на Деву и шевелящего усиками, затем она пропала в теплую надежность кармана. Тотчас из другого кармана показалась пара мышей, занятых осторожным обнюхиванием. Резкое карканье привлекло внимание Лариссы, она увидела ворона, слетевшего с соседнего дерева на плечо мужчины.

Каедрин улыбнулся ворону и погладил его голову цвета черного дерева ласково и уважительно. Затем он повернулся к Лариссе:

– Приветствую тебя, Ларисса Белая Грива, – произнес он официальным тоном. – Каедрин, сын Майлира и Аш-Тари,

к твоим услугам.

Ларисса уже открыла рот для ответа, но замерла: огромная змея с пятнами цвета ржавого бриллианта ползла на солнце из рубашки мужчины. Она изучала Лариссу своим черным язычком, глядя на нее холодными глазами пресмыкающегося.

– О дитя... – понимающе отозвался Каедрин, – я знаю, что она ядовита, но мы хорошие друзья. Вам она не повредит. Совершенно спокойно он взял змею в руки и протянул ее Лариссе. – Погладь ее...

– Нет! – вскрикнула танцовщица в испуге. – Убери ее...

– Она явно не переносит змей, Каедрин, – сказала Дева.

Пораженный Каедрин засунул змею обратно.

– Извините, – повинулась Ларисса. Она чувствовала, что ее щеки горят. Она хотела объяснить: – Это только...

– Нет необходимости объяснять, – сказал Каедрин. – В следующий раз я появлюсь без моих друзей. – Он тепло посмотрел на Лариссу: – Нам пора идти на охоту. Мы принесем вам результаты нашей охоты. Волшебства Девы недостаточно, чтобы получить хорошего жареного зайца. – Без лишних слов он повернулся и рука об руку с Денири зашагал обратно к лодке.

– После встречи с Длинноухим я не знаю, смогу ли я есть зайца, – сказала Ларисса Деве.

Та пожала плечами:

– Жизнь и смерть – части естественного цикла. Если кто-

либо из его народа может послужить для поддержания жизни, Длинноухий не рассердится. Другое дело – бессмысленное убийство. Оно нарушает баланс.

Ларисса покончила с едой и легла на спину, глядя в голубое небо. Через некоторое время над ней возникла Дева:

– Идем, Ларисса. Я думаю, что следующим уроком будет огонь.

Танцовщица застонала, но села.

* * *

Еще одна разведывательная операция прошла впустую. Дюмон начал всерьез беспокоиться по поводу судьбы своей воспитанницы. Лонд ничем не мог помочь. Он заперся в каюте, испытывая бессилие или нежелание искать Лариссу.

Дюмон одиноко бранился и пил виски. Он и раньше был равнодушен к алкоголю, но теперь он считал, что это избавляет его от приступов раскаяния, начавших преследовать его после исчезновения Лариссы. Его мысли вольно бродили, пока он лежал на кровати, заложив одну загорелую руку за голову, а другой рукой придерживая бутылку виски. Впервые, с тех пор как он обратил внимание на Лариссу, он допускал, что, быть может, ей было бы лучше, если бы она осталась с отцом.

Итак, ее отец. В ту ночь, когда тот посетил «Мадемуазель», он сразу обратил внимание на него...

Обри Хелсон выглядел истерзанно, как будто его преследовали его личные демоны. Он был худ, на грани истощенности, бледное лицо покрыто щетиной, глаза часто моргали, когда он говорил. Было видно, что когда-то он был хорошо одет. Было также ясно, что его экономическое положение постоянно ухудшается.

Дюмону не стоило особых усилий втянуть его в игру «Лорды и леди». В салоне, окруженные начищенной медью, полированной мебелью и матовыми стеклами, они набрали напитков и жетонов для игры в карты. Через несколько раундов Дюмон изучил характер своего карточного партнера. Он дал ему несколько партий, с удовлетворением наблюдая, как Хелсон радуется растущей стопке жетонов около себя.

Руки Обри с картами тряслись, он часто и помногу пил. Дюмон отметил про себя, что демонами партнера являются спиртное и азартные игры. Капитан вытянул карту и вставил ее в середину тех, что были в его руке.

– Папа, – сказала Ларисса, нежно теребя отца за плечо, – можно я потанцую на свежем воздухе? Я устала сидеть.

Хелсон оторвал глаза от карт и с обожанием посмотрел на дочь. Он сразу показался моложе своих лет.

– Давай спросим у капитана. – Он взглянул на Дюмона, возвращаясь к прежнему выражению лица.

– Ради всего святого, – ласково ответил капитан. – Если ты разрешишь, я посмотрю, как ты танцуешь. В конце концов, не самое плохое в жизни танцевать в плавучем театре.

Голубые глаза Лариссы засветились, и она улыбнулась. «Какой необыкновенно приятный ребенок! – подумал Дюмон. – Эти необычайно белые волосы...»

– Благодарю вас, капитан Дюмон, – сказала девочка вежливо. – Я не буду никому мешать.

С притворным вздохом Дюмон протянул руку:

– Опять выиграли вы! Мой друг! Наверное, этот хорошенький ребенок является воплощением Леди, Приносящей Удачу?

Хелсон кинул взгляд вслед дочери:

– Она была моим счастьем с момента своего рождения!

Дюмон проворно взялся за колоду карт, умело их тасуя.

– Еще партию? – небрежно спросил он.

– О да! – воскликнул Хелсон, сверкая глазами.

На это Дюмон про себя отметил: «Время нанести удар».

Он мешал карты, ведя шутливую беседу, отвлекая Обри от точных манипуляций своими пальцами. Сдавая карты, он пометил их так, что его пальцы чувствовали невидимые сигналы.

Цель игры «Лорды и леди» состояла в наборе как можно большего количества карт с дамами, предпочтительно высокого достоинства. Он взял свои карты и увидел только двух дам, из которых ни одна не была Леди Власти.

Капитан сосредоточился и потер большим пальцем свои карты. В результате этого у Дюмона теперь были Морская Леди, Звездная Леди, Дочь Земли и Дева Огня. Он сбросил

относительно слабую карту, решив ставить на Речного Хозяина. Капитан знал, что у Хелсона имеется только одна Леди Власти – Темная Леди, остальные карты – мелочь. Он подавил улыбку.

Время шло. Хелсон получил карты получше, но все же недостаточные для борьбы с шулерской магией Дюмона. Хелсон становился бледнее и бледнее. Кровь отхлынула с его лица, когда он увидел торжество Дюмона, державшего выигравшие карты.

Дюмон нагнулся над столбиком и забрал жетоны Хелсона. Посмотрев на них, он выгнул брови:

– Здесь меньше, чем вы мне должны!

– Но у меня нет с собою денег, – пролепетал несчастный игрок.

– Вот незадача, – в голосе Дюмона послышались угрожающие нотки. – Тогда вам не следовало садиться играть.

– Мне везло... – промямлил Обри Хелсон.

Улыбка Дюмона напоминала тигриную пасть:

– Похоже, что везение отвернулось от вас. Даю вам некоторое время обдумать, как вы рассчитаетесь со своим долгом. Если вы надумаете, скажите моему другу Драгонеису, что стоит там. – Он махнул рукой в сторону полуэльфа, который поймал взгляд капитана и незаметно кивнул ему в ответ. Затем он снова начал строгать очередную чурочку.

Лезвие ножа блеснуло отраженным светом. Хелсон испугался.

Ночной воздух был чист и прозрачен. Выйдя на палубу, Дюмон обнаружил, что ему нет необходимости искать эфирное создание небес. На палубе было тихо. Большинство народа находилось в театре, некоторые занимались картежной игрой в салоне. Девчушка с белыми волосами была одна на палубе и танцевала, подчиняясь внутреннему ритму. Ее волосы развевались в лунном свете, которому немного мешали отблески желтого фонаря. Маленькая Ларисса Хелсон была воздушна и непредсказуема, как свежий бриз.

Дюмон наблюдал за ней, зачарованный. Через несколько лет мужчины будут платить огромные деньги, чтобы видеть, как танцует этот ребенок. Если Ларисса будет принадлежать труппе «Мадемуазель Мюсарда», слава Дюмону обеспечена. Он задумчиво вошел внутрь.

Ошарашенное выражение сошло с лица Хелсона. Дюмон опустился в кресло неподалеку и терпеливо ждал, когда Хелсон поднимет глаза.

– У вашей дочери талант, – заявил Дюмон без обиняков. – Я хотел бы, чтобы пока она стала рядовой хористкой, но в перспективе ей суждено стать ведущей актрисой всего через несколько лет. Ее можно зачесть как уплату вашего долга. С ней будут хорошо обращаться, и ей ни в чем не будет отказа.

Хелсон изменился в лице, он открывал и закрывал рот.

– Нет, – наконец выдавил он из себя. – Она – единственное, что у меня есть... Нет!

– Вы сдерживаете ее талант, – давил Дюмон. – Разве вы не

видели, как она обрадовалась, когда услышала о моем предложении? Она родилась для сцены. Это видно каждому.

– Нет, – Хелсон решительно затряс головой. – Я найду способ расплатиться с долгом. Будьте милосердны, дайте мне день-два...

Зеленые глаза Дюмона изучали переполненные болью глаза Хелсона.

– Очень хорошо! – сказал он наконец. – Но девочка останется на борту до вашего возвращения, так надежнее.

Хелсон собрался было протестовать, но прежде чем он успел сформулировать свои мысли, появился Драгонейс:

– Ты слышал, друг, что сказал капитан? – сказал он дружелюбным тоном. А теперь тебе пора домой.

В одной руке Драгонейс держал нож и, хотя он не был представлен к горлу, смысл был понятен.

Обри посмотрел на капитана:

– Могу я попрощаться с ней? Дюмон вальяжно развалился в кресле, набивая трубку.

– Нет, я не могу позволить вам этого. Драгонейс проводит вас на берег.

Он дал знак и крепкие руки полуэльфа подхватили Хелсона под локоть, волоча его к выходу. Игрок смотрел на капитана: – Я вернусь завтра. У меня есть кое-что на продажу. Не беспокойтесь, я приду, как только смогу.

– Конечно, – согласился Дюмон. Он щелкнул пальцами и перед удивленным Хелсоном закурил трубку от голубого

огонька на указательном пальце.

– Я вернусь, – повторил Хелсон. – Завтра. Скажите ей.

Дюмон поднялся, вышел на палубу и опять загляделся на танцующую девочку. Полуэльф вернулся и сказал вполголоса:

– О нем позаботятся.

– Отлично, – сказал капитан, попыхивая трубкой.

Драгонейс проследил за взглядом капитана:

– Новая танцовщица, Рауль?

– Что скажешь о подготовке из нее Морской Леди?

– Великолепная идея.

Дюмон не отрываясь смотрел на Лариссу.

– Что ты с ним сделал?

– В Аркандейле полно голодных волков. Я оставил его на опушке леса. К утру от него останется один скелет.

– Умница, Драгонейс, – одобрил Дюмон. – Через полчаса выпускай лису. К рассвету я хочу убраться отсюда.

– Слушаюсь, Рауль. – Драгонейс ушел. Дюмон вышел на палубу.

– Ларисса. – Девочка остановилась и повернулась к нему:

– Да? Капитан.

Дюмон поколебался, затем принял на себя сочувственное выражение и положил руку на плечо девочки:

– Моя дорогая, тебя ожидают плохие вести.

Резкий стук в дверь прервал воспоминания капитана и вернул его из прошлого в настоящее. Он открыл дверь.

Его приветствовал Уилен:

– Я подумал, не разрешите ли вы мне взять ялик для новых поисков мисс Снежной Гривы? Я хорошо знаю топи. Не хочу сказать ничего дурного о других, но они связывают меня.

Дюмон крепче схватил за ручку двери, но его не отпустило видение.

– Опасно одному там? – его голос, по крайней мере, был ровным.

– Не для того, кто вырос там, сэр.

– Правильно. У меня прекрасная идея, Уил. На какое время ты собираешься выйти?

Уилен подумал, прикусив нижнюю губу:

– Я вернусь к утру. Пароход пойдет мне навстречу.

– Хорошо. Увидимся утром. Подожди, Уил...

Юноша повернулся:

– Слушаю, сэр.

На щеке Дюмона дернулся мускул:

– Что означает для тебя понятие «белая грива»?

Выражение лица Уилена не изменилось:

– Ничего, сэр. А должно? Дюмон тряхнул головой, почувствовав неожиданную мышечную боль.

– Нет, нет. Так, чепуха, с которой вылезает Лонд. Отправляйся по делам.

– Слушаюсь, сэр.

Дюмон закрыл дверь и прислонился к ней: каюта поплыла

в его глазах. Он осторожно добрался до кровати. Как только он улегся, в дверь раздался стук.

Дюмон выругался и сказал:

– Войдите.

В каюту ворвался Лонд, тщательно прикрывая за собой дверь. Капитан рассердился. Его предполагаемый союзник вызывал у него растущую антипатию.

– Мальчишка из топей забирает ялик! – закричал Лонд. – Остановите его немедленно!

– Это я разрешил ему. Он знает топи и отправился на поиск Лариссы. А что касается твоей небылицы, Лонд, я не верю в ней ни слову. Уил сказал, что он даже не слышал ничего о белой гриве, а он-то уж должен знать.

Все тело Лонда затряслось от возмущения. Он должен был предпринять усилия, чтобы успокоиться.

– Капитан Дюмон, – сказал он обманчиво шелковистым голосом. – Вы – самый большой глупец, которого мне пришлось встретить, к моему несчастью. Естественно, он будет врать о белой гриве! Естественно, он должен отправиться один вперед, несмотря на опасности. Он один из них и отправляется предупредить Лариссу!

Против воли Дюмон должен был признать, что его доверие к Уилену пошатнулось. Когда мальчик стоял перед ним, ему невозможно было не верить. Но теперь, в его отсутствие, с головой, болящей от похмелья, Дюмон начал сомневаться. Если Лонд прав в отношении магии топей у Лариссы, тогда

колдун прав и в отношении Уилена.

Тем не менее Дюмон считал себя обязанным защищать свою веру в юношу. – Он пока проявил себя вполне лояльно, он популярен среди команды. – Это звучало неубедительно даже для него самого. Неожиданная мысль пришла ему в голову: – Если он шпион, почему он не развалил первую рекогносцировочную экспедицию?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Лонд, прохаживаясь взад-вперед. – Может быть, чтобы заслужить доверие, успокоить вас в ложном чувстве безопасности.

– Преследователей он заметит. – Затем после паузы капитан добавил: – Я знаю, кого можно пустить по его следу.

Лонд удовлетворенно хмыкнул под своим капюшоном.

Глава XVI

Постепенно молодое гибкое тело Лариссы привыкло к движениям магического танца. Это ей начинало даже нравиться. Дикое покачивание и прыжки сильно отличались от старой хореографии, от некоторых па она была даже рада избавиться. На самом деле это напоминало стенографию с ее символами. Большею частью она наслаждалась свободой движений под барабанную дробь.

Дева научила ее складывать небольшой костер, в который Ларисса любила смотреть. Языки пламени были те же танцовщицы, владеющие гипнозом. Молодая женщина полностью погружалась в созерцание.

– Огонь сжигает, – слышался голос Девы, – огонь очищает и разрушает. Из золы идет возрождение, из пламени исходит тепло, спасающее жизнь. Сделай огонь побольше. Танец пламени.

Медленно, не отрываясь взором от огня, Ларисса поднималась и начинала танцевать. Она покачивалась, руки подымались сами собой. Ее пальцы трепетали, подражая язычкам пламени.

Она начала улыбаться. Как легко. Легче, чем вода. Мысли Лариссы уносились вверх. Огонь обжигает...

Девушка чувствовала жар, энергия обжигала ее, тело отвечало, руки двигались в вихре, пальцы трепетали. Огонь

сжигает...

Раздался оглушающий треск и неожиданный всплеск жара. Это вывело Лариссу из состояния транса, в котором она пребывала. Она зачарованно заморгала, увидев, что случилось. Один из старых кипарисов вспыхнул ярким пламенем. Пепел посыпался на Лариссу. Она увидела, что огонь угрожает распространиться на другие деревья. Ужас сковал ее движения.

К счастью, реакция Девы была мгновенной. Она призвала на помощь магию. Громкая волна из бассейна нахлынула на дерево, и огонь в значительной степени был потушен, хотя правая часть кипариса еще горела. Вторая волна покончила с пожаром.

Дева вернулась на берег, закапывая свои корни-ноги в почву. Изпод помертвевшего дерева вырвались комья грязи, которые затушили последние тлеющие угольки.

Некоторое время обе женщины молча взирали на дымящийся почерневший ствол. Ларисса вспомнила, что это было то самое дерево, которое позволило ей путешествовать через него.

Дева печально тряхнула головой. Слова были излишни. Ларисса и сама понимала, что она натворила и почему это произошло.

– Я так огорчена, – прошептала она, не оправившись от кошмара случившегося. Дева обняла Лариссу:

– Я знаю, извлеки урок из случившегося.

Они молча стояли, глядя на мертвое дерево. Несколько дней назад Ларисса вряд ли горевала бы по поводу одного сгоревшего кипариса. Но это дерево она знала, через него она путешествовала, оно доверяло ей и приняло ее. Теперь она осознавала, что этот кипарис хорошо вписывался в окружение, он был домом для многих живых существ. А она, потеряв концентрацию, все разрушила.

– Дитя мое, – сказала Дева, – настало время обеда. Отнесись к огню здраво и приготовь себе зайца, которого тебе поймала добрая Денири.

Испытывая неизбывную вину, Ларисса отвернулась от остатков кипариса. Она довольно неуклюже ободрала кожу с зайца, она никогда не готовила обед. Она насадила зайца на вертел и вскоре почувствовала аппетитный аромат.

– Как приятно пахнет! На двоих хватит? – послышался бодрый голос.

Ларисса вскинула голову и была приятно поражена, увидев Уилена. Он направлялся к ней, а вокруг него были полчища блуждающих огоньков.

– Уилен! – вскричала Ларисса, подбегая к нему. Они неуклюже столкнулись, с удовольствием обнявшись. Блуждающие огоньки замерцали, меняя тональность цвета. – Как я рада тебя видеть!

– Я на это и рассчитывал, – пошутил юноша, так же крепко обнимая ее, как она его. – А блуждающие огоньки помогли тебе?

Ларисса кивнула, счастливая:

– И деревья мне помогали, и Длинноухий...

– Спокойствие! – остановил ее Уилен. – Эту историю надо рассказывать за обедом. Я хочу есть.

– Добро пожаловать, Уилен, – выступила вперед Дева. – Ешь и отдыхай, все будет рассказано за обедом.

Они окружили себя кругом света в темноте, сев за обед. Уилен с удовольствием выслушал рассказ Лариссы о ееключениях в топях и весело смеялся над поведением Длинноухого, признавшего Лариссу.

– Его другом стать нелегко, – сказал Уилен. – Если ты услышишь выражение «осторожен как Длинноухий», то это означает очередной кризис его доверия.

– Вероятно, будет в соответствии с твоими планам, – сказала Дева, – то, что Ларисса согласилась научиться магии танца. Она делает первые успехи.

– У меня прекрасный учитель, – ответила Ларисса комплиментом на комплимент.

– В таком случае... – Уилен помедлил, затем спросил: – Ты знаешь, кто ты? Ты помнишь свою первую поездку в Сурань?

Танцовщица утвердительно кивнула, облизывая слегка обожженные пальцы. Уилен внес элемент напряженности в беседу, причины этого ей были неизвестны:

– Я больше не боюсь топей, если тебя интересует это.

Юноша облегченно вздохнул:

– Ты не представляешь, как мне это приятно слышать, Ларисса.

– А что нового с кораблем? – прервала, молчание Дева.

– Лонд укрепляет свои позиции, – помрачнев, ответил Уилен.

Ларисса поежилась, хотя бы теплый вечер. Уилен подвинулся к ней, полуобняв ее. Ларисса взглянула на него:

– Сколько их?

– Почти вся команда теперь. Не считая Касильды, артисты остались нетронутыми. Но, как я понимаю, здесь возникнут трудности. В помещении, где содержатся пленники, слышна музыка спектакля, в который вплетены волшебные чары. Лонд хитер и понимает, что только живые артисты издают волшебные звуки, а зомби этого не могут.

– А почему Касильда стала... – Ларисса не смогла закончить фразу из-за того, что в горле образовался комок желчи.

– Должно быть, она увидела что-то, что ей нельзя было видеть, – ответил Уилен.

– Вероятно, это так. Я полагаю, что Дюмон убил неудобных ему артистов раньше. Лиза, у которой Касильда была дублершей, была убита, причем убийц найти не удалось. Возможно, она обнаружила рабовладельцев. – Она покачала головой: – Какая грязная история!

– Как пленники? – спросила Дева.

– Держатся.

– А Буки?

– Он подружился с лисьим лоахом. Я думаю, что Буштейл пойдет против своего брата из-за него. Это доведет Длинноухого до припадка, – сказал Уилен.

– Сколько времени ты еще выдержишь? – спросила Дева. Улыбка сошла с лица юноши:

– Не знаю. Я направил их кружными путями, насколько это возможно, не возбуждая подозрения Лонда. Он ведь знаком с топиями. Я пока могу выезжать на том, что знаю глубины и фарватер, но это долго не протянется.

– Он всегда был хитер в своей корысти. Ты протянешь неделю? Или две?

Уилен трезво оценил ситуацию:

– Самое большее несколько дней. Дева простонала:

– Лариссе потребуется больше времени.

– У нас нет этого времени.

Дева отвернулась и прошла к краю опушки. Лариссе была видна ее стройная фигура. Дева стояла неподвижно.

Танцовщица обратилась к Уилену:

– Я рада, что все обошлось. Я боялась, что тебя заподозрят.

– Все идет хорошо. Мне все доверяют. Это очень удобно.

Ларисса была довольна. Вокруг юноши крутились блуждающие огоньки.

– Они тебя любят. Я впервые вижу их после моего появления на острове.

– Как не любить. Я – один из них.

– Ты – блуждающий огонек?

– А ты не знала?

– Откуда?

– Я полагал, что Дева... Ты разве не помнишь, когда ты стала Белой Гривой? – Ларисса кивнула. Уилен положил свою руку на ее. – Я был тем блуждающим огоньком, который не хотел покинуть тебя, когда отец увел тебя, – объяснил он. – Когда Дева спросила, кто добровольно хочет обратиться в человека, я тотчас же согласился. Я стал человеком ради тебя и ради моего народа.

– Так ты не полностью человек? – прошептала Ларисса.

– Не совсем.

Тихая радость Уилена растаяла как лед в тепле. Он почувствовал испуг:

– Я в достаточной мере человек. Посмотри! Мои руки покрываются мозолями, периодически мне нужен сон, еда...

– И ты читаешь мысли прикосновением, – возразила Ларисса, складывая руки на груди. – Что происходит?

– Ларисса! – Глаза Уилена увлажнились. Он неловко поднялся и пошел к Деве.

Ларисса беспомощно посмотрела вслед ему. Не зная, что делать, она занялась огнем. Временами она поглядывала на две фигуры в тени. Они не спеша переговаривались. Она видела, как Дева обняла Уилена, а он положил голову ей на грудь, как ребенок. Ларисса вздохнула и стала готовить себе постель из мха.

Через некоторое время к ней подошла Дева:

– Не сердись на Уилена. Он стал тем, кто он есть, из любви к тебе. Не полностью человек, но он никогда не сможет стать снова блуждающим огоньком. Он вполне естествен, Ларисса. Будь добра к нему. Поговори с ним, прежде чем он вернется на плавучий театр к своим обязанностям.

Она повернулась и растаяла в лесу, потерявшись из виду.

Танцовщица села, когда к ней подошел Уилен. Ее лицо отражало теплоту костра, а волосы – холод лунного света. Не произнеся ни слова, он сел подле нее, глядя на звезды. Затем он повернулся к ней, и она удивилась той боли, которая была видна в его глазах. Они молча смотрели друг на друга, затем Уилен нарушил молчание.

– Настало время истин, – сказал он тихо. – Надо высказаться сейчас, иначе мы будем жалеть, что не высказали правды, когда было можно.

– Ты прав, – мягко сказала она, выдерживая его тон. – Я прошу прощения за сказанное... Это было так неожиданно... Мягко выражаясь. Я в полной растерянности.

Он тряхнул головой:

– Все в порядке. Ты просто напугана. Я понимаю.

– Не все в порядке. Я обидела тебя. С моей стороны это было жестоко.

– Прощено, – отреагировал он.

– Твое превращение, – сказала Ларисса, пытаясь просветить атмосферу. – Кто решал, как ты будешь выглядеть?

– Дева. Она пыталась создать идеального моряка – молодого, сильного, достаточно привлекательного, но не слишком отличающегося от обычного человека, – он улыбнулся. – И вот он я.

– Сколько тебе лет?

– Предполагается, что моему телу около двадцати, но я существовал и раньше – несколько столетий в человеческом летоисчислении. Мы же сами не отсчитываем время. Блуждающие огоньки есть... до тех пор, пока их не станет.

Ларисса заморгала от неожиданности. Вопросы распирали ее:

– Уилен – твое подлинное имя? Он засмеялся:

– Нет, – признался он. – Когда в таверне ты спросила меня об имени, я растерялся. Человеческие обычаи были все еще вновь для меня. Я забыл, что у меня должно быть имя, легко произносимое людьми, и взял первое попавшееся. – Видя ее замешательство, он разъяснил, что это имя происходит от выражения, означающего «быть очарованным блуждающими огоньками».

– А твое настоящее имя? Оно есть у тебя?

– Да, все имеет свое название.

– Какое?

– Не могу сказать.

Его отказ ужалил ее, но она поняла его по-своему:

– Ты не полностью доверяешь мне. Это не удивительно при моей реакции.

– Нет, ты ошибаешься. У моего народа нет словесного языка. Мы общаемся при помощи цвета, силы света и тому подобного. Это непереводаемо.

Внезапно ему пришла в голову мысль:

– Подожди минутку. Я попробую.

Он встал и пошел к лесу.

Немного спустя он вернулся. Его сопровождали четыре или пять блуждающих огоньков.

– Посмотри, они скажут мое имя. Они затанцевали, образовывая круг. Затем они завертелись, закружились в воздухе. Их свет притух, затем разгорелся во всю силу. Их цвет постоянно менялся – алый, фиолетовый, розовый. Сила света также менялась. Их размеры порой увеличивались до величины человеческой головы. Затем все прекратилось, и блуждающие огоньки вернулись к обычному мерцанию.

Лицо Лариссы горело. Ей довелось много видеть за свою короткую жизнь благодаря постоянным путешествиям, но она не видела ничего подобного красивому имени Уилена.

Он сидел около нее. Его возбуждение передалось ей:

– Я никогда не видел этого глазами человека. Впечатляющее зрелище, не правда ли? Тебе понравилось?

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, переживая увиденное. При свете костра он неправильно истолковал ее реакцию и расстроился. Она вскрикнула, протестуя. Зная, что он прочтет ее мысли, она схватила его за руку.

Он засветился от радости:

– Тебе понравилось?

Смех Лариссы прервался. Она почти рыдала:

– Уилен... мне очень понравилось. Он схватил ее руку и до боли сжал ее, но Ларисса не отвела ее. Она зачарованно глядела на него.

Уилен облизнул губы.

– Ларисса... Я... – Теперь настал его черед подбирать слова. – Я не вполне понимаю людей. Я не совсем уверенно чувствую себя.

Ларисса прекрасно понимала его чувства, потому что испытывала нечто подобное. Она вспомнила свое чувство слияния с огнем, что окончилось катастрофически. Ее эмоции выросли до такой же степени. Ее жаркие руки сплелись с его.

– Ларисса, – прошептал он со слезами на глазах. – Ты так прекрасна!

– А ты великолепен, – едва смогла произнести она. Дрожащей рукой она коснулась его лица. – Твоя внешность, твое имя, твое видение мира, твоя душа... – Внезапно все поплыло перед ее глазами, которые наполнились слезами. – О Уилен, я плачу, я плачу.

Он привлек ее к себе, желая утешить. Но Ларисса не желала утешения. Она искала его уста, и их восьмилетняя разлука обратилась в упоительную страсть. Уилен сначала был поражен, но скоро его человеческое тело послушалось зова сердца, и он ответил на ее поцелуй.

Капитан Дюмон сидел в своей каюте, пытаясь унять дрожь в руках. Мертвые глаза присутствовавшего зомби не выражали ни осуждения, ни одобрения.

Дюмон осознавал, что гнилостное общество Драгонейса ему требовалось из-за его погружения в состояние отчаяния. Мертвый штурман сидел в кресле напротив, бессловесно уставившись в своего шефа и выслушивая речевые потоки, изливавшиеся из капитана, как кровь из раны.

– Все шло так хорошо, – сетовал Дюмон. – Да, хорошо! Ты ведь помнишь? – он наклонился как бы в поддержку своих слов. – У меня было все, – Дюмон загибал пальцы, – деньги, известность, влияние. У меня была чудесная коллекция. А Ларисса! Прекрасное дитя! И тут я двинул мою «Мадемуазель» в эту вонючую лужу... – Дюмон прекратил борьбу с вызванным алкоголем дрожанием рук. – И я потерял мою команду... И Лариссу... Чего бы я ни отдал, чтобы выбраться из этой дыры!? Скажи что-нибудь, онемевший подонок!

Драгонейс сидел, уставившись в одну точку. Дюмон выругался, швырнув пустой бокал в зомби. Ударившись о голову Драгонейса, бокал упал на пол и закружился. Первый помощник никак не реагировал.

Дюмон отпил виски прямо из бутылки и вытер губы рукавом.

– Мой друг! – сказал капитан. – Как это случилось, что я допустил тебя до такого состояния?

Он импульсивно дотронулся до руки зомби. Его крепкие руки натолкнулись на белые гниlostные холодные руки мертвеца.

Послышался неуверенный стук в дверь. Дюмон заморгал, пытаясь взять себя в руки. Он глубоко вздохнул, пока Драгонейс открывал дверь.

– Капитан? – послышался голос Елузы. Дюмон неопределенно посмотрел на сову. Ее круглое лицо не выражало обычной угрюмости. Она улыбалась.

– Донос? – спросил капитан. Елуза протянула закованные в кандалы руки.

– Сначала, – сказала она, торжествуя, –ними с меня все это, как обещал. – У меня есть информация, которая представит интерес для тебя.

Глава XVII

Уилен приподнялся на локте и посмотрел на Лариссу, спавшую подле него. После ночи любви ее волосы были спутаны и выглядели как ореол вокруг ее головы. Она дышала ровно, ее губы были полуоткрыты.

Уилен ласково убрал завиток волос с ее щеки и легко поцеловал ее. Больше всего на свете он хотел остаться здесь с Лариссой, засыпая, прижавшись к ее человеческому телу, которое он сумел оценить, но это было невозможно. Ему предстоял далекий путь возврата на «Мадемуазель».

Тихо, как только мог, он стал одеваться. Затем, взглянув в последний раз на нее, он пошел к ялику, начав свой обратный путь.

Казалось, ночь из уважения к его чувствам простерла свои могучие длани, охраняя его покой. Топи выглядели безвредными и неопасными. Умиротворенный Уилен думал, что ничего злого в такую ночь не может случиться. Ему хотелось прыгать от счастья. Ларисса любит его, она отдалась ему, его счастье стало реальностью.

Он все еще улыбался, взбираясь на борт «Мадемуазель». Улыбка стерлась с его лица, когда он натолкнулся на взгляд Драгонеиса.

– Хозяин желает видеть тебя, – без выражения проговорил полуэльф.

– Капитан? В чем дело? Я уходил с его разрешения.

– Не Дюмон. Хозяин. Лонд.

На какую-то секунду Уилен одеревенел и даже перестал дышать. Затем быстро полез обратно через поручни. Драгоценейс нанес ему удар, сваливший его на палубу, и издал вопль, от которого Уилен сморщился как от боли. Появилось еще четыре зомби, двигаясь быстро и целенаправленно.

Уилен сопротивлялся каждому шагу, пока его тащили к каюте Лонда и впихивали в нее. Он больно ударился щекой о палубу. Он уловил ужасный запах, такой, что его чуть не вырвало. Он совладал со своим дыханием, сел и поднял глаза.

Каюта Лонда была кошмарной. Мрачный желтоватый свет, происходящий ниоткуда, освещал страшные экспонаты. Выпотрошенные трупы животных – от птиц и кошек до гниющей головы тельца – были разбросаны повсюду. Над гнилой плотью кружились большие мухи. Вдоль стены стоял ряд крошечных пузырьков. Все они были тщательно заткнуты и имели ярлыки с надписями. Бутылочки были самых разных цветов. Перья, кости, обрывки ткани и кожи, ножи и булавки завершали набор вещей. Все напоминало о страхе боли и смерти.

Лонд сидел в кресле, полностью сделанном из человеческих костей. Он небрежно развалился в этом кресле, чувствуя себя комфортабельно в царстве тления. Из-под капюшона мрачно поблескивали глаза.

– А, Уил, наконец-то пожаловал, – сухо сказал он. – Ты

умень, но не все предусмотрел. Здесь кое-кто хотел бы тебя видеть. Драгонейс... – Он указал на дверь. Зомби послушно вышел.

Лонд наклонился, фыркая на Уилена. Блуждающий огонек отступил на шаг назад. Он не думал о побеге: по крайней мере на некоторое время, он был в западне.

– Ты источаешь аромат топей, – съязвил Лонд.

– Не удивительно. Я всю ночь провел там в поисках...

– Заткнись! – холодно сказал Лонд тоном, не допускающим возражений. – На тебе ее аромат. Я имею в виду не маленькую танцовщицу, хотя на тебе следы ее чар.

Возмущенный Уилен, забыв о сдержанности, двинулся на бокору и натолкнулся на невидимую стену. Он больно ударился о нее и тяжело упал на пол. Боль разошлась по всему его телу. Он свернулся в клубок.

– К своему позору, ты должен умереть. Тебя забавно будет помучить. Однако есть другие методы извлечь информацию из тебя.

Вошли Драгонейс и Дюмон. Капитан был выпившим, но относительно трезвым. Его лицо выражало страдание от предательства.

– Я доверял тебе, Уил, – сказал он с угрозой в голосе. – Когда Лонд захотел поставить тебя под наблюдение, я думал, что это лишь докажет справедливость моего доверия к тебе. Ты понравился Лариссе, Драгонеису. На борту у тебя не было врагов. Капитан хотел видеть тебя ловким и опытным.

Он покачал головой, и Уилен со странным чувством раскаяния увидел, что Дюмон переживает искренне.

– Будь ты проклят до дна моря Печали, Уил. Я ненавижу тебя... Елуза! – позвал он, и сова появилась в каюте.

Несколько мгновений Уилен ничего не понимал, затем догадка поразила его:

– Ты выдала меня? – застонал он от предательства.

Глаза совы забегали, она чувствовала себя неудобно.

– Я тебе верил, Елуза, – сказал Уилен. – Ты понимаешь, что ты наделала?

Елуза взглянула своими круглыми жесткими глазами:

– Я готова сделать что угодно, чтобы покончить с рабством. Буду шпионить, лишь бы освободиться.

Уилен огорченно покачал головой:

– В скором времени ты обрела бы свободу. А Дюмон тебя не отпустит. Ее взгляд заострился:

– Тут ты не прав. Он согласился освободить меня сегодня вечером. Не правда ли, капитан? – Она обернулась к Дюмону, ища подтверждения. Капитан молчал, улыбка растаяла на лице совы: – Капитан?

Дюмон вздохнул и потер свои покрасневшие глаза:

– Я давно сжег твое перо, малютка. Карие глаза Елузы едва не выскочили из орбит от ужаса. Сожжение драгоценного пера означало, что Елуза должна будет вечно возвращаться на то место, где оно было сожжено. Примолкнув на момент, она издала крик ужаса и бросилась на капитана. Зре-

лице этого неравного боя было бы смешным, если бы повод для него не был столь печальным.

Дюмон схватил ее за передние конечности:

– Лонд, скажите этим бессловесным тварям, чтобы они заставили ее замолчать.

Драгонейс зажал ей рот рукой. Она отчаянно боролась, но была бессильна против мертвой хватки зомби, зажимавшего ей нос. Ее взгляд стал испуганным, когда она поняла, что не может дышать.

– Она задыхается, – крикнул Уилен. – Дюмон, она...

Дюмон видел это:

– Черт побери, Лонд, разве нельзя... Послышался жуткий хруст – это Драгонейс переломил ей шею. Ее сопротивление было сломлено. Уилен вздрогнул от сочувственной боли.

– Оставь ее здесь, – сказал Лонд. – Мне интересно будет сделать из нее зомби, которых я пока делал только из людей.

Драгонейс бросил тело. Дюмон был шокирован, но не хотел показать этого. Он посмотрел на труп совы.

– Лонд, вы гнилой хладнокровный сукин сын, – сказал он почти светским тоном.

Покрытый капюшоном Лонд смеялся:

– Спасибо за комплимент. – Он вновь обратил свое внимание на своего живого пленника: – Видишь ли, Уил. Вчерашний день мы за тобой наблюдали. Мы знаем, что произошло и кто ты. К сожалению, у нас мало времени. Так что добро пожаловать в мою армию. – Он встал и насыпал немного

порошку из черного пузырька на руку в перчатке.

Глаза Уилена наполнились ужасом:

– Нет! – закричал он, побежав к двери. Лонд сделал быстрое зигзагообразное движение свободной рукой, и Уилен споткнулся, как будто о протянутую веревку. Драгонейс поймал его за волосы и поднес его лицо к Лонду.

Колдун подул на порошок в лицо Уилену. Блуждающий огонек отчаянно закашлялся, пытаясь освободить свои легкие, слезы заполнили его глаза. Сероватый порошок заполнил его легкие, он перегнулся, царапая свое лицо.

Разум юноши заполнили образы, которые благодаря своей интенсивности ощущались как болезненные. Он с болью ощущал давление воздуха на свое лицо. Деревянный пол, казалось, наносил ему удары. Краски смешались в его сознании, которое поблекло, затем все почернело. Холодное бесчувствие сковало его члены. Он осознал, что его дыхание прекратилось.

Вдруг бесчувственность исчезла. Уилен набрал воздуха в легкие, как новорожденный. Приложив некоторое усилие, он открыл глаза и ощутил свое тело. Дыхание восстановилось. Блуждающий огонек очистил глаза от слез и спокойно посмотрел на Лонда.

Колдун застыл от шока. Он хрипло прошептал:

– Нет, нет, это невозможно. – Лонд выругался и в замешательстве ударил Уилена в лицо.

Однако скоро шаман овладел собой. Он сел в свое кош-

марное кресло, сжимая и разжимая руки. Затем вдруг рас- смеялся:

– Драгонейс, сходи за зайцем. Уилен похолодел. Немного погода Драгонейс вернулся с протестующим Буки, которого он тащил за шиворот.

– О Уилен! Тебя тоже схватили? – печально сказал Буки.

– А, так ты его знаешь? – спросил Лонд у Буки.

Заяц посмотрел на него и издал возглас отчаяния. Он за- дрожал от страха, прижимая к себе уши.

– Да, я знаю его, – сказал Буки, все еще дрожа. – И я знаю также тебя, Алондрин-предатель!

– Драгонейс, – приказал Лонд хладнокровно, – привяжи руку Уилена к лапе Буки.

Пока зомби привязывал, Уилен прикрыл глаза, предпола- гая, что должно произойти.

– Ты знаешь, что случится с тобой, Алондрин, если ты причинишь боль лоаху? – спросил он, когда Драгонейс обмо- тывал тряпкой его запястье. – Не от Девы, а от земли лоаха...

– Не запугивай меня: я не новичок, – откликнулся Лонд. – Господин всех зомби должен будет сначала еще найти меня.

Драгонейс завязал узел и выпрямился, ожидая новых ука- заний. Было видно, однако, что Лонд не хотел делить свое- го удовольствия ни с кем. Он взял красную свечу, горевшую на черепе, и склонился над испуганным зайцем. От близости к Буки способность сопереживания у Уилена удесятерилась. Блуждающий огонек наполнился страхом зайца и сжал зу-

бы, чтобы ничем не выдать своих эмоций. Чувствуя на себе взгляд Лонда, Уилен смотрел на пол перед собой.

– Ты не очень-то любишь огонь. Буки? – ворковал Лонд.

В этот момент Буки вжимался в стену, одним боком прижимаясь к Уилену.

– Н-нет... – ответил он.

Уилен заставлял себя думать успокоительно, но это не могло побороть страха зайца.

– В таком случае тебе понравится это!

Без предупреждения пламя свечи вспыхнуло, захватив вместо одного дюйма целый фут. Пламя коснулось лица Буки и тот закричал от боли и страха. Запах паленого мяса перемешался со зловонием каюты. У несчастного существа обгорела половина лица. Был поврежден глаз Буки. Из него текла густая темная жидкость.

Из уст Уилена раздался крик: это его глаз повредили, его челюсти обгорели до черноты. Он был напуган, ощущал ужас...

Оба живых существа из топей дрожали и скулили. По лицу Уилена струились слезы.

* * *

Ларисса пробудилась от своего сладкого сна под звуки напряженного спора на высоких тонах.

– Что? – произнесла она, но тут же почувствовала, что на

ней совсем нет одежды. Вспыхнув, она натянула на себя платье и, окончательно проснувшись, поняла, что слышит разговор Длинноухого и Девы. Они были за пределами поляны у быстротекущей реки. Дева запустила корни в сырую почву, а лоах стоял на задних лапах, жестикулируя передними. Приглаживая рукой волосы, Ларисса направилась к ним.

Длинноухий сначала замолчал при ее приближении, затем взорвался:

– Это ты во всем виновата! Благодаря тебе он стал таким беззаботным. Теперь никто не знает, что случится с ним и с моим кузенком.

– Длинноухий! – упрекнула его Дева необыкновенно холодным голосом. – Она не виновата. Уилен сделал выбор и очень рассердился бы, если бы услышал тебя сейчас.

Кровь отхлынула от лица Лариссы:

– Что случилось с Уиленом? Дева подошла к Лариссе, усадила ее на землю и успокаивающе поцеловала ее в щеку:

– Его раскрыли. Длинноухий видел, как его схватили.

Серые губы Лариссы пошевелились, она глубоко вздохнула и затем сказала неестественно спокойным голосом:

– В таком случае мы атакуем «Мадемуазель».

Дева кивнула:

– Я согласна. Если они обнаружат, кто он такой, его станут пытаться самым изуверским способом. Как бы ни был он мужественен, он не выдержит этого, и они скоро узнают наши планы. Я надеялась обучить тебя побольше, но...

Дева встала и подала руку Лариссе:

– Идем, надо торопиться.

– На корабль?

– Нет, пока нет. Мы должны испросить разрешения на нападение на Дюмона.

– Разрешение? Я думала, что здесь правит Дева. Разве вы не Дева Топей? Дева печально улыбнулась:

– Это верно, но мое влияние невелико. Есть подлинный господин Сурани. Он позволил Дюмону пройти через его владения, он же должен дать разрешение атаковать его гостя. Если мы нападём без его согласия, то он нападет на нас. А если он нападет на нас, – добавила она просто, – мы пропадем. С Мисроем я веду тонкую линию, не вызывая его гнева. Именно поэтому я не хотела втягиваться в акцию спасения, как хотел Уилен. Я надеялась, что он в состоянии сам спасти наш народ.

Ларисса вспомнила первоначальные колебания Девы. Она согласилась ее учить только после согласия ее на руководящую роль в операции.

– Но, – продолжила Дева, – в этой битве Мисрой и я впервые будем на одной стороне.

Ларисса непонимающе заморгала:

– Что?

Дева сочувственно усмехнулась ее растерянности.

– Поторопись с купанием, дорогая. Рано или поздно ты все поймешь. – Ее улыбка сменилась озабоченностью: – На-

деюсь, что раньше, чем будет поздно.

Ларисса, искупавшись, послушно оделась. Она расчесала волосы и начала вплетать в них ленту.

– Нет, – Дева положила легкую как пух руку на плечо Лариссы. – Что я говорила? Твои волосы составляют одно целое с твоим танцем. Не связывай их.

– Мне придется прибегать к магии? – встревоженно спросила Ларисса.

– Может быть, – мрачно сказала Дева.

Дева привела Лариссу к небольшой лодке, выдолбленной в стволе кипариса. Лодка низко сидела в воде. Дева положила руки на лодку, и Ларисса увидела, что в этот момент они стали ветвями. Дева вздохнула, и руки вернулись в прежнее состояние. Она выглядела усталой. Зеленый цвет ее кожи был светлее обычного.

– Пирогоа сама пойдет куда нужно. Она приведет тебя к Антону Мисрою и обратно сюда.

– Дева, а разве ты не поедешь со мною?

– Я не могу покинуть этот остров. Это – единственное место, где прорастают мои корни. Всякая прочая земля вредна для меня. Это одно из ограничений моего влияния. Что касается Мисроя, то некоторые зовут его Господином Мертвецов. Он – господин всех зомби. Все, что я могу сказать о нем, это то, что он опасен, темпераментен и чрезвычайно умен. Независимо от твоих представлений о нем, ты будешь удивлена. Недооценка его опасна. Не сражайся с ним. Он выигры-

вает все биты, которые он начинает. Дитя... – Дева пристально посмотрела на Лариссу: – Ты вступаешь на путь опасностей. Еще не поздно отказаться. Твой выбор добровольен.

Ларисса облизнула сухие губы и решительно сжала их:

– Я люблю Уилена, а он в неволе. Я не могу поступить иначе.

Дева изучающе посмотрела в голубые глаза Лариссы:

– Ступай, дитя. И помни, кем бы ни был Антон Мисрой, ты – Белая Грива. Пусть сознание этого придаст тебе смелости.

Она отступила назад, и Ларисса вступила в пирогу. Она была устойчива. Дева толкнула лодку по реке, и та заскользила по зеленой воде.

Ларисса заставила себя расслабиться. Пирога двигалась так, как будто ею управлял умелый гребец. Некоторое время они шли по реке, затем лодка вошла в правую протоку, заросший кипарисами рукав реки. Вдали слышалось гудение насекомых. Единственным другим звуком были всплески от движения пироги.

Ларисса пыталась «укорениться» в обстоятельства, как ее учила Дева. Ее пугала мысль о встрече с Господином Мертвецов. До сих пор у нее был опыт общения с зомби на борту «Мадемуазель», для нее не было ясности относительно их подлинной ужасной сущности, а теперь ей предстояло договариваться с их Господином.

Поднимался ветер, стало холоднее. Болотистый запах

крепчал. Начался дождь, который становился все сильнее.

– А я не взяла даже капюшона, – сказала Ларисса сама себе. Безуспешно она пыталась спрятаться от дождя. Дождь бурно хлестал по поверхности воды.

В поисках, чем бы укрыться от дождя, Ларисса посмотрела на берег и вздрогнула. Четыре скелета в истлевших одеждах застыли в разных позах, придавленные деревьями. Ларисса различила одно дерево со зловещим «лицом». Тусклые огни горели в глазницах и отверстиях, которое изображало рот. Под ее взглядом дерево пригнулось до травы.

Скелеты освободились и пропали за другими деревьями. Жалость сменилась страхом. Она знала, что они пошли докладывать своему хозяину, Господину Мертвецов.

Буря нарастала, но пирога двигалась вперед. Наконец она уткнулась в берег и остановилась. Почти ничего не видя из-за дождя, Ларисса вышла из лодки. Ее ноги по щиколотку погрузились в скользкую грязь. Она вытащила пирогу на берег, борясь за каждый шаг на земле. Ее руки болели, когда она завершила вытаскивание лодки из реки.

Она выпрямилась, закрывал глаза от лившегося дождя. Никаких признаков жилья вокруг.

– Просто чудесно, – взорвалась сердито Ларисса. – Что теперь?

Резкое ржание было ответом, и Ларисса насторожилась. Как из-за декораций тумана и мха появился экипаж. Лошади были необычны. Они странно передвигались без при-

сущей коням грации. Они приблизились, и Ларисса увидела, что они были мертвы. Об этом же говорил исходящий от них запах. Их тела сохраняли частично гниющую плоть, которая местами была перетерта упряжью.

При приближении экипажа Ларисса увидела, что и кучер был мертвецом, чудовищно разложившимся. Ларисса застыла от страха.

Этот экипаж напугал ее больше чем что-либо. Ее доконали останки лошадей, что оказалось страшнее, чем схватка с туманом, встреча с порождением топей, преобразование Касильды. На все это она натолкнулась волей обстоятельств. Экипаж с мертвыми конями она встретила, добровольно встав на этот путь: она искала встречи с Господином всех зомби.

Она заставила свои налившиеся свинцом ноги сделать шаг вперед, затем другой шаг. С каждым шагом она обретала уверенность. Кучер-зомби медленно слез с облучка и открыл дверь кареты. Танцовщица, поколебавшись несколько мгновений, тряхнула волосами и вошла внутрь.

Глава XVIII

Кучер занял свое место и тронул коней вперед. Ларисса, как могла, стряхнула дождевую воду с лица. Усаживаясь на коричневые бархатные подушки, Ларисса заметила аккуратно сложенную черную накидку на сидении около себя. Слабая улыбка тронула ее губы – кем бы ни был Антон Мисрой, это было жестом внимания. Ощущая благодарность, Ларисса тщательно вытерлась мягкой шерстяной тканью.

Сама карета была хорошо сделана и выглядела крепкой, хотя и давно не чищенной, с грубыми швами на подушках и сучками в деревянных деталях. Танцовщица завернулась в накидку, дрожа от холода. Окна кареты запотели от сырости. Ларисса вытерла их так, что можно было посмотреть наружу.

Она чувствовала покачивание экипажа и увидела, что они едут по мощеной дороге с топами по обе стороны. Внезапно карета встала.

Ларисса увидела решетку из гнutoго железа и несколько зомби. Она сидела в накидке Мисроя и наблюдала, как зомби открывают ворота. Один из них повернулся к Лариссе, и она увидела, что его глаза сгнили.

За воротами дикость сменилась ухоженностью. Это была плантация, похожая на те, что окружают Порт-д-Элур. На полях трудились рабочие, однообразность их движений выдавала их сущность. Ларисса прикрыла глаза, запасаясь тер-

пением.

Некоторое время она сидела в глубине кареты, желая избежать неприятных зрелищ. В конце концов экипаж постепенно остановился. Кучер показался в окошке, затем открыл дверь.

Она вышла и увидела плантацию с особняком, покрытым воздушным мхом, как деревья в топях. Сам дом был поднят над уровнем земли. Он стоял на сваях, что предохраняло его от болотной сырости. На плохо подстриженной траве разгуливали мокрые насквозь павлины. Картина напоминала пародию на настоящую плантацию.

С поднятым капюшоном Ларисса ступила на каменную дорожку, и ее босые ноги почувствовали острые камни. Танцовщица осторожно прошла к дому, поднялась по скрипучим ступеням, подняла медный молоток и решительно стукнула в дверь.

Несколько мучительных мгновений не было никакого ответа, затем дверь заскрипела и отворилась. Ларисса с сильно бьющимся сердцем вошла внутрь.

Лучше других сохранившийся зомби бесстрастно посмотрел на нее. Его одежда свидетельствовала о высоком положении. От него исходила ужасная вонь.

– Я... – сказала Ларисса ломающимся голосом. – Я пришла, чтобы встретиться с Господином.

– Входите, – с трудом произнес зомби и шире открыл дверь.

Она вошла в обширный вестибюль. Когда-то прекрасный ковер закрывал пол. Ковер был сильно подпорчен подтеками. На второй этаж вела пыльная лестница. Большая часть света исходила от блестящего канделябра. По одну сторону стояло поблекшее зеркало.

Слуга-зомби указал ей на левую комнату и выжидательно протянул руки. Ларисса не сразу поняла, что он хочет принять ее верхнюю одежду. Она сдала ему накидку. Он поклонился и оставил ее одну.

Ларисса прошла в гостиную. Два небольших низеньких столика стояли перед уютно выглядевшими диванами. Значительное место стены занимал камин, по обе стороны которого стояли накрытые бархатом кресла. Каминная полка была сделана из темного дерева, на ней стоял подсвечник с зажженными свечами, а также нечто похожее на гравюру.

Занавеси были раздвинуты. В комнате из-за непогоды, несмотря на зажженные свечи, было мрачновато.

В камине трещал огонь, обрадовавший замерзшую Лариссу. Она встала перед огнем на колени и протянула к нему руки. Она заметила, что в раскаленные угли была воткнута кочерга.

За окнами разыгрывалась буря, и Ларисса по-прежнему дрожала от холода. Однако благодаря огню ее мокрая одежда высыхала, и она согревалась. Она вновь внимательно огляделась и заметила, что обои в гостиной покрыты тщательно выполненными рисунками. Движимая любопытством, она взя-

ла один из подсвечников и подошла к стенке.

Она увидела вальсирующие пары, рыцарей в доспехах...

Внезапно сверкнула молния, и при ее свете Ларисса разглядела, что все изображенные на рисунках были трупами в различных стадиях разложения. Она подавила восклицание, ее рука, державшая свечу, дрожала, заставляя изображение плясать. Раздался гром, как бы издеваясь над ее эмоциями. Она поставила свечу на место и еще раз взглянула на гравюру.

На ней была изображена сидящая женщина, вырезанная исключительно тонко на кости. Сзади нее горела свеча неверным пламенем. Отвлекаясь от ужасов на стене, Ларисса всматривалась в изображение молодой женщины. Она прочитала слова на раскрытом листе перед женщиной:

«Помогите мне».

Ларисса заморгала, раздумывая, не является ли это обманом пляшущего света. Слова изменились:

«Освободите меня».

Холодный ужас сковал Лариссу, ее глаза перебежали от написанного к лицу женщины. У Лариссы перехватило дыхание: женщина теперь смотрела не на лист, а на нее. Слезы струились по ее щекам.

Ларисса обхватила себя руками и задрожала. Ее охватила жалость к жертве неволи на гравюре. Но страх поглотил другие чувства. А не найдется ли здесь чистой пластинки из кости в этом доме кошмаров?

С улицы Лариссе показалось, что раздаётся ржание испуганной лошади. Она снова вспомнила, как Уилен говорил о предрассудках суранян: «Смерть скачет в дождь». Она начала понимать это. Ларисса встала к огню спиной, согреваясь.

Белая Грива слышала, как открылась входная дверь. Снова сверкнула молния, и при ее свете Ларисса увидела изящную фигуру мужчины. Он вошел в гостиную, небрежно бросив накидку подоспевшему слуге. Он прошел поближе к ней, приблизившись к огню очага.

Дева была права. Перед Лариссой стоял необычайно привлекательный человек лет 35. Его волосы цвета вороньего крыла были мокры от дождя. Сильный, но с тонкими чертами, он излучал возбуждение. Начиная от сапог, закрывавших ноги до бедер, и кончая золотыми пуговицами жилета, Мисрой был утонченным аристократом. Это впечатление лишь подтверждали такие детали, как забрызганные грязью сапоги и порванная льняная рубашка. Полные губы растянулись в улыбку, когда он взглянул на свою гостью.

– Мне не доложили, что вы так очаровательны, – сказал он, садясь в одно из бархатных кресел у огня. Его голос соответствовал внешности: приятный, мужественный, энергичный. – Хотя где там мертвецам подмечать такие тонкости. Я с этим уже сталкивался.

Мисрой перекинул одну ногу через подлокотник кресла, не обращая внимания на то, что кресло пачкалось капающей

глиной.

– Вина! – крикнул он нетерпеливо, развязывая длинными пальцами платок на шее, которым он вытер лицо, бросив его затем на пол. Затем он расстегнул две пуговицы своей рубашки.

Ларисса по-прежнему стояла, разглядывая хозяина Сурани. Он приподнял бровь:

– Садитесь. Не пугайтесь. Вы думаете, я поджарю вас на обед сразу по прибытии?

– Нет, конечно... – Ларисса обрела дар речи. – Но вы не... Вы так...

– Что я, живой? Да, в высшей степени.

Приблизился зомби-слуга с вином на серебряном подносе. Мисрой взял вино, подошел к огню и взял кочергу, лежавшую в центре углей.

Ларисса напряглась, готовая к борьбе, если он пойдет на нее с этой маленькой раскаленной кочергой. Он заметил ее реакцию и рассмеялся.

– Дорогая мисс Снежная Грива, при желании напасть на вас я взял бы что-нибудь посущественнее, чем эта кочерга. Вы еще не сели. Садитесь.

Это была уже не просьба, и Ларисса повиновалась. Мисрой посмотрел на раскаленный конец кочерги и сунул ее в кувшин с вином, которое зашипело, согреваясь. Он вернул кочергу на место и пригубил вино. Удовлетворенно кивнув, он направился к Лариссе.

– Пожалуйста. Горячее вино со специями. Мое любимое. Нет ничего лучше после верховой езды по дождю.

Ларисса с сомнением посмотрела в его пронзительные глаза. Он нахмурился.

– Пейте, – приказал он. Она отпила глоток. Вино было горячее и сдобрено лимоном и пряностями. Она сделала второй глоток и вернула кувшин господину всех зомби, чувствуя как тепло разливается по всему телу.

Мисрой был удовлетворен.

– Теперь вы должны чувствовать себя хорошо в этом Доме Печали.

Он молча приподнял бокал, приветствуя ее. В ходе беседы он не забывал попить вино.

– Итак, если меня правильно информировали, вас зовут мисс Снежная Грива и вы – танцовщица этого прекрасного плавучего театра, который в настоящее время идет через мои топи. Ваше нежное сердце озабочено положением рабов Дюмона. Вы подучились у этой назойливой самозванки из мха – Девы Топей. Вы хотите спасти этих рабов. Дева довольно разумно отказалась вам помогать без согласования со мной. Под давлением опасений она послала вас ко мне. Скажите, мисс Снежная Грива, – спросил он, вглядываясь в рубиновое вино, – вы, действительно рассчитываете выйти отсюда живой?

Небрежный тон вопроса звучал страшнее, чем произносимые слова. Навейное вином тепло покинуло Лариссу, у

нее пересохло в горле.

– Это несущественно, – сказала она чуть подрагивающим голосом. – Я предпочту умереть, если я не получу разрешения напасть на «Мадемуазель».

– Смерть – не единственная альтернатива, – сказал Господин всех зомби. Ларисса проигнорировала его колкость.

– Мне нужно ваше разрешение на борьбу с Дюмоном, – повторила она. – Он вор, крадущий то, что не принадлежит ему. Он наживается на труде невинных жертв. Я не прошу помощи, а только разрешения.

Мисрой оставался бесстрастным. Танцовщице из ее западни он напоминал выжидающего стервятника.

– Разве вы не понимаете? – взорвалась она. – Он отлавливает живые существа в Сурани. В вашей стране, без вашего позволения или консультации с вами.

Мисрой казался незатронутым ее гневом. Он отпил еще немного вина, которое начало охлаждаться. Он встал, чтобы взять кочергу.

– Господин Мисрой... Он притворно обиделся:

– Антон для тебя, моя дорогая.

– Антон... Разреши атаковать «Мадемуазель».

Мисрой взял кочергу и подогрел вино:

– Я еще не принял решения по этому вопросу.

Быстро, как бросок змеи, он швырнул вино на пол, а кочергой сделал рывок в голову Лариссы. Ей удалось отпрыгнуть. Используя то, чему ее научила Дева, она сделала жест

левой рукой и движение правой ногой. Кочерга повернулась в руке Мисроя, как живая, затем успокоилась. Хозяин зомби смотрел на длину плети, появившейся в его руке.

Ларисса согнулась, готовясь к новому прыжку. Ее глаза следили за действиями Мисроя.

Господин Сурани перевел взгляд с плети на Лариссу. Он был удивлен.

– Очень хорошо! – пробормотал он. – Ты лучше, чем я думал. Это забавно. Садись, Ларисса, если я могу тебя так называть. Больше не бойся. Я подверг испытанию твой темперамент, а ты нанесла урон моему! – Он бросил плеть в огонь. – У тебя должно быть много вопросов ко мне. Спрашивай.

Ларисса облизнула губы, осторожно садясь:

– Дева говорит, что ты – господин Сурани.

– Совершенно верно. Она и все на ней принадлежит мне. – Он взглянул на нее. – Это включает и тебя, моя дорогая, если это тебе интересно.

Ларисса начала оправляться от первоначального страха. Ее раздражала заносчивость Мисроя, из всех эмоций она поставила эту в центр:

– Зная, что Дюмон крадет у вас живые существа, ты не останавливаешь его. Почему?

Мисрой пожал плечами:

– Он достаточно умен, заманивая их в ловушки, – тем больше силы ему: ум и алчность не грехи в моих глазах, Ла-

рисса.

– Да, но он не имеет права...

– Если он может, это дает ему право. Выживают сильные и умные. Если животные – или другие – попадают по своей глупости, туда им и дорога. Обуздывание их магии – еще не самое худшее, что выпадает на их долю. – Он улыбнулся холодно и жестоко. – Пленники моего дома молятся о благополучии.

Страх Лариссы улетучился. Остался холодный расчет.

– Я пленница?

Мисрой широко улыбнулся:

– Все мы пленники в большей или меньшей степени. У некоторых только клетки получше, вот и все. Нет, устремления Дюмона мне не помеха, – он помедлил, – другое дело Алондрин.

– Это потому, что он, как и ты, делает зомби? – сказав это, Ларисса подумала, что она допустила нарушение этикета, однако Мисрой не обиделся.

– Едва ли проблема в этом. Я могу управлять зомби мысленно в любом уголке страны. Нет, Алондрин хочет покинуть мои пределы, а я не хочу этого.

Он направил свой пронизательный взгляд на Лариссу, улыбка пропала с его лица, как будто ее там и не было.

– Вот в чем проблема. Он думает использовать плавучий театр, чтобы исчезнуть с острова.

– Но... Дева говорит, что никто не может уехать без твоего

согласия.

Не лишенное приятности лицо Мисроя стало холодным, в синих глазах появились отблески беззвучного бешенства. Ларисса отодвинулась.

– Так было всегда, но Алондрин разложил карты в свою пользу. – Сверкая глазами, Мисрой начал считать на пальцах: – Во-первых, он путешествует по воде, что увеличивает его колдовство. Во-вторых, корабль находится под существенной защитой капитана Дюмона в качестве мага. В-третьих, на борту находятся десятки блуждающих огоньков, чье присутствие усиливает магию. Алондрин может улизнуть, что будет дурным примером. Не правда ли?

Ларисса кивнула:

– Почему же ты не остановишь его?

– Потому что я дам это сделать тебе с твоими друзьями. Зачем мне напрягаться, если ты горишь от нетерпения действовать самой? Но, моя хорошая танцовщица, я научу тебя некоторым приемам борьбы с колдовством бокову. – Он встал, подошел к ней и заставил ее встать. Ларисса сдержалась и не сопротивлялась.

Одной рукой он погладил ее белую гриву. Тонкие длинные пальцы скользнули по щеке, прошлись по подбородку к горлу. Тело Лариссы напряглось, глаза сузились от возмущения.

– Не опасайся за свою безопасность, Ларисса, – сказал он, трогая ее лицо. Она уловила запах вина, исходивший от

него. – Кто лучше Господина всех зомби знает слабости человеческой плоти? Но меня интересует твой дух. В нем я нахожу нечто завораживающее... – Он сделал шаг назад, взяв ее за руки. Лукавая улыбка пробежала по его лицу. – Я дам тебе то, что ты просишь, но в назначенное мною время и руководствуясь собственными соображениями. Ты – танцовщица. Прекрасно. В таком случае я научу тебя новенькому, моя дорогая. Я научу тебя Танцу Мертвых.

Глава XIX

– Марсель, – позвал Мисрой лениво, – покажи мисс Снежной Гриве помещение для гостей и приготовь ей горячую ванну и, моя дорогая, ты голодна?

Ларисса уже открыла рот, чтобы ответить утвердительно, но вдруг закрыла его, подозрительно глядя. Антон ухмыльнулся, притворно расстроившись:

– Моя маленькая танцовщица, ты уже видела, что я живой. Как ты думаешь, я останусь жив? Уверяю тебя: да! Продукты превосходные. Ты разделишь со мной ранний обед.

У Лариссы не было выбора, она кивнула. Повелитель зомби взял ее руку и прижал к ней свои твердые губы. Затем он вышел.

Марсель взял канделябр с камина и повел Лариссу по широкой лестнице. Она следовала за ним, а в ее голове роились мысли. Она пришла за разрешением, а не за помощью или обучением. Сколько он ее продержит? И что потребует взамен?

Она шла за Марселем по освещенному коридору: подсвечники были сделаны в форме рук, держащих свечи. Марсель дошел до конца коридора и достал связку ключей. Он открыл одну из дверей, которая застонала. Ларисса подумала, что, наверное, дверь не открывалась для живых.

Марсель жестом пригласил ее войти. Она осторожно всту-

пила в спальню. Как и везде, здесь все было покрыто пылью. Кровать под балдахином и остальная мебель были очень крупными и выдвигали иные времена. Гардероб украшался резными дверцами и столь же потемневшим зеркалом, как и в прихожей. Недавно умершая женщина в довольно свежей одежде механически наливала кипящую воду в фарфоровую ванну. Все было относительно чисто.

Ларисса вслух рассмеялась абсурдности обстановки смерти и всей ситуации. Внутри нее поднималась волна истерического смеха, которую она с трудом подавила.

Танцовщица оставила свою промокшую грязную одежду и влезла в ванну. Горячая ароматизированная вода благотворно подействовала на нее. Пока она купалась, служанка-зомби начала раскладывать красивую одежду. Ларисса взглянула. Она не хотела одалживаться:

– Нет, – запротестовала она, – я надену то, в чем я пришла.

Служанка выпрямилась и медленно покачала головой:

– Хозяин сказал, что надо одеться. Ларисса сдавленно выругалась:

– Чертова муха в проклятой паутине. – Ее возмутило, что ей не было позволено надеть свой сценический костюм. Она все еще ворчала, когда тянулась за полотенцем.

– Ты привела себя в замечательный порядок, – прокомментировал Мисрой, когда танцовщица сошла по лестнице спустя час. Выражение лица Лариссы контрастировало с прекрасным платьем, на котором она в конце концов оста-

новила свой выбор. Оно было темно-зеленым с золотой росписью подкладки. Верхние части рукавов были пышными и тоже с золотой расписанной подкладкой. Предплечья были покрыты более темной тканью и перехвачены у запястий. По понятиям Лариссы, платье имело шокирующе низкий вырез. Она не перевязала волосы, и они свободно ниспадали на плечи.

Господин Мертвцов встретил ее на полпути на лестнице. Он также приоделся. Его черные волосы были перевязаны в конский хвост. Одежда явно была из-под утюга: темно-синий сюртук, голубой жилет и черные брюки. Все это шло к нему как нельзя лучше. Ослепительно белые чулки и ботинки с натертыми до блеска золотыми пряжками заменили болотные сапоги. Он предложил Лариссе руку, которую она осторожно приняла.

Столовая была расположена напротив гостиной. Стол был большой и весь уставлен едой. Мисрой усадил Лариссу в стул, а сам уселся напротив. Дождь окончился, и всюду светило солнце.

– Закройте шторы, – приказал Антон.

Как и в гостиной, шторы поддерживались медными руками. По команде Мисроя медные руки отпустили материал занавесей, и они закрылись. Слуги появлялись из кухни. Один из них старательно зажигал свечи. Другой принес большую серебряную супницу. Он поставил ее на стол и начал разливать в тарелки живым людям.

– Черепаховый суп, – сказал Мисрой, – изысканное произведение моего шеф-повара, которого я приобрел недавно. В кухне он делает чудеса.

Ларисса с опаской взяла в рот ложку. Суп был превосходным. Черепаховое мясо было изысканным, суп был густым, почти как жаркое. Ларисса различила тонкий привкус.

– Лимон? – рискнула она. Мисрой засветился:

– Какой тонкий вкус у вас, мисс Снежная Грива, да, это – лимон.

Он показал себя как очаровательный хозяин. Вопреки своему настрою и ужасам этого дома Ларисса почувствовала себя легко и даже улыбалась отдельным шуткам Мисроя. Она быстро расправилась с супом и бодро принялась за рисовое блюдо с моллюсками. Она жадно пила воду.

Антон засмеялся:

– Да, это сильно приправлено, это типично для нашего острова. Может быть, следующее блюдо тебе понравится больше.

Ларисса все еще испытывала голод, когда подали второе блюдо.

– Заяц, тушеный в вине. – От предвкушения Мисрой потирал руки. – Это специальное блюдо шеф-повара. – Он с аппетитом набросился на еду. У Лариссы же аппетит пропал.

– Жан, – сказала она, холодея от ужаса.

Мисрой вопросительно выгнул бровь, застыв с поднесенной вилкой.

– Извини? – Он откусил большой кусок, рассеянно вытерев рот тыльной стороной ладони.

Ларисса откашлялась:

– Шеф-повара зовут Жан? Он из таверны «Два зайца»?

– Да, он содержал таверну, до того как подавился костью, а что? Смерть не повлияла на его талант. Кушай. – Он сделал широкий жест над столом.

Ларисса подавленно взирала на стол и на Мисроя. Он продолжал есть, нимало не смущаясь тем, что обед приготовлен трупом. Она положила салфетку дрожащей рукой, отодвинула стул:

– Я больше не хочу есть. – Она встала и вышла.

Он нагнал ее почти у лестницы:

– Это грубость, моя дорогая, – он сжал ее локоть. – Я вас не отпускал из-за стола.

Она с отвращением вырвала руку. Он успел повернуть ее к себе лицом.

– Не отталкивай меня, маленькая танцовщица. Твоя жизнь зависит от моей прихоти. Ты можешь потерять ее. Не хочешь обедать, давай танцевать.

Он крепко держал свою руку на ее талии, ведя ее к двойным дверям в глубине зала. Они прошли мимо зеркала, поразившего Лариссу своей запущенностью, когда она только вошла в Дом Печали.

Держа ее за руку, Мисрой вошел в когда-то роскошную бальную залу. Крашенные стены выглядели старыми. В углу

стоял клавесин, похожий на забытую игрушку, которую не трогали десятилетиями.

– Играй, – скомандовал Мисрой, и тотчас же послышалась металлическая мелодия, исходящая из инструмента. Господин всех зомби плотно прижал Лариссу к себе. Его правая рука вцепилась в ее левую руку, а другая обвилась вокруг ее талии. Она автоматически опустила руку, чтобы приподнять подол платья, что вызвало одобрение Мисроя.

– Ты умеешь вальсировать. – Его хватка несколько ослабла. – Я давно не танцевал вальс. Давай заключим перемирие и слушаем музыку.

Мелодия была приятной, а Мисрой – хорошим танцором. Не расслабляясь, она послушно следовала за ним. Через некоторое время она дерзко спросила:

– Это и есть тот танец мертвых, которому вы собирались обучить меня, господин Мисрой?

Вопрос немало позабавил его, он засмеялся так, что это отозвалось эхом и полупустой зале.

– Нет, моя хорошенькая танцовщица, я сейчас танцую для удовольствия. Урок состоится позже, а пока мы просто танцуем.

* * *

Наутро в соответствии с договоренностью Ларисса встретила Мисроя в конюшне. Она была в костюме, положенном

на ее кровать вечером: брюки для верховой езды, блузка, сапоги и накидка с капюшоном. Одеваясь, Ларисса удивлялась, откуда хозяин зомби знает ее размеры, но решила не спрашивать.

Земля под ногами была мокрой от вчерашнего дождя. Ярко светило солнце, прогревая густой влажный воздух. После дождя стали сильнее неприятные запахи, и Ларисса сморщила нос, идя к конюшне.

Как и дом, конюшни были запущены, но лошади были крепкими. Чалая кобыла была у перевязи на мощном дворе под присмотром зомби. Ларисса обрадовалась, что лошадь в отличие от тех, которые тянули экипаж, была живой.

Цоканье копыт заставило Лариссу повернуться: она увидела, что Мисрой ведет огромного черного жеребца. Животное выглядело усталым, как после долгого путешествия. Своей головой жеребец почти задевал землю.

– Доброе утро, Ларисса, – приветствовал ее хозяин Дома Печали. – Надеюсь, спала хорошо?

Она вынужденно улыбнулась. В действительности несколько часов она провела с открытыми глазами, размышляя о том, кто до нее спал в этой кровати с балдахином, а также о том, будет ли она избавлена от ночных посещений живыми и мертвыми. После нескольких часов прерывистого сна она обнаружила, что свеча у изголовья пропала.

Сны танцовщицы были переполнены кошмарами, мертвцами и умирающими.

В дремотном состоянии она фигурировала как убийца: она будто бы разрушила «Мадемуазель» так, как она сожгла дерево, только на этот раз она раскатисто смеялась, запрокинув голову.

– Настолько хорошо, насколько это можно было ожидать, гос... Антон, – ответила она вежливо.

– Я думаю, ты занималась верховой ездой?

– Немного.

«Очень немного», – подумала она про себя.

На лошадь надели седло и уздечку, Мисрой ловко вскочил в седло и помог забраться ей.

– Сегодня, моя дорогая, ты будешь в седле более чем немного. Трогай, Демон. – Ларисса сидела впереди.

Он без предупреждения огрел лошадь плеткой, и животное поскакало галопом.

Ларисса чуть не выпала из седла и вцепилась в конскую гриву. Демон, оправдывая свое имя, скакал по дороге.

Мисрой рванул голову коня вправо, и Демон прыгнул с дороги в поле. Было сыро и с копыт срывались комья грязи.

– Ты чувствуешь, какая сила, Ларисса, – прокричал Мисрой ей в ухо, – и эта сила подчинена мне.

Он ударил коня, и Демон рванул еще быстрее. Его холка была потной от усилий.

– Эта мощь под контролем завораживает, – продолжал Мисрой все более напряженным голосом.

Он снова ударил Демона плетью так, что тот задержал

головой от боли. Дыхание Лариссы стало прерывистым и поверхностным. Она чувствовала мускусный запах Демона. Она знала, что Мисрой слишком жестоко обращается с жеребцом, что дело дойдет до крови. Отчасти она возмущалась этой бессмысленной жестокостью, но Мисрой был прав: дикие скачки возбуждали, ее сердце билось учащенно.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела поваленное дерево на пути. Однако конь легко перенес тело через препятствие, плавно приземлившись. Ларисса услышала собственный смех и расценила его как жестокий.

– Трах! – раздавался треск кнутовища. – Трах! Трах!

И снова Мисрой жестоко послал коня в другое направление. Ларисса увидела, что изо рта жеребца идет розовая пена, его глаза дико вращались. Его вызванный адреналином ход перебивался. Он не мог дать что-либо большее своему хозяину.

А Мисрой продолжал давить. Ларисса находилась в состоянии дикого возбуждения, смешанного с ужасом. Трах!

Демон издал низкий дрожащий звук, его сердце разорвалось. Жеребец упал на передние ноги. Мисрой схватил Лариссу и ловко предупредил свое и ее попадание под падавшего коня. У Лариссы перехватило дыхание. Слезы, смешанные с потом, текли по щекам.

– Ты убил его! – вскричала она, горестно глядя на тело черного жеребца. Она видела кровавые следы ударов плети на боках.

Мисрой был возбужден:

– Мы убили его! Ты в равной степени была отравлена скоростью и властью над силой, как и я. Ты не вправе меня упрекать. Я не слышал ни слова протеста, ни намека на недовольство!

Боль сжала сердце Лариссы, чувство вины охватило ее. Мисрой был прав. Он бросился на колени в грязь перед нею, его глаза лихорадочно горели. Он обхватил ее за плечи.

– Ты такая же, как я, Ларисса. Мы родственны духом, ты и я! Я так подумал еще при встрече, когда я понял, что могу научить тебя Танцу Мертвых. Теперь я уверен в этом. Послушай, вдвоем мы можем своротить горы!

Не обращая внимания на грязь, Мисрой бросился к Демону. Он схватил огромную конскую гриву, отбрасывая мокрую гриву с глаз жеребца. Он прижал свою щеку к морде животного.

Демон пошевелился. Он высвободил голову из объятий Мисроя. Неуверенно конь поднялся на ноги. Мисрой с торжеством взглянул на Лариссу.

– Ты видишь, что для нас ничего не потеряно! Демон мертв, но он по-прежнему будет служить мне. Твоя глупая Дева со своими идеями работать с природой вместе! Подумаешь! Этого мало для нас. Мы можем сами быть силами природы или смерти.

Ларисса смотрела прямо на него:

– Ты – чудовище! – прошептала она. Мисрой обнажил бе-

лые зубы:

– Все мы – чудовища, если взглянуть поближе. Некоторые понапрасну тратят свою жизнь, пытаясь перебороть это. Они неизменно терпят поражение. Некоторые несчастные сосуществуют со зверем внутри себя. Они жалки. – Он полюбил ее: – Ларисса, это надо отпраздновать.

Ларисса уперлась руками в грудь Мисроя, пытаясь оттолкнуть его:

– Ты ошибаешься! Я вовсе не такая, как ты!

Его глаза ловили ее взгляд, огонь в них несколько затух:

– Посмотрим, моя хорошенькая танцовщица. Посмотрим!

* * *

Когда Ларисса спустилась по лестнице, заиграл клавесин. Мисрой, одетый торжественно, как прошлым вечером, вступил в слабо освещенный вестибюль, глядя на нее как терпеливый хищник. Не говоря ни слова, он протянул руку и взял ее за запястье, не сменяя манжет. Он ждал ее, чтобы обучить Танцу Мертвых.

– Ты такая же, как и я. – Сердце зашло в ее груди: А что, если он прав?

Ничем не выдавая своих мыслей, она продолжала ровно идти. Улыбка тронула его губы, а она подумала, неужели он, как некоторые животные, чувствует чужой страх.

Она вложила свою руку в его:

– Никакого обеда перед танцем? – спросила она спокойным голосом. Он тряхнул головой:

– Сначала танец, затем обед.

Танец Мертвых начинался довольно безобидно. Это был завлекающий и торжественный вальс. Затем музыка почти неуловимо стала меняться. Мажорная мелодия перешла в минорную, стала глубже и более угрожающей. Также исподволь ускорялся темп. Ларисса поймала момент, когда она в глазах Мисроя уловила что-то такое, от чего не могла отвести взгляд. У нее мелькнуло беглое сравнение с гигантской змеей-зомби своих снов, гипнотизировавшей ее. Она обреченно смотрела в глаза учителя.

Его пальцы впились ей в талию через несколько слоев материи. Мисрой нагнулся и приблизил свою пылавшую, как в лихорадке, щеку к щеке Лариссы, внезапно похолодевшей.

«Продолжаем танцевать».

Ларисса закрыла глаза, не будучи уверена, слышала она голос Мисроя или ей это показалось. Изнутри или извне – не имело значения. У нее не было силы сопротивляться и, что еще более странно, не было даже желания к этому. Хозяин зомби и танцовщица кружились в пустом зале. Ларисса не чувствовала, что ее ноги касаются пола. Она постепенно забывала, где она, с кем танцует, даже кто она. Она отдавалась чувству растущей в ней силы.

Именно в этот момент она осознала, насколько она холодна. Она попрежнему вращалась внутри железной решетки

рук Мисроя. Слабое дуновение страха проникло в круг ее растущей силы, и она открыла глаза.

Ларисса закричала, как будто натолкнувшись на препятствие. Ее рука, обхваченная Мисроем походила на покрытую серой кожей кость. Она превращалась в зомби.

«Продолжаем танцевать», – раздался в ее голове громopodobный голос. Она танцевала, обращая свой страх в волю. Она мрачно улыбнулась, когда увидела, что иссеченная кожа ее руки обрела пухлость человеческой плоти. Ларисса взглянула на Мисроя. Его лицо исказила гримаса озабоченности.

Внезапно Мисрой отпустил ее. Она даже оступилась, но быстро обрела равновесие.

– Ты прошла первое испытание, – одобрил он, тяжело дыша от напряжения, – Настало время второго.

Он хлопнул в ладоши, раздался звук, как щелчок кнотом в большой комнате. Немного спустя около дюжины зомби, от слуг до рабочих с полей, появилось в бальной зале. Ларисса глядела на них, размышляя над тем, что задумал Мисрой.

– Им дан приказ убить тебя, – сказал он. – Если ты правильно исполнишь Танец Мертвых, ты запутаешь их на время, достаточное для отмены приказа.

Ларисса еле переводила дух:

– Но я только что научилась! А что будет, если у меня не получится? Мисрой пожал плечами:

– Тогда, моя дорогая, они убьют тебя, и у меня появится новенькая горничная-зомби. Конечно, если тебе не повезет.

Но я оставлю за тобой место за столом на обеде... на случай твоей удачи.

Сначала Ларисса подумала, что это просто одна из жестоких шуток Мисроя, но он повернулся и вышел из бальной комнаты и закрыл двери со зловещим глухим звуком. Это послужило сигналом для разлагающихся фигур, которые задвигались в направлении Лариссы с угрожающим видом.

В западне! Некоторое время Ларисса была неспособна даже двинуться. Как муха в паутине... Нет, муха будет бороться, решила она. Ее опустошил танец, но она почерпнула энергию из какого-то внутреннего запаса и начала двигаться.

Она сделала первые па вальса, уверенно двигаясь под музыку игравшего клавесина. Вначале ее ноги неуверенно касались пола, затем она стала делать собственные движения, подсказываемые ей внутренним чувством растущей силы.

Марсель почти застал ее в движении, пытаясь задушить ее. Как только его холодные руки коснулись ее разгоряченного тела, она ударила его. Зомби опустил руки, оставив попытки приблизиться к ней.

Теперь Лариссу пыталась остановить горничная, но Ларисса уже отведала успех и с почти злобным весельем обратилась к ходячему трупу женщины. На этот раз служанка испытала на себе сигнал, посланный ей Лариссой.

Еще два беспмятных существа приближались с двух сторон. Ларисса совершила прыжок в неистовом танце, все более набирая силу воли. Один за другим существа Мисроя

останавливались от раздвоения, какой приказ им выполнять – своего хозяина, голос которого они привыкли слушать, или новые команды женщины с белыми волосами и огненной душой, танцующей перед ними.

Когда с ними было покончено, Ларисса остановилась. Ее дыхание с трудом восстанавливалось, ее ноги дрожали. Клавесин прекратил играть, Ларисса опустилась на пол.

Начав дышать регулярно, она медленно поднялась на ноги. Холодно взглянув на замерзшие трупы, Ларисса Снежная Грива направилась к Господину мертвых обедать.

Глава XX

Неимоверным усилием воли Ларисса приподняла веки, почувствовав страх, что она не сможет превозмочь чары Мисроя.

Она была одна в топах, лежа в неудобной позиции с подвернутыми рукой и ногой, которых она вначале не чувствовала.

Она заставила кровь циркулировать, и ее конечности ожили. Ларисса пыталась различить что-либо знакомое в обстановке, окружавшей ее. Ни одного узнаваемого признака среди коричневых и зеленых тонов. Она не увидела ни гниющего кучера, ни пироги – ничего, что она узнала бы. Внутри рождалась паника. «Нет, – скомандовала Ларисса. – Я выберусь отсюда... Я думаю».

Она по-прежнему была в своем зеленом платье, сковывавшем ее движения. Она попыталась встать. На ее левом колене что-то хрустнуло. Она вздрогнула, но потом с облегчением вздохнула: это был кусок свернутого пергамента, запечатанного печатью на воске. Ларисса подняла и изучила печать: там стояла большая буква «М». Ларисса открыла пергамент и стала читать.

«Моя дорогая мисс Снежная Грива!

Вы должны считать меня ужасным хозяином, и вы правы. Я должен поблагодарить вас за освежающее

присутствие в моем доме. Работать с вами было удовольствием.

Перед вами – последнее испытание, во всяком случае, из тех, что ставлю я. Вы получите кнутовище, я знаю, вы сумеете воспользоваться им. Желаю вам удачи на вашем пути домой, хотя я сомневаюсь, что он вам нужен – вы слишком похожи на меня. У нас собственное счастье.

*Быть может, мы еще станцуем. Я предвкушаю это.
Антон Мисрой»*

Ларисса скомкала письмо и бросила его оземь. Оно стало медленно разглаживаться, его углы раскрывались, как цветки персика. Она увидела кнутовище, о котором писал Мисрой, лежащим в грязи. На его коже была кровь Демона. Она глубоко вздохнула, успокаивая свои расшалившиеся нервы.

«Запустить корни», – сказала она сама себе. Она лежала на влажной земле, не обращая внимания на то, что ее платье мнется. Она запустила пальцы в почву, ища информацию у земли, обретая от нее спокойствие.

В отличие от почвы на острове Девы, эта земля была неудобной. Она чувствовала гнильцу, как в перестоявшей пище. Она распласталась, прижимаясь плотнее к земле, требуя соучастия.

Земля уступила как капризное дитя.

Она чувствовала сигнал о том, что ей надо быть настороже. Не доверять ни растениям, ни живым существам. Остров Девы находится в миле отсюда на юго-восток. Ларисса

почувствовала, что больше информации от земли она не получит. Контакт прервался.

Ларисса медленно сконцентрировалась, вынимая пальцы из почвы. Ее руки были отпущены с неохотным причмокиванием. Рассеянно она очистилась от грязи.

Ее первой мыслью было попробовать совершить путешествие с помощью дерева. Ларисса приблизилась к огромному дубу, не обращая внимания на его угрожающий вид. Это – обычное дерево, подумала она.

Вдохнув побольше воздуха, она прикоснулась к коре ствола:

– Я приветствую вас. С вашего позволения я...

– Нет!

Ответ прозвучал с такой грубостью, что она застонала. Танцовщица отдернула руку, но сердитая ветка уже обхватила ее. Дерево угрожающе изменилось, его ветки устремились к ней.

Ларисса должна была действовать спешно. У нее не оставалось времени на размышление. Несмотря на то, что оба ее запястья были во власти дерева, она могла шевелить пальцами. Касания дерева теперь сопровождались воспламенениями, и дерево рычало от боли, отпуская ее. Ветки забились о ствол. Язычки пламени скоро были сбиты.

Ларисса встала вне досягаемости деревьев.

– У меня нет никакого желания наносить ущерб кому-либо в топах, – прокричала она окружению, – но я могу при-

чинить ущерб, если мне не будет предоставлен свободный проход.

Она выждала, не будучи уверена в ответе. Наконец ближайшее дерево басом проговорило:

– Белая Грива, ты можешь идти своей дорогой, но не через меня.

Ларисса прикрыла глаза веками в знак благодарности Деве за ее учения. Танцовщица обратилась к дереву:

– Я не могу заставить тебя доставить меня до острова Девы, но могу я получить заверения, что ты не сбросишь меня вниз, если я поднимусь по твоим ветвям, чтобы осмотреться, где я?

Дерево недовольно прошелестело:

– Да.

– Я могу причинить боль, – предупредила Ларисса.

– Понятно.

Когда Ларисса приблизилась, дерево даже приспустило ветки, чтобы облегчить ей карабканье. Ларисса самодовольно улыбнулась.

Несмотря на неудобное платье, Ларисса сравнительно легко достигла вершины. Там весело светило солнце, создавая резкий контраст с царством теней под балдахином ветвей.

Она увидела океан зелени под собой. Ларисса повернулась, ища поддержки.

Ветка обвила ее, но только для того, чтобы поддержать.

Ларисса увидела, что деревья заслоняют многое. Она с на-

деждой всматривалась вдаль...

С облегчением она увидела гладкую поверхность озера, отражающего солнце. Остров Девы выглядел изумрудом.

– Я возвращаюсь, Дева, – прошептала она, тщательно выбирая обратный путь по дереву.

Ее взгляд упал на кнутовище. Сначала она подумала, что оставит его лежать там, где оно лежит. Оно не причинит никому вреда забытое в топях. Но, сама не зная почему, она нагнулась и взяла плеть.

В этой вещи не было ничего необычного.

– Что же эта плеть означает, Мисрой, – сказала она громко. – Почему бы не принять ее? Я по крайней мере буду знать, где я.

Соблюдая светское обращение, Ларисса поклонилась дереву в благодарность за помощь.

В ответ дерево прошелестело листвой. Лариссе это напомнило рычание собаки, которая отказывается броситься на жертву. Если это – очередное испытание Мисроя, то она справляется.

Сжимая в руке плеть Мисроя, она направилась в сторону острова Девы. Под ногами было сыро, но почва держала ее, и настроение повышалось. Она стала раздумывать об устройстве плавучего театра, выбирая пути для нападения на него. Атака должна состояться ночью, это точно. Ей будут помогать существа, которые видят в темноте. Влажная темень с возможным туманом послужит хорошим прикрытием.

Она задумалась о том, сколько людей обратили в зомби. Она невольно вспомнила Касильду. Только за нее одну, не говоря о других, следует отомстить Лонду.

Теплое мерцание показалось около нее. Она насторожилась, но поняла потом, что это всего лишь блуждающий огонек.

– Я с удовольствием вижу знакомое... – она запнулась: «лицо» сюда никак не подходило.

Светящийся шарик двинулся назад, затем вперед, освещая танцовщицу желтым светом. Лариссе пришла в голову мысль:

– Ты можешь провести меня на остров Девы? – спросила она, не будучи уверена, что это существо понимает человеческую речь.

Блуждающий огонек сделал паузу в мерцании, а затем начал двигаться вбок. Ларисса нахмурилась. Согласно тому, что она видела с вершины дерева, ее путь пролегал прямо вперед, но блуждающий огонек должен лучше знать дорогу, и она пошла за ним.

Поняв, что Ларисса следует за ним, шарик света стал целенаправленно двигаться в одном направлении. Ларисса улыбалась, думая о Уилене: пойдет ли он за ней, когда она покинет Сурань. Она подумала, что уговорить его не будет трудно... если он только вообще может выехать из этой страны. Ее улыбка поблекла. Что, если он каким-то образом связан с этой землей? Что, если...

Ларисса вдруг замахала руками, чтобы остановить свое продвижение вперед, но было поздно – она попала в трясину, которая начала ее засасывать в себя. Грязь набилась ей в рот, она яростно отплевывалась, чтобы не подавиться. На секунду ею овладела паника. Потом она поняла, что резкие движения лишь способствуют засасыванию.

Зыбучая субстанция, как живое существо, обхватила ее конечности, ухватила ее длинные волосы, заставляя голову кланяться вперед и в стороны. Ларисса осознавала, что в ее распоряжении считанные минуты.

Она поискала глазами блуждающий огонек, но увидела, что их теперь четыре и что они не проявляют своего беспокойства, как тогда, когда ей грозила гибель от смертельного растения. Постепенно Ларисса поняла, что они питаются ее страхом. Они пульсировали, разрастаясь и предаваясь хищному наслаждению.

И тут-то Ларисса поняла, что это не были блуждающие огоньки того рода, который жил на острове Девы. Они специально заманили ее сюда, чтобы попраздновать на ее переживаниях ужаса.

Она быстро перебирала варианты спасения. Перейти на дыхание водой? Но трясина не была чистой водой. Превратить трясину в землю? В таком случае она окажется в ловушке. Что же тогда?

Суетливое мерцание приближалось, чтобы насладиться ее страхом. «По крайней мере, этого они не получают», – по-

думала Ларисса. Она попыталась расслабиться и, к своему удивлению, обнаружила, что может плавать. Она попыталась успокоить дыхание и сердцебиение. В этот момент она нашла длинную ветку дерева. Пальцами она ощутила тонкие усики на ветке. У нее появилась надежда на спасение. Мерцание становилось лихорадочным. Она старалась не обращать внимание на это, цепляясь за ветку.

Медленными, но уверенными движениями она стала вытягивать себя из трясины. Веткагнулась, но держала. Ларисса приближалась к берегу и наконец полностью высвободилась из почти смертельной западни.

Дрожа от пережитого, она выглядела далеко не изящно. Огоньки сердились на нее, они делали угрожающие движения, производя при этом шум. В Лариссе проснулся страх, когда она услышала призрачный голос:

– Умри, Белая Грива.

Она попыталась прогнать страх. Она убеждала себя, что это всегонавсего шарики. Что они могут...

Она слышала, как один из них пролетел с жужжанием мимо. Она почувствовала как удар тока. Второй огонек задумал повторить этот маневр, но Ларисса вскочила на ноги. Язычок пламени начал образовываться на ее ладонях, и она направила его на нападающих.

Огоньки застонали от раздражения. К ее ужасу, пламя отскочило рикошетом и обожгло ее. В основном ей удалось увернуться от него.

Тем не менее боль ее коснулась, и она застонала. Внезапно она видела плеть Мисроя, лежавшую там, где она ее бросила. Она схватила ее, раздумывая, как ею пользоваться.

Она вспомнила слова Мисроя о том, что плеть ей должна пригодиться и что она должна знать, как ей пользоваться.

Но она не знала. В это время на нее был сделан второй заход с электрическим разрядом. Она попыталась увернуться, но ее задело, и она изогнулась от боли.

Боль. Мисрой бил красавца жеребца и забил его до смерти. К боли прибегал и Лонд. Как сказала Дева? Это доходило до кости и крови. Кровь! Вот ответ!

Ларисса села и ударила плетью по своей левой руке. Появился красный след, но он был бескровным. Пытаясь превозмочь боль, она ударила сильнее. По ладони побежал ручеек крови.

«Умри, Белая Грива».

Ларисса не была уверена, что она вынесет следующий удар. Когда горящий шар нацелился на нее, она была готова встретить его ударом плети.

К ее удивлению, плеть повернулась в ее руке так, что она чуть не выронила ее. Плеть Мисроя стала расти в длину и удлинилась до шести футов. Она заполнила маленькую руку Лариссы, из черной она стала зеленоватой. На одном конце сформировалась голова с двумя змеиными глазами и ядовитым зубом.

Ларисса закричала от ужаса, но удержала змею в руке.

Она увидела, что змеиная голова повернулась к мерцающим шарикам. Черный язык задрожал, а челюсти раскрылись от непостижимо широкого захвата. Когда световой шар ринулся в атаку, змея поглотила его одним рывком. Ларисса вспомнила слышанную ею легенду о мерцающих огоньках, порожденных змеей, пожирающей солнце.

Оставшиеся шары издали резкий звук. Один из них заметался в бешеном темпе. Другой, засомневавшись, изготовился для нанесения удара, но был также проглочен змеей.

Два оставшихся мерцающих огня отступили и вскоре растаяли вдали.

Ларисса ослабила хватку и увидела, что змея смотрит на нее не мигая. Она спокойно встретила ее взгляд. Язычок змеи вибрировал. Затем она снова превратилась в обычную черную плеть.

Усталая улыбка коснулась губ Лариссы:

– Спасибо, Антон. Но, клянусь крысами Ришемюло, тебе нелегко было узнать, что я не переносу змей.

Через некоторое время Ларисса успокоилась. Она взобралась на другое дерево, чтобы посмотреть на остров Девы. К счастью, злополучные шары лишь немного отвлекли ее от правильного пути.

Ларисса снабдила себя посохом из длинной ветки и прежде чем ступить на землю пробовала твердость почвы. Она мобилизовала весь свой слух на обнаружение опасности.

Становилось жарче, она почувствовала голод и жажду.

Время, проведенное с Девой и, как это ни удивительно, с Мисроем, дало ей понятие, что съедобно в этих гнилых местах. Недавний дождь заполнил выемки в камнях и деревьях. Вкус воды в них был неприятен, но утолял жажду.

Ларисса шла до наступления темноты. Из воздушного мха она соорудила постель. Прежде чем лечь спать, она протанцевала вокруг для создания защитного кольца. Едва коснувшись постели, она заснула глубоким сном.

Через несколько часов она проснулась, не соображая, где она. Ей показалось, что ее кто-то разбудил. Она осторожно осмотрелась.

Ночь казалась тихой и спокойной, но Лариссу не покидала настороженность. Деревья молчали. Было безветренно, и ветви не шевелились. Деревья не казались враждебными. Не было никакого свечения ни блуждающих огоньков, ни их злобных подобий. Жужжание далеких насекомых да всплески небольших животных в воде были единственными звуками, нарушавшими тишину. Слух Лариссы не улавливал опасности.

Что же разбудило ее? Ларисса села, обхватив колени руками. Было беспокойно. Она слишком много пережила в топях за последнее время, чтобы доверять своим инстинктам. Ларисса продолжала вслушиваться.

И звук пришел:

– Ларисса, – прошептал вздох. Тотчас она была на ногах, готовясь исполнить защитительный танец.

– Кто здесь? – спросила она, но не получила ответа.

Однако немного погодя раздался тот же голос:

– Дитя мое, ты забыла меня? – Перед глазами Лариссы образовался прозрачный силуэт, воплощавшийся в узнаваемую фигуру.

– Папа, – прошептала она.

Призрачная фигура печально кивнула. Обри Хелсон был одет так же, как тогда, когда она видела его в последний раз. Он летал над поверхностью земли:

– Я скучал по тебе, Ларисса.

На глазах Лариссы показались слезы:

– О, папа. Я скучала по тебе. Что случилось с тобой? Почему ты не пришел за мной?

– Я пришел бы, да Дюмон убил меня, – ответил он. В глубине души Ларисса знала ответ, но не смела углубляться в него. – Скоро мы отомстим. Иди сюда, моя красавица дочурка, я проведу тебя к Деве.

Ларисса, почти ослепленная слезами, выступила за очерченный ею же круг.

– Нет, Ларисса, не делай этого! – послышался громкий крик. Откуда ни возьмись возник Уилен и затолкал ее обратно в круг. – Это не твой отец! Это западня!

Глаза Лариссы были обращены на призрачное изображение человека, которого она любила. Она боролась с блуждающим огоньком:

– Нет, Уилен, это папа! Он не принесет мне горя...

Уилен обвил свои руки вокруг нее. Она безуспешно пыталась вырваться из жестких объятий любимого.

Уилен обернулся к призраку:

– Сгинь! Ты ничего собой не представляешь! Я тебя знаю! Ты не причинишь ей вреда!

Привидение открыло рот и издало истошный крик, взорвавший ночную тишину, оно растаяло, превратившись в клубы тумана. Затем все исчезло.

Ларисса прекратила сопротивление, обмякнув в объятиях Уилена:

– Уилен, – прошептала она. – Спасибо тебе.

– Рад был помочь.

Она закинула голову и посмотрела на него:

– Ты свободен! Как тебе удалось бежать?

Он лукаво улыбнулся:

– Это было нелегко, но пока бежал только я один. Надо вернуться и спасти других. Вставай! Пойдем!

– Погоди. А как ты узнал, что... то, что было... не было привидением моего отца?

– Не забывай, что здесь – моя территория. Я знаю, что творится в сердце топей. Эти существа у нас называются простофили. Обычно они принимают человеческий облик кого-нибудь хорошо знакомого жертве обмана, но могут обратиться в собаку, кошку или другое животное. Но всегда черное. Они охотятся за телами людей. Он надеялся заманить тебя в западню, как это было с мерцающими огнями.

Рука Лариссы все еще держала его руку. Ее голос стал безразличным, но ее сердце говорило: «Я ненавижу тебя! Я хочу твоей гибели!»

Уилен посмотрел на нее:

– Дева ждет, идем!

Ларисса выдернула руку, заняв оборонительную позицию.

– Кто ты? – спросила она. Уилен смотрел на нее:

– Что случилось, Ларисса? – Он шагнул к ней.

– Остановись! Иначе будет плохо тебе, кто бы ты ни был, – предупредила танцовщица. – Откуда ты знаешь о случае с трясинной и почему ты не смог прочитать мои мысли?

По лицу Уилена расплзлась страшная ухмылка. Ларисса видела, как он весь преобразался в уродливого человека, которого она никогда ранее не видела. Затем существо стало постепенно превращаться в крокодила: пасть удлинялась, отрастали клыки, на руках выросли когти, появился хвост.

– Bravo! Моя хорошенькая танцовщица, – похвалило ее чудовище голосом Антона Мисроя. – В тебе открываются все новые сюрпризы!

Ларисса прикрыла глаза. Она больше не страшилась, она была возмущена:

– Антон, ты достаточно шутил со мною. Ты поразвлекался за мой счет довольно! Дай мне дойти до острова Девы, чтобы подготовить нападение на корабль! – почти кричала она.

Крокодил медленно засмеялся:

– В тебе есть характер! Ну, ладно! Это уродливое суще-

ство – полуящерица – надежно доставит тебя на остров Девы. Дальше, – полуящерица пожала плечами, – все будет зависеть от тебя. Кстати, в отношении плетки ты оказалась тоже на высоте.

Ларисса открыла было рот для ответа, как полуящерица уже не голосом Мисроя сказала:

– Я готова служить Белой Гриве.

– Доставь меня на остров Девы! – приказала Ларисса.

Полуящерица поклонилась и стала расти до размеров крупного крокодила, затем плюхнулась в воду и дождалась, пока Ларисса заберется ей на спину.

Глава XXI

Дева Топей запустила корни во влажную почву. Она нуждалась в периодическом, без помех, соединении с землей для поддержания уровня энергии, она знала, что вскоре ей понадобится много сил. Она глубоко укоренилась, чувствуя, как питательные соки медленно наполняют ее тело. Она закрыла глаза, сделала глубокий вздох и выдохнула. Потом она прекратила дышать. Ее прекрасные черты стали видоизменяться. Она покрылась корой дерева... Отдых...

– Дева?

Деве не хотелось выходить из глубокого транса, она попыталась проигнорировать зовущий ее голос.

– Дева? – Да, это звали ее, она должна ответить. Медленно, как сквозь толстый слой грязи, она поплыла вверх, постепенно становясь снова мыслящим существом.

Перед ней стояла страшно побледневшая Ларисса. Рядом с ней была громадных размеров полуящерица, холодно смотревшая на Деву.

– Я доставила Белую Гриву, – сказала она. – Она рассказала мне о ваших нуждах.

– Мы будем нуждаться в помощи вашего народа, – сказала Дева. – Можем мы рассчитывать на вас?

Существо обнажило смертельно опасные зубы:

– Звучит празднично. Мы придем, когда вы нас позовете.

Без лишних слов существо нырнуло в воду, приняв форму и размеры крокодила.

Дева обернулась к Лариссе, на которой отражались переживания ее последних дней. На ее лице сформировалось выражение решимости, которого не было раньше. Полностью вернувшись в человеческое состояние, Дева подошла к Лариссе и обняла ее за плечи:

– Расскажи мне, что случилось. Ларисса облизнула губы:

– Он дал согласие на нападение. Он обучил... Он научил меня Танцу Мертвецов.

Дева была шокирована:

– Что я наделала? О нет, Ларисса... Ты не должна прибегать к подобного рода магии. Это противоречит всему, чему я тебя учила.

– Я знаю, – сказала она спокойно. – Он желает, чтобы я применила это. Поэтому он разрешил нападение. Но я знаю, чего это стоит.

– Ты осознаешь, чем это чревато? Какому риску ты себя подвергаешь?

Танцовщица смотрела на вещи мрачно:

– Он не рассказывал мне, но я обнаружила это сама.

Она никогда не забудет руки зомби на своей руке. Потеряй она контроль во время танца, она стала бы зомби сама. Однако она овладела ситуацией.

Дева Топей положила зеленоватую руку на плечи танцовщицы.

– Я сожалею, что тебе пришлось столько пережить. А сейчас тебе надо отдохнуть, прежде чем приняться за дела. Иди спать.

Ларисса согласилась. Ночь в Доме Печали не принесла отдыха, а в топях ей удалось поспать всего лишь несколько часов. Девушка знала, что Дева ниспошлет на нее целебный сон. Она опустила и погрузилась в сон, проваливаясь в него как в туман. Дева вернулась к медитации.

Посредством своего контакта с землей Дева в общих чертах сознавала, что происходит на ее острове и водах, омывающих остров. Она чувствовала медленный молчаливый рост гигантских кипарисов. Она ощущала течение вод, трепет больших, малых и хищных существ, отправлявшихся по своим делам. Примерно час она подпитывала себя от земли, затем перешла к вызовам.

Круг ее вызовов был невелик – он ограничивался островом, но подхватывался и разносился другими существами. Полуящерица уже рассказывала о встрече с ней своему народу. Деревья передавали вызов другим при помощи барабанного боя.

Чувствительные растения слышали эти ритмы и передавали их далее. Ветви раскачивались, корни шевелились. Медленно, почти мучительно начали двигаться деревья, шелестя листвой.

Длинноухий тоже слышал зов Девы, он сидел, прислушиваясь. Потом он начал отбивать удары своей сильной задней

ногой. Сигналы лоаха инстинктивно принимались его народом. Один за другим все зайцы в топях услышали призыв старшего.

Зов слышали и более необычные жители топей. Проснулись деревья, корни которых были неподалеку от Дома Печали. Их глубоко посаженные глаза наполнились ненавистью и жадной крови. Злобные деревья слышали призыв наравне с добрыми. Существа, обитающие на дне болот, поднялись на поверхность.

Примерно милю вниз по течению Денири и Каедрин были заняты постройкой плотиков для атаки. Каедрин рубил бревна из упавших деревьев. Он без устали размахивал топором, так что пот струился. Денири с видимым безразличием связывала бревна лозой. Вдруг она насторожилась:

– Послушай!

Он с любопытством посмотрел на нее:

– Сигнал? Я не слышу. Денири наморщила нос в притворном презрении:

– После стольких лет в топях ты не способен слышать? Он идет по земле.

Каедрин взглянул на горностая Слика. Зверек был насто-роже. Волк, который был с ним пять лет и происходил из Аркандейла, бесстрастно молчал, уставившись в одну точку. Зато белочка с любопытством высунулась из кармана.

Каедрин встал на четвереньки и для лучшего контакта вонзил в грязь свои сильные пальцы. Некоторое время он

вслушивался в еле различимый зов, затем поднялся и втащил свой плавучий дом на сушу. Он вошел в него и стал рыться в углу. Денири с любопытством наблюдала.

Кожаные латы, негнибающиеся от редкого употребления, появились на свет из мешка. Он достал также ржавый меч, собираясь, очевидно, привести его также в употребимый вид, равно как и щит со стертым до неузнаваемости девизом.

В это время из воды показалась любопытствующая выдра, она сунула мокрый черный нос в мешок и взглянула на Каедрина. Тот погладил ее шелковистый мокрый мех.

– Ты действительно собираешься все это применить? – спросила Денири наконец голосом, полным напряжения.

– Давно я поклялся не пользоваться этими вещами ради любви к мужчинам и женщинам. Но верно также и то, что теперь они мне пригодятся в войне за тебя, Денири. За тебя и тебе подобных, которых я здесь научился любить и ценить. Денири перешла на визг:

– Ты – единственный мужчина здесь. От тебя не ожидают...

– Кроме Лариссы, я – единственный человек здесь, и я буду бороться. Я им нужен. Пригодится и твоя помощь.

Денири зашипела в ответ, ее лицо удлинилось в мордочку, тело вытянулось, проявился мех. Обратившись полностью в норку, она соскользнула в воду и исчезла. Каедрин печально улыбнулся: она вернется.

Медленно послание передавалось от дерева к дереву, от

зверя к зверю, и все стали стекаться на остров. Лисы не трогали зайцев, олени не бежали от крокодилов. Они откликались на зов Девы.

* * *

Буки был цел и невредим: убить лоаха трудно, а раны заживают на нем очень быстро. На огромном зайце не осталось и следа от перенесенных им пыток. Буштейл исхитрился приблизиться к месту заточения Буки настолько, что смог облегчить его позу для более быстрого выздоровления. Впервые за все время плена проволока не давила на Буки, и он мог расслабиться. Благодаря Буштейлу заяц спал глубоко, хотя и вздрагивал время от времени в своих кандалах.

«Ах, дружок Буки, – думал Уилен, глядя на странную дружбу лиса и зайца. – Тебе следовало быть кошачьим лоахом – ты всегда приземляешься на все четыре лапы».

Уилен также был физически невредим, но его тело хранило память о боли. Не помогало и ожидание новых пыток.

Лонд был мастером причинять боль. В этом он воистину преуспел. Действительно, можно было найти силу в боли и удовольствие в причинении ее. Уилен, однако, знал, что сила эта коварная, а удовольствие – ложное. Рано или поздно это обратится против самого колдуна. Учитывая прошлое Лонда, его положение было рискованным.

Дверь открылась, и вошли трое зомби, включая Драгонею-

са. Один из них подошел к Буки и отключил магические кандалы. Другой протянул руку к проволочной петле.

– Нет, – попросил заяц. – Пожалуйста...

Внезапно и без предупреждения, в хищном молчании Буштейл вскочил на ноги и вцепился в горло зомби. Когда тело упало на пол, на него налетел Буки. Острыми когтями передних лап и еще более острыми передними зубами Буки стал рыться в разлагающемся теле. Потом он объявился с сердцем зомби в зубах, которое он тут же жадно съел.

Драгонейс потянул за проволоку, и заяц вновь оказался висящим в петле. Другой зомби подошел к Уилену, который не принимал участия в борьбе, считая бесполезным вымещать недовольство на этих развалинах людей. Это было бы растратой небольших сил.

Зомби привели Уилена и Буки к Лонду, и Уилен сжал зубы, готовясь к новой боли. Однако Лонд спокойно смотрел на них. Около двери сидел Дюмон с покрасневшими глазами.

– А ты крепок, блуждающий огонек, – признал Лонд. – Буки испытал жестокую боль, и ты ее вытерпел. Настало время другой тактики.

Лицо Уилена было бесстрастным, но сердце его упало. Что уготовил им Лонд на этот раз? Его первая мысль была о Буки. Длинноухий понял бы, почему его пытаются, и рационализировал бы ощущения боли. Для Буки же это было агонией, лишенной всякого смысла. Заяц прижался к полу, дрожа и быстро шевеля носом.

Лонд хлопнул в ладоши одетыми в перчатки руками. Вошел Бринн с мешком, в котором трепыхалось живое существо. Буки дико задрожал, он со страхом нюхал воздух, его глаза выражали ужас.

– Нет, – прошептал он. Лонд молча вытряхнул из мешка отчаянно сопротивлявшегося зайца.

– Бедняга, – сказал он голосом, полным сарказма. Одной рукой он схватил зайца за уши, другой рукой взял нож со стола. – Он не понимает, что происходит, но ты понимаешь.

Хладнокровно, как по куску дерева, остро наточенным ножом Лонд провел по боку зайца. Тот громко закричал, пролилась алая кровь. С криком, выражавшим крайнюю степень отчаяния, Буки бросился на защиту как лоах собственного народа. Он прыгал, лягался. Потребовалось два зомби, чтобы утихомирить его. Уилен, привязанный к лоаху, находился у границы, где кончается здравомыслие. Он пытался думать о Лариссе, представил ее белые волосы и голубые глаза, но все пересиливала льющаяся кровь и сопереживание с Буки.

– Я остановлюсь, если получу нужную мне информацию, – сказал Лонд.

– Все, что угодно, – истерически закричал лоах. Однако, к несчастью для Лонда, Буки не располагал существенной информацией. Его рыдания лишь подтвердили то, что Лонд уже знал: Дева жива, Уилен ей служит, замышляется спасательная операция. Большого Буки не знал.

Колдун обратился к блуждающему огоньку:

– Твой друг сильно страдает. Десяток твоих слов облегчит его участь, – сказал он в расчете на то, что Буки слышит.

Лоах обратился к блуждающему огоньку:

– Уилен, ты должен остановить мучительство одного из моего народа. Он употребляет его не для поддержания жизни. Останови его!

Сердце Уилена было полно сочувствия к живому существу, но он не мог предать Лариссу и Деву. Его молчание было единственным шансом на выживание живых существ на «Мадемуазель». Он смотрел в пол.

Заяц в руках Лонда по-прежнему страдал, кровь лилась от нижних конечностей. Лонд встал и посмотрел на тазик в центре стола, забрызганный кровью.

– Ты можешь положить конец этому, Уилен, – сказал он, приставляя нож к горлу зайца.

Уилен, как немой, покачал головой, закрыл глаза, стараясь избежать волны паники, исходившей от Буки. Рыдания лоаха мало способствовали его приемам отвлечения от обстановки.

Уилен тупо взирал на Лонда, временно оглушенный страхом Буки. Он больше не воспринимал слова. Он понимал, что колдун чего-то хочет, но речь Лонда каким-то образом превращалась в сердитое сотрясение воздуха и бессмысленные восклицания. Уилен и Буки со стонами наблюдали разворачивающуюся сцену.

Наконец Лонд устало приказал вернуть пленников на ме-

сто.

По прекращении физического контакта Уилен вновь обрел разум. На вторую его ночь на борту «Мадемуазель» Тейн и Джахедрин напоили его пьяным. Он забыл ощущения вчерашнего вечера, но отчетливо представлял ужасную головную боль и беспокойство в чувствах на следующее утро. Сейчас он переживал нечто подобное.

Буки плакал в своем углу. После его нападения их с лисом разделили. Сейчас лоах смотрел на Уилена глазами, полными страха.

– Скажи ему, – шептал он, – что я ничего не знаю об атаке. Он прекратит издевательства над моим народом.

– Буки, я не могу, под угрозой окажутся шансы на спасение. Разве ты не понимаешь?

Цветная кошка смотрела на Уилена. Он понимал, что она умна, несмотря на то, что не могла говорить и передавать свои мысли. Кошка смотрела на Уилена с видом, не допускающим возможности побега.

– Уилен, – сказал Буштейл сдавленным голосом. – Мы должны помешать Буки нанести ущерб себе самому.

Уилен осторожно посмотрел на Буки и увидел, что тот медленно и целенаправленно грызет свою переднюю лапу, чтобы освободиться от наручников.

– Буки!

Заяц остановился и посмотрел на Уилена. Его собственная кровь заполняла его рот и пачкала его усы, во взгляде

была видна дикость зверя.

– Буки, остановись! Это не поможет! Лоах проигнорировал слова, снова принявшись за бессмысленную работу.

– Дружок, послушай! – умолял Буштейл, гремя своими наручниками. В его озабоченном голосе не было прежнего безразличия. – Допустим, ты сгложешь все четыре ноги. Передвигаться будет труднее. Ты не сможешь прыгать, как же ты убежишь? И ты будешь все еще в металлической петле.

Буки не слушал уговоры. Переполненный горечью, Уилен отвернулся. Лоах совершал бессмысленный труд еще и потому, что обглоданные места через несколько часов восстанавливались.

– Это все моя вина, – заплакал Уилен. Вдруг он увидел ДрагонеЙса. Гнев пришел на смену печали: – Что тебе еще надо?

– Уилен, ты меня слышишь? У Уилена перехватило дух. У ДрагонеЙса шевелился рот, но говорил он голосом Лариссы. Он почти готов был вскричать от радости, но затем им овладело подозрение.

– Опять фокус! Лонд, это не пройдет!

– Любимый, это действительно я. Помнишь, ты поделился именем со мной?

– Да, я сказал тебе, – он все еще испытывал подозрительность. ДрагонеЙс покачал головой:

– Блуждающие огоньки показали мне.

Как ты можешь говорить через труп? Ларисса, что случи-

лось? Ты не...

– Любовь моя. Со мной все в порядке. Я не могу говорить так долго. Мы скоро придем на помощь. Расскажи мне про Лонда и Дюмона. Что там происходит? Я не могу тебя видеть, могу только слышать.

– Меня содержат вместе с рабами. Ты можешь заставить Драгонеиса освободить нас?

– Нет. Он может говорить то, что говорю я, но делать он будет только то, что всегда. Если я буду настаивать, я потеряю контакт.

– Хорошо, ты можешь слышать меня. Они пытали Буки и меня, пытаюсь получить информацию. С нами все в порядке, – соврал он, глядя, как Буки сидит в луже собственной крови, обгладывая свою вторую лапу.

– Мы расположены за складским помещением, – продолжал блуждающий огонек. – К нам можно попасть либо через театр, либо через люк в каюте Дюмона. Лонд хорошо подготовлен. Дева поймет, что я имею в виду. У него много пузырьков и свечей...

– Как содержат тебя?

– В наручниках. Остальные в клетках, некоторые в заколдованных.

– Мужайся, любимый. Ждать осталось недолго. – Драгонеис замолчал и вышел, заперев за собою дверь. Уиленом овладело беспокойство: каким образом Ларисса смогла говорить через труп.

– О Ларисса, – прошептал он, – какую сделку ты совершила?

Глава XXII

– Ненавижу мох, – пробурчал Джахедрин, всматриваясь в воду сквозь рукоятки рулевого колеса.

Рулевой действительно ненавидел свисающие плети воздушного мха. Он ненавидел кипарисы тоже... и воду цвета чая, казавшуюся больше грязью, нежели водой. Рулевому не нравилась мелководность топей, от силы шесть футов, и сладковатый запах здешних мест.

Но более всего Джахедрин ненавидел то, что зловонный воздух Сурани сделал с его коллегами. Кроме рулевых и кухонного персонала, все в команде ходило с пустыми глазами, совершая механически однообразные движения.

– Похоже, что болотная лихорадка высосала у них души, – сказал Тейн вчера. – Ты помнишь историю, которую рассказал рулевой из Инвидии?

– Да, – ответил Джахедрин. – О человеке, который ходил во сне и прокладывал курс лучше всех на борту. Тейн кивнул:

– Все так, только индивидиец сказал, что он не спал, а был мертв. – Он посмотрел на друга: – Удивительные дела!

Эта идея настолько потрясла Джахедрина, что он принялся тузить своего друга до тех пор, пока не прошел страх.

И еще Джахедрин не любил ночные вахты на борту «Мадемуазель». Все было в порядке, когда среди рулевых были

Красавчик Джек и Уилен. Теперь Красавчик Джек был убит в Порт-д-Элуре, а Уилен пропал, и вахты выпадали на Джахедрина и Тейна. Джахедрин тер свои глаза и всматривался в зеленые, серые и черные тени в топях.

Руки рулевого лежали на штурвале и достаточно было небольшого движения рукой, чтобы держать «Мадемуазель» на курсе.

– Спасибо, Сардан, – сказал он вслух певцу, разделявшему с ним компанию. – Мне кажется, что я бы заснул, если бы не ты и твоя игра.

Певец лениво перебирал струны мандолины:

– Никаких проблем. После Лариссы... труппа стала скучной. Всем не нравится топь.

– А кому нравится? Я был бы рад увидеть чистую воду. Чудо, что мы до сих пор не сели на мель. – Он зевнул. – Друг капитана Лонд говорит, что мы выйдем из топей примерно через день.

Сардан поднялся и встал подле своего Друга:

– Капитан не покинет топи без Лариссы.

– Он может быть вынужден к этому.

Искать ее здесь... Жалко, хорошая девушка, но это чертовски трудная задача.

– Капитан хочет.

Джахедрин помолчал, затем тихо спросил:

– Думаешь, найдет?

Сардан пожал плечами нарочито равнодушно:

– Надеюсь.

Густая болотистая река впереди раздваивалась, пропадая из глаз. Полная луна придавала всему зловещий вид.

Сардан потрянул головой. Трудно было представить Лариссу в этой крошечной тьме, но он надеялся, что с ней все в порядке.

Оставляя мандолину, он сказал Джахедрину:

– Почему бы тебе не дать мне рулевое колесо? Ты ведь устал.

– Если капитан узнает... – заколебался Джахедрин.

– Обойдется. Прошлой ночью я полсмены отстоял за Тейна.

– Неужели правда? – удивился Джахедрин. – Вот счастливчик. Полсмены проспал, а мне хоть немного попробовать.

– Если возникнет проблема, я тебя разбуду. Иди сосни. Долго я тебе спать не позволю. Это я обещаю.

Рулевой посмотрел на реку. Тишина нарушалась лишь работой гребного колеса. Было похоже, что это не самое опасное место на реке.

Джахедрин зажмурился на секунду, затем решил:

– Ладно. Только сразу буди меня, если что.

Сардан кивнул с видимым безразличием. В действительности он был взволнован возможностью поуправлять «Мадемуазелью». Про Тейна он соврал. Правда, Уилен преподавал ему теорию управления и время от времени давал подержать

рулевое колесо, но, Джахедрин поверил ему безоговорочно. Это наполнило певца гордостью.

С явным удовольствием Джахедрин прилег на диван:

– Как хорошо! – И в следующий момент Сардан услышал равномерный храп. Тенор любовно прикоснулся к штурвалу.

«Мадемуазель» была защищена магией капитана, управлявшего ею, но в управлении штурвалом была своя магия, ощущение силы, волновавшей Сардана. Его отношение к кораблю было сродни отношению к женщине.

Час путешествия с Сарданом у штурвала прошел без приключений, и живой по характеру певец начал томиться однообразием. Он начал мурлыкать песенку, затем запел, мысленно пускаясь в дальние путешествия. Когда он в очередной раз посмотрел вперед, он увидел нечто, заставившее его сердце подпрыгнуть. Что-то огромное двигалось по реке навстречу пароходу. Сардан побледнел.

– Джахедрин! Рулевой проснулся:

– В чем дело, Сардан?

Дрожащей рукой тенор показал вперед. Едва проснувшийся рулевой тоже побледнел.

Обильная растительность, произраставшая на берегах, двигалась. Медленно, но целеустремленно выющиеся растения оплетали друг друга. Они соскальзывали со своих постоянных мест, образуя запруды. Путь вперед закрывался.

Джахедрин действовал решительно. Он издал три гудка, нарушивших тишину ночи. Затем, оттеснив Сардана, он

взялся за судовой телеграф, повернув ручку на «задний ход». Он схватил переговорную трубку, дунул в нее, вызвав свист в машинном отделении:

– Полный назад, немедленно! Прежде чем Джахедрин успел опомниться, позади него стоял Дюмон. Он смотрел в окно, напряженно размышляя. Мгла вставала с застоявшейся воды как пар из кастрюли, постепенно закрывая видимость. Сквозь провалы в тумане капитан мог видеть барьер из растительности. Он наблюдал, как растения передвигаются.

Корабль встал, затем задрожав подался назад от этого клубка растительности.

– Останови задний ход, – сказал он рулевому, двигаясь мимо Сардана, как будто его там не было.

– Капитан? – Джахедрин был в замешательстве.

– Останови задний ход, пока не наступит другого приказа, – прорычал Дюмон. У него была интуиция, которая не изменяла ему последние двадцать лет. Дюмон скатился по трапу в свою каюту, схватил «Глаз» и свой меч. Затем он поспешил на корму по солнечной палубе.

Гигантское гребное колесо стояло. В тишине было слышно, как с его рычагов падают капли. Он поднес кулон к глазам, это дало ему возможность видеть в темноте. Как он и опасался, путь корабля был заблокирован и на корме. Что-то – или кто-то? – подстроило ловушку.

Капитан не спеша изучал водное пространство вокруг, но

ясности не получил. Он оставил в покое «Глаз». Сначала он ничего не слышал, но потом он уловил барабанную дробь вдали.

Им овладело бешенство, он бессильно стукнул кулаком по поручню. Ближайший к нему блуждающий огонек вспыхнул и потух.

Дюмон этого не заметил.

– Боевые бастионы! – загремел он, пробегая по палубе и стуча в каждую дверь. Он спустился по трапу через две ступеньки, поднимая артистов. – На сцену! – объявлял он, когда они высовывались сонные из кают. – Быстро! Они ворчали, но подчинялись.

– Капитан Дюмон, что случилось? Почему вы беспокоите моих людей в столь поздний час? – раздался голос Лонда с верхней палубы. Дверь в его каюту была приоткрыта, оттуда доносились красные отблески света. Его черная накидка была почти невидима в темноте.

Дюмон нахмурился:

– Посмотри вокруг и увидишь, для чего мне нужны люди на главной палубе. Мне нужна твоя помощь в защите судна.

Он не стал ждать реакции Лонда, а поторопился в театр, где собрались актеры в разной степени одетые. Они сидели в зрительном зале.

– На сцену! – скомандовал он. Обращаясь к труппе, Дюмон покрылся красными пятнами: – Изнеженные негодяи, вы будете петь для меня.

Артисты посматривали друг на друга в замешательстве. Один из хористов, дублер Сардана, раздраженно закричал:

– Капитан, вы сошли с ума. Вы имеете понятие, сколько сейчас времени?

Дюмон прыгнул на сцену, вытащил меч и ударил им бедолагу. Юноша с выпученными глазами упал на сцену. Кто-то вскрикнул. Дюмон вытер кровь с меча:

– Есть еще кто-нибудь, кому не ясны мои приказы?

Наступило молчание. Актеры в ужасе смотрели на капитана.

– Прекрасно. Теперь, черт возьми, пойте!

Дублерша Касильды Эланн спросила:

– Что вы хотели бы услышать, сэр?

– Прелюдию, затем «Она ждет его», затем «Вода холодна» и затем пойте без перерыва, пока я вас не остановлю.

Они начали петь, а Дюмон задержался только для того, чтобы магически запереть дверь. Он прошел в каюту Лонда.

* * *

Уилен услышал пение.

– Прислушайтесь, – закричал он. – В театре поют. Нам нужно найти противодействие пению.

Буштейл смотрел на него:

– Да, но я ничего не понимаю.

– В песнях заключено волшебство, – быстро объяснил Уи-

лен. – То, что они поют сейчас, означает, что мои друзья берут судно на abordаж. Нам надо найти противодействующие ритмы.

– Довольно. Все понятно, – лис склонил голову и запел песню на своем языке. Голос Буштейла оказался удивительно чистым баритоном.

Ворон Скриша все еще находился под чарами своей магической клетки, а цветная кошка оставалась в элегантном неведении о происходящем. Псевдодракон издавал истошные крики под взглядами Буки. Его лапы восстановились, но ноги были покрыты кровью. Петля все охватывала его тело.

– Я могу стучать ногами и петь, – объявил он гордо.

У Уилена на глаза выступили слезы:

– Порой мне кажется, что ты хитрее Длинноухого.

Лоах зайцев начал петь глупую песенку о том, как он готовил суп из стручков бамии, а Длинноухий это первым съедал. Его мощная задняя нога отбивала при этом ритмические удары. Со своей стороны, Уилен затаил песенку охотника, которую пела Денири.

Это было восстание звуков в пределах достижимого, но Уилену показалось, что лучшей музыки он не слышал.

* * *

Когда корабль внезапно остановился и пошел назад, многие из магических флакончиков Лонда попадали. Многие из

них оказались на полу, образуя липкие лужи. Другие колдун успел перехватить. После разговора с Дюмоном он вернулся к своим пузырькам, аккуратно расставляя уцелевшие бутылочки по местам.

В дверь застучали, Лонд помедлил с ответом. Наконец он отпер дверь. Он знал, что это может быть только капитан – никто на борту «Мадемуазель» не смел тревожить его.

Капитан заглянул в каюту:

– Ты нужен на палубе. Идет нападение на нас.

Лонд не пожелал отвлекаться от своего занятия:

– Я приду позже, капитан.

Дюмон отошел от каюты Лонда, ожидая, что Лонд немедленно отзовется. Он выждал. Его охватило возмущение колдуном.

– Черт побери, ты должен последовать за мной. Это мой корабль, и здесь слушаются моих приказов, Лонд.

Лонд оторвался от своих склянок, и Дюмон увидел блеск его глаз.

– Капитан Дюмон, вы, наверное, страдаете забывчивостью в отношении того, что творится на борту, – сказал он ледяным голосом. – Команда теперь подчиняется мне. При помощи пригоршни порошка и нужных слов я могу забрать и вашу душу. Вы – капитан по моей милости, а не из-за ваших пустых угроз. Не бойтесь: моя безопасность зависит от безопасности корабля. Я, естественно, буду защищать его, но вы мне не указчик что и когда делать. В настоящий момент

вы защищаете самого себя. Конечно, если вы трезвы. Иначе с пьяным колдуном случаются интересные вещи. – Лонд засмеялся.

Дюмон переживал оскорбление и унижение. Лонд был прав: корабль принадлежит ему. Проглотив гордость, он сказал:

– Тогда, по крайней мере, передоверь мне управление своими зомби. Они пригодятся при защите корабля...

Черный колдун раздраженно помахал черными перчатками:

– Они будут подчиняться вам до тех пор, пока они вообще нужны мне. Идите и обороняйте корабль, капитан. Мне надоел этот разговор.

Капитан забыл об унижении, он был полон ненавистью и возмущением. Он вылетел из каюты, хлопнув дверь. После вонючей каюты он, переведя дух, стал взвешивать варианты спасения корабля.

Он располагал командой зомби, которая сейчас столпилась на верхней палубе, двумя рулевыми, по-прежнему в человеческом виде, запуганным составом артистов и горсткой пленников, жаждавших его поражения. Тут Дюмон улыбнулся. Был еще Джелаар.

Он поспешил в каюту эльфа, но Джелаар был уже на палубе. Тяжелая рука Дюмона опустилась на плечо иллюзиониста. Поворачиваясь к капитану, Джелаар стер со своего лица выражение ненависти.

– Какие пожелания, капитан? Дюмон изучал реку. Туман усилился, он затмевал лунный свет. Берег был близко, но на нем ничего не было видно. Способности Дюмона не хватало на то, чтобы видеть насквозь, было ясно, что его магия столкнулась с другой магией.

– Я не вижу их, они не видят меня, – пробормотал он. Адресуясь к Джелаару, он сказал: – Шум, человеческие голоса. Активная команда готовится к бою. Оставайся на этом уровне, если я не укажу на другой. На этой палубе для тебя безопаснее, чем на главной.

Джелаар кивнул головой, он рылся в кармане, отыскивая маленький шарик воска. Он стал разминать воск до большей степени податливости, затем оторвал кусочек и вставил в ухо. Он закатал рукава своей робы за локти и начал магические действия.

Почти немедленно после этого голоса стали громче. Джелаар был исключительно искусным иллюзионистом, и Дюмон позволил себе беглую улыбку, после того как он узнал некоторые голоса членов команды.

– Вот, пожалуйста, капитан. Мы готовы встретить их. Они просто не смогут напасть на нас, – послышался голос Драгонейса.

Улыбка Дюмона поблекла. «Друг мой, – подумал он, – чего бы я не отдал, чтобы услышать твою усмешку снова».

Он отогнал эти мысли – сентиментальностью не спасешь «Мадемуазель» во времена, подобные этим.

– Пусть люди поговорят о покровительстве, которым пользуется «Мадемуазель», а затем пусть она засветится.

Джелаар повиновался. Воображаемые люди затолковали о новых чарах Дюмона, и внезапно корабль засветился холодным синим светом, к которому то тут, то там добавлялись искры блуждающих огоньков. В действительности «Мадемуазель» пользовалась покровительственной защитой, которая подкреплялась мелодиями из «Удовольствия пирата». Это уже было пущено в дело, когда Дюмон заставил артистов петь. Свечение, вызванное Джелааром, было чисто косметическим. Но пройти на борт судна при существующей защите означало бы сражаться за каждый дюйм.

Купаясь в воображаемом свете, Дюмон прошел в рулевую рубку. Там были Тейн с Джахедрином, оба полностью одетые и вооруженные.

– Что происходит, капитан? – спросил Тейн. От постоянного вглядывания в туман его глаза выглядели усталыми. – И что означают эти барабаны?

– Не уверен в происхождении звука, – признал капитан. – Это то или те, кто хочет напасть на нас.

– Мне кажется, я нашел для себя кое-что... – Сардан прошелся по трапу с мечом в руке и натолкнулся на Дюмона.

– Что ты делаешь здесь на палубе? Почему ты не с артистами и не поешь, как они?

Сардан покраснел, но не потерял решительности:

– Я могу сражаться.

Дюмон хотел протестовать, но раздумал.

– Может быть. По крайней мере, ты готов так же погибнуть, как все остальные. Все спускайтесь на главную палубу. В рулевой рубке нет смысла оставаться, пока корабль стоит. Все четверо пошли в направлении главной палубы.

Вдруг задул ветер, возвестивший прибытие туч летучих мышей. Тысячи крылатых зверюшек сели на палубу, сядились на людей, пытаясь найти участок открытой кожи, чтобы острыми зубами вгрызться в плоть. Люди замахали руками, отбиваясь от летучих мышей.

Дюмон пропел ряд резких нот, и мыши, которые были в полете, тотчас повернули на открытое пространство и исчезли. Те, которые сели на палубу или забрались в человеческую одежду, однако, остались.

Руки Джахедрина были покрыты маленькими ранками, а у Тейна и Сардана были раны на лицах. Их зрение, однако, не пострадало. Дюмон посмотрел вниз на зомби и увидел, что с ними не все в порядке. Они наталкивались друг на друга, на поручни. Они не реагировали достаточно быстро против намерения летучих мышей ослепить их.

Капитан задержал дыхание и прислушался, продолжая направлять людей на главную палубу. Барабанная дробь усиливалась. Дюмон знал, что у некоторых народов таким путем передаются приказы, и удивлялся, какого рода генералы отдают приказы в таком жалком месте.

Краешком глаза он увидел Джелаара, творившего маги-

ческие заклинания. Глаза эльфа были закрыты, руки мягко двигались, губы произносили заклинание. Дюмон не знал, что именно хотел Джелаар, но это успокоило его.

Тут внимание капитана привлекло то, что происходило в воде. Плохо видя из-за темноты и тумана, Дюмон прибег к помощи волшебного кулона. У самого борта «Мадемуазель» происходила какая-то возня.

Сначала ему показались крокодилы в воде. Затем Дюмон увидел в воде мужчину, что вряд ли было возможно в реке, полной крокодилов. Скоро капитан увидел, что атака на корабль шла со всех сторон. Дюмон сжал зубы и помчался вниз, сжимая меч.

Некоторым людям уже удалось ступить на палубу. Дюмон с удовлетворением отметил, что зомби оборону держат. Дюмон пробивался с помощью меча и сразил двух уродливых существ. Всплеск справа свидетельствовал о том, что кто-то пытается подняться там. Дюмон повернулся туда и увидел лесенку, соединяющую ялик с кораблем.

К своему удивлению, он лицом к лицу столкнулся со своей красавицей-воспитанницей. Она стояла у лесенки все еще в воде. Ее белые волосы плавали в воде. Они сливались с голубым свечением корабля. Черная вода достигала подбородка.

Ларисса глядела на него голубыми глазами с выражением дикости в них, невозможной всего несколько дней назад до ее путешествия на остров. В первое мгновение она совсем не показалась ему человеком, хотя выглядела еще красивее.

– Ларисса, – хрипло закричал он, видя, как к ней приближается чудовище в панцире, с желтыми глазами.

Он бросил меч, пытаясь руками вытянуть Лариссу в безопасное место, но она нырнула и исчезла в воде почти без брызг на чернильной поверхности, сливаясь с глубинными темными водами. Последнее, что Дюмон увидел, были ее волосы.

Бело– горячая боль пронзила руку Дюмона. Он взглянул на свою руку, вместо которой оставался лишь обрубок чуть ниже локтя. Крокодил держал в зубах обрубок руки, принаравливаясь, как его проглотить. Дюмон отступил от поручней. Из его левой руки потоком хлынула кровь. Вода под ним наполнилась шумами, слышалось урчание гигантской рептилии.

Отступая из боя, Дюмон подумал, что Лонд должен ему помочь. К капитану подошел Джахедрин и своей рубашкой перевязал кровавую рану.

– Лонд, – повторял он. Джахедрин помог капитану подняться по трапу, поддержал его, когда тот почти потерял сознание.

Лонд встретил их молчанием. Джахедрин, впервые увидев каюту Лонда, произнес древнее заклинание, чтобы оградить себя от зла. Лонд без выражения смотрел на обрывок руки.

– Вы должны исцелить меня, ведь мой корабль и я предоставляем вам единственный шанс убраться отсюда, – с трудом проговорил Дюмон. Он часто заморгал, пытаясь четко

видеть Лонда, который невесело засмеялся.

– Как всегда, у вас, капитан, все получается наоборот. Это я предоставляю вам единственный из оставшихся шансов. Я, однако, не думаю, что вы захотите моего исцеления. Вам не подойдут результаты.

Дюмон прожил жизнь активно, он привык быть здоровым человеком, и его пугала мысль остаться одноруким.

– Что хотите, только исцелите. Лонд пожал плечами:

– Как хотите.

Он порылся в своем хламе и вытащил длинный острый нож. Он прошел мимо Дюмона и Джахедрина и вышел на палубу.

– Капитан, – сказал Джахедрин, озираясь по сторонам, – куда вы нас втянули?

Дюмон промолчал, преодолевая боль, наконец он сказал:

– В мир кошмаров. И я не знаю, как отсюда выбраться.

Лонд вернулся с Бринном и Драгонеисом, неся что-то в своей накидке. Прежде чем Дюмон успел что-либо понять, два мертвеца из экипажа крепко схватили его. Приблизился Лонд. В руках у него Дюмон увидел отсеченную руку зомби.

– Нет! – вскричал капитан. Его протест был оставлен без внимания. Он слышал, как Лонд напевал. Внезапный холод сменил жжение в руке, когда мертвая рука была соединена с живой. Дюмон открыл рот и издал долгий непрерывный вой. Казалось, этот вой будет продолжаться всегда. Дюмон пришел в себя, стоя на палубе на четвереньках. Зомби пропали.

Джахедрин согнулся подле него:

– Капитан?

Одна рука капитана была послушна, другая была, как проводами привязана к кости. Движение этой руки он ощущал, как в кошмаре.

* * *

Ларисса не видела, как Дюмону откусили руку, она легко соскользнула в воду и легко дышала в ней.

Она проплыла под плоским днищем корабля, сопровождаемая двумя полуящерицами. Они были похожи на норок и быстро принимали форму человека. Они могли принять и другие обличья. Отсюда ошибка Дюмона, принявшего их за крокодилов.

Они плыли по другую сторону корабля, и Ларисса наблюдала, как проходит вторая волна атаки. Каедрин подплыл на большом плоту, готовясь подняться на борт. На плоту был Длинноухий, полный желания отомстить, и серый маленький волк, чуть побольше заячьего лоаха.

Встретившись впервые с бывшим лесником, Ларисса подумала, что он сильный человек, но сейчас он просто навевал страх. В нем была громадная мускульная сила и постоянная готовность. Его доспехи были старинными, но они поддерживались в лучшей форме.

Он и полуящерицы приняли человечесье обличье, собрали

большое количество сброшенных оленьих рогов, которым Ларисса и Дева придали магическую силу. Затем они обвязали рога канатами.

Ларисса подплыла к Каедрину и кивнула. Лесничий ответил ей и, хорошо размахнувшись, забросил рога на палубы. Теперь зомби будут рассредоточены по кораблю, сражаясь с наступающими.

Ларисса погрузилась в воду, расслабившись, затем заработала руками, и река вытолкнула ее на палубу. Быстрый взгляд вокруг показал, что армия из топей надежно перебралась на палубы и держала позиции. Она видела, как высокий человек с ярко-желтыми глазами и кривой улыбкой работал мечом. Внезапно у него вырос хвост, сделав ненужными брюки. Она видела упавшего зомби и подбежавшего к нему волка. В другом месте полуящерица хрустела перемалываемыми костями другого зомби.

Ларисса поежилась. Еще недавно она бы не подумала, что ее союзниками будут подобные хищники. Она, однако, была уверена, что те, против кого они воюют, во много раз хуже. Спеша в рулевую рубку, она искала Лонда. Она знала, что его каюта на этой палубе. Однако колдуна не было видно. Она заметила Джелаара, стоявшего одиноко и посылавшего магические сигналы. Он ее не заметил.

Ларисса проникла в рулевую рубку и направилась вниз, в каюту Дюмона. Она знала, где он держит ключи. Они висели на рогатом черепе над его кроватью. Удача, казалось, сопут-

ствовала ей – большое кольцо с ключами висело на месте.

Она протянула руки и обнаружила лишь воздух. В шоке Ларисса попыталась еще раз. Ключей не было. Это была иллюзия! Ее охватила паника.

– Ты ищешь их? – услышала она голос позади.

Глава XXIII

Ларисса обернулась. Позади нее стоял Джелаар, играя ключами.

– Я сам только что пришел сюда, – объяснил он. – Посмотрел в гардеробе. Я испугался, думал, что это Дюмон пришел. Не беспокойся, Ларисса, я тоже хочу помочь пленникам. Дюмон содержит в заточении мою дочь. Надеюсь, среди пленников кто-нибудь знает, как ее освободить.

Ларисса была в замешательстве:

– Но я только что видела тебя на палубе.

Джелаар посмотрел на нее заговорщически:

– Я же иллюзионист. Там, на палубе, я – иллюзия. Дюмон попрежнему думает, что я колдую.

Еще не совсем веря, Ларисса засмеялась. Ею начала овладевать уверенность, что атака завершится успехом.

– Потайной люк...

– Здесь, – сказал Джелаар, отодвигая ковер. Вдвоем они открыли тяжелый люк. Ларисса взяла масляную лампу и первой спустилась по трапу.

– Кто у вас командует? – спросил Джелаар, спускаясь.

– Я. – Ответила улыбаясь Ларисса.

– Что?

– Произошло много событий, Джелаар. Если все кончится благополучно, я все расскажу, но сейчас я должна воспользо-

ваться магией, чтобы освободить заключенных здесь. Именно поэтому я здесь, а не командую издалека как генерал.

Она приложилась к полу и осмотрелась. Масляная лампа освещала ящики, инструменты, мешки с мукой и тому подобные предметы.

– Мы на складе. Комната для живых существ должна быть... – Она прислушалась к пению пленников и указала беззвучно на дверь. Джелаар начал подбирать ключи.

– Подожди, – сказала Ларисса. Она подошла к двери и положила на нее свои руки, закрыв глаза. Вежливо она спросила дерево, пропустит ли оно ее.

Из последних жизненных сил дверь проскрипела:

– Нет.

– Дверь заколдована, – сказала она Джелаару.

Ларисса вновь закрыла глаза и стала двигаться по деревянному полу. Покачиваясь, она требовательно приложилась к дереву. Дверь начала светиться синим светом. Хорошее пение в соседней комнате стало слышнее. Ларисса отступила, кивнув головой Джелаару, который открыл дверь.

Ларисса ворвалась в помещение с криком:

– Уилен!

Она упала на колени на солому перед ним, обнимая его.

Он отвечал на объятия, насколько ему позволяли кандалы, шепча ее имя и отчаянно целуя ее. Их глаза были полны слезами, когда она отстранилась, взглянув на его наручники. Свое отчаяние она обратила во гнев против Лонда и Дюмона.

Она встала и начала танцевать. Кандалы начали светиться оранжевым светом. Блуждающий огонек чувствовал, что они становятся горячими, но как раз тогда, когда железные браслеты накалились до того, что их едва можно было терпеть, они раскрылись и упали на пол.

Джелаар тем временем открывал клетку псевдодракона и теперь освобождал Скришу. Ларисса обернулась к лисьему лоаху, и его кандалы также начали излучать оранжевый свет. Уилен быстро освободил Буштейла.

– А что происходит там наверху? – спросил блуждающий огонек Лариссу, которая занималась освобождением Буки. Заяц по-прежнему пел про суп из стручков. Буштейл поспешил к своему другу. Он зубами стащил с потолка конец петли, а Ларисса сняла ее с шеи животного. Буштейл как одержимый лизал лицо своего друга. Заяц поморгал, потом, сосредоточив глаза на лисе, изумленно сказал:

– Буштейл, смотри, я – свободен!

– Зомби и остатки экипажа Дюмона заняты сражением с полуящерицами, – ответила Ларисса Уилену. – Думаю, что сейчас на корабле крысы и другие мелкие животные заполняют пространство. – Она выпрямилась, посмотрев на Уилена: – Я пойду искать Лонда.

– Ларисса, он...

Она молча подняла руку на протест возлюбленного.

– Я должна. Пока он управляет зомби у нас нет шансов на успех. Теперь, когда вы свободны, – она обратилась ко всем

пленникам, – вы можете либо сражаться с нами вместе, либо покинуть поле боя.

Буштейл с горящими от ненависти глазами сказал:

– Что касается меня, то я буду бороться.

– Я тоже, – сказал Буки.

Все живые существа согласно закивали. Ворон уселся на плечо Джелаара как на насест, вызвав слезы на глазах мага.

– Скриша знает, как освободить Араднию, – сказал он взволнованно. – Я должен заняться ее...

– Конечно, – согласилась Ларисса. – Остальные – на палубу.

Вся компания объявилась в театре, к удивлению все еще певших артистов. Они замолчали, глядя на Лариссу, как на привидение.

– Ларисса! – воскликнула одна из хористок, глядя на зоомагазин, следовавший за ней...

– На объяснения нет времени. На корабль напали мои друзья. Они не причинят вам вреда. Прекратите пение и оставайтесь здесь. С вами все будет в порядке.

Ларисса и Уилен крепко обнялись и разошлись: Ларисса – в каюту Лонда, Уилен – на поле боя.

– Будь осторожна, – сказал Уилен, зная, как глупо это звучит.

– Да, и ты тоже, – отозвалась она. Он ласково поцеловал ее и вышел с пленниками на свободу. Она выждала немного, затем, держась в тени, заспешила по трапам наверх.

Каедрин огляделся, оценивая ситуацию. У зомби большей частью не хватало многих конечностей, но они сражались с полуящерицами. Часть трупов лежала на палубах. Теперь прибыли маленькие животные, на палубах были видны крысы, лисы, занимавшиеся упавшими зомби.

Каедрин с удовлетворением увидел, как сражается Длинноухий своими сильными задними лапами, лягая зомби.

– Не устал? – услышал он поддразнивающий голос. Радость и страх смешались в его сердце, когда он увидел Денири, взбирающуюся на борт. Она с любовью посмотрела на него: – Не могла не разделить веселья.

– Денири, это опасно...

– Если ты можешь, то и я могу. Думаешь, я позволю тебе погибнуть без моего участия? – Без лишних слов она обратилась в норку и впиалась в горло зомби.

– Каедрин, осторожно! – раздался голос Уилена, и бывший лесник вовремя поднял щит и взмахнул мечом. Абордажная сабля резко стукнулась о закругленный щит. Саблю держал зомби с глазами змеи. Каедрину удалось нанести удар, но другой зомби увидел уязвимое место у него и нанес удар, который пришелся на доспехи Каедрина. Тот на момент потерял дыхание.

Затем он увидел, как в другого зомби вцепилась большая

норка. Бешено работая зубами, она отгрызла зомби голову, которая упала за борт. Каедрин заметил, что зомби с глазами змеи обратил свой меч против норки. Коротким ударом он вонзил меч в животное.

Денири завизжала, умирая от меча Драгонеиса. Даже погибая, она наносила ущерб мечу полуэльфа. Ее кровь пролилась на палубу.

Пока Драгонеис вытаскивал свой меч, Каедрин разрубил его пополам. Далее лесной отшельник стал рубить направо и налево, не разбирая ни друзей ни врагов. Уилен начал пробиваться к вдавшему в отчаяние Каедрину, с мечом, взятым у полуящерицы.

– Каедрин! – закричал он, но почувствовал крупные мертвые руки на своем горле.

Зомби душил его. Внезапно хватка ослабела. Уилен обернулся, чтобы посмотреть, кто был его спасителем. Бринн, без головы, осуществил неудачную атаку на него, а избавителем был Сардан. Уилен сбросил труп Бринна в воду.

Забрызганный кровью Сардан с удивлением смотрел на него. Певец сказал:

– Движение мечом было из третьего акта, – пробормотал он, – где ты пропадал, Уилен?

– Я был в плену. – Ему пока было трудно говорить, он потирал шею. – А ты со мной или против?

Сардан сказал самым небрежным тоном:

– Я только что спас тебе жизнь, теперь не знаю, куда ее

употребить.

– В таком случае, в атаку на зомби! Глаза Сардана расширились. Уилен имел слишком мало времени:

– Да, они – мертвецы, Сардан. Существа из топей – живые, они – мои друзья. Пойдем!

Он повернул свой меч против еще одного из двигающихся трупов. Все еще скованный удивлением, Сардан взглянул на окровавленный меч и последовал за другом.

* * *

Лонд наблюдал битву с интересом постороннего хищника, наблюдающего, кто из животных упадет первым. Самая жестокая борьба разворачивалась на трех нижних палубах. Несколько глупых полуящериц, напавших на черного колдуна, находились под воздействием порошка. А отдельные из них спускались на нижние палубы сражаться с себе подобными на стороне зомби, которыми они стали.

Он был доволен операцией с рукой капитана. Возможно, таким образом он спас Дюмону жизнь.

Постепенно живые существа из топей оставались в меньшинстве, поскольку часть из них становилась зомби. Под своим капюшоном Лонд улыбался. На завтра или через день он будет вне Сурани, пробуя себя на новом месте.

У него кончился порошок. Он направился в каюту за новыми запасами и вдруг увидел проблеск белого у входа в

свою каюту.

Лонд поспешил на перехват, но она уже вошла в каюту.

Молодая танцовщица была поражена увиденным в каюте Лонда. Она потеряла насколько драгоценных секунд на преодоление тошноты, подступившей к горлу от вони в каюте. О чем говорил Уилен? Очень важным было содержание кричаще расписанных пузырьков. Некоторые из них содержали вещества для колдовства, другие – вещи пострашнее. Дева говорила, что он не только заставляет двигаться трупы, но он удерживает их души.

Ларисса взялась за первую коробку и начала сбрасывать содержимое на пол. Из сосудов полились жидкости и посыпались порошки. Она принялась за вторую коробку.

Его бормотание заклинаний послужило ей первым предупреждением о его присутствии. С развевающимися волосами она продолжала громить содержимое склянок. Тут она увидела третью коробку.

Внезапный ветер поднялся вокруг Лонда, выхватывая у него произносимые слова. Поднятый Лариссой магический ветер нашел оставшуюся коробку и поднял ее до потолка. Ларисса сделала движение рукой и коробка перевернулась. С громким боем из нее посыпались пузырьки.

Дальнейшее произошло в мгновение ока, но танцовщице это показалось с вечность. Неприятный звон битой посуды был разбавлен стонами многих голосов из склянок. Облачка света поднялись вверх к потолку каюты. Затем они слились

в одно облако и пошли на Лонда.

Колдун закричал и отступил. Ларисса воспользовалась моментом и бросилась к двери. Пробежав несколько ярдов, она натолкнулась на невидимую стену и упала на деревянный пол. Обернувшись, она увидела, что Лонд был неведим. Облако пойманных душ было неспособно повредить ему и пропало. Черное облачко надвигалось на нее.

– Ты лишила меня моих зомби, Белая Грива. Но они найдутся. Ты отведаешь смерть и знай, что ты обманула ожидания всех, кто на тебя рассчитывал. – Он поднял руки.

Ларисса пыталась подумать, но мысли ей изменяли. В отчаянии она запустила корень, надеясь на помощь.

Позади Лариссы послышалось рычание:

– Беги Ларисса! Оставь этого подонка на меня.

Лонду удалось увернуться от главного удара меча Дюмона, но тот попал ему по предплечью. Лонд закричал, оскорбленный тем, что капитан посмел напасть на него.

Дюмон начал свой волшебный свист, но Лонд протянул руку и сжал ее. Рука, приставленная капитану от зомби, стала разрывать ему грудную клетку и наконец вытащила сердце Дюмона. Оно еще билось и обливалось кровью. Дюмон закатил глаза и упал.

Ларисса взирала на все это с ужасом. Когда-то она любила Дюмона как отца, он и теперь, вопреки его предательству, был для нее небезразличен.

– Дядя, – прошептала она.

– Надоел! – сердито сказал Лонд. – Теперь очередь за тобой, Белая Грива.

Глаза Лариссы гневно блеснули. Теперь она была готова встретить опасность. Несколько секунд соединения с деревом дали ей идею. Она прижалась всем телом к полу, посылая сигнал всему живому. Ее сигнал доски пола передали деревянному грифону, украшавшему корабль.

Его глаза заблестели, крылья расправились, он сорвался со своего места. Как орел на добычу, он бросился на Лонда.

Колдун, однако, успел подготовиться. При полете грифона Лонд произнес заклинание, и грифон натолкнулся на невидимую стену, воздвигнутую стараниями Лонда. Столкнувшись с препятствиями, грифон обратился в груды щепок.

Ларисса испытала глубокое разочарование. Она потратила много энергии за прошедшую ночь, грифон забрал остатки. Лонд повернулся, чтобы встать лицом к ней. Ларисса собиралась с силами, чтобы встать. Она ожидала, что Лонд нанесет ей смертельный удар.

Но Лонд ничего не предпринимал. Он критически рассматривал ее и ничего не сделал, даже увидев, что она поднимается на ноги.

– Ты думала остановить меня деревянной подушкой. Магия плодов и цветов не дает ничего. Твои возможности ограничены собственными правилами. Если бы ты сама придумала новые правила, твоя мощь была бы безграничной.

Он ближе подступил к ней, она шагнула назад, держась за

поручень.

– Ты проявила немало таланта, – вкрадчиво говорил Лонд. – Недаром Дева рассчитывала на твою помощь. Но теперь ты убедилась, что магия плодов и цветов терпит провал. Настоящая мощь построена на крови и костях. И я могу тебя научить, Ларисса Снежная Грива. Я могу провести тебя этим путем.

Ларисса смотрела на своего врага, но в уме прикидывала, сколько времени займет у нее путь до рулевой рубки и на другой борт...

– Зачем растить зелень, легко ломающуюся рукой? Зачем поддерживать жизнь, когда смерть более предсказуема и управляема? Чем хуже мерцающие огоньки другого рода?

Он разорвал длинный рукав из черной ткани. В его руке появился нож, острый и длинный. Он коснулся кожи своей руки и надрезал ее. При свете луны Ларисса отчетливо видела его руку.

Она ничем не отличалась от обычной руки, но вся была иссечена. Кровавая магия покупалась, а не давалась, и он оплачивал ее своей кровью. Он снова и снова вскрывал свою плоть, иногда удаляя куски мяса.

Красная жидкость капала на палубу с шипением. Его руки потянули капюшон с лица. Под накидкой он носил одну только рубашку, и вся видимая плоть была иссечена рубцами. Самым ужасным было лицо. Больше всего дьявольский размен плоти коснулся щек. Сквозь них просвечивали кости

череп. Казалось, только глаза и были пощажены. Они блестяще холодно и злобно, спрятавшись в складках.

Лужа крови начала разливаться в сторону Лариссы.

Пора, подумала танцовщица. Она сделала прыжок в сторону рулевой рубки. Поднявшись по трапу, она оказалась на крыше. Она перебежала плоскую поверхность... но столкнулась с зомби, поднявшимся, чтобы поймать ее.

Это был Дюмон. Его глаза тупо смотрели на нее, а его трупная рука протянулась и схватила ее за лодыжку. Ларисса подавила крик, вывернулась от его хватки, направляясь к другому борту. Но там ее поджидал зомби-полуящерица.

Ларисса огляделась. Ее окружали. Пока она оглядывалась, показался Лонд. Он парил в воздухе, как бы поддерживаемый невидимой рукой. Он плавно опустился около Лариссы, которая вдруг избавилась от своих панических чувств.

Страх покинул ее. Она выпрямилась и хладнокровно посмотрела на Лонда.

– Мне знакомо твое прошлое, Алондрин-предатель, – произнесла она, глядя на приближающихся зомби. – Твои мертвецы не пугают меня. Я обедала с Господином Мертвецов, была желанным гостем в Доме Печали. На борту «Мадемуазель» я являюсь эмиссаром Антона Мисроя, которого ты хорошо знаешь, как мне кажется. Ты думаешь, что мощь и власть обретены мною без его помощи? – Она засмеялась, но без веселья в голосе.

Не без элегантности она поднялась на ноги:

– Мисрой научил меня Танцу Мертвецов. Позвольте я покажу.

Ларисса выхватила плеть, которую ей Дал Мисрой, и ударила себя по левой руке. Стало больно, и появилась кровь, но она не обращала на это внимания.

Плеть удлинялась, превращаясь в змею, которую Ларисса знала по толям. Змея не пугала ее теперь. Она поборола этот страх и действовала решительно. Она была Белой Гривой, танцовщицей. Ее отступление навлекло бы поражение.

Абсолютно без содрогания она посадила змею себе на плечи. Змея быстро обвила ее, но Ларисса от этого почувствовала только еще большую уверенность.

Змея задрапировала ее как шаль, и Ларисса начала танцевать. Не испытывая никаких сомнений, она отбросила все, чему ее учила Дева, и пустилась в ужасающий Танец Мертвых.

Глава XXIV

Внимание Уилена на короткое время было отвлечено возрождением грифона, он не мог наблюдать дальнейший ход событий, потому что он сражался с зомби Елузой, которая стала первым зомби из животных.

Она размахивала мечом, который, казалось, был тяжелее ее самой. У Елузы перед ним было преимущество: она могла сражаться без конца, в то время как блуждающий огонек начал уставать.

На мгновение сова прекратила сопротивление и была обезглавлена, к удивлению самого Уилена. Он оглянулся во круг:

все зомби прекратили бой. Как один они стали подниматься на самый верх корабля.

К нему подбежал Сардан. Мрачное выражение его лица сильно отличалось от обычного беспечного. Уилен успел подумать, что тенор может навсегда остаться угрюмым.

– Что случилось? – задыхаясь и вытирая пот сказал он.

– Не знаю, – ответил Уилен, – мне это не нравится. Почему Лонд вдруг отозвал всех зомби из боя?... Ларисса!...

Сардан побледнел:

– Она здесь? Ты позволил ей воевать? Она не знает...

– Сардан, она руководит нами. Она там наверху, пойдём.

Уилен поднимался по трапу со скоростью, которой он не

подозревал в своем человеческом обличье. Им двигал ужасный страх: как ни сильна Ларисса, одной ей не справиться с армией зомби Лонда. Блуждающий огонек не знал, как он может помочь ей – его магия в основном была защитной, но он знал, что надо попытаться помочь.

С перехваченным дыханием он добрался до крыши. Сардан следовал за ним. Блуждающий огонек был позади толпы зомби, и ему не было видно, что происходит.

Он уловил голос Лариссы: «Мисрой научил меня Танцу Мертвецов. Позвольте я покажу».

Ужас овладел Уиленом при этих словах, временно лишив его силы. Он зашатался от переполнившей его информации. Сардан появился позади него и положил свою руку на его плечо. Уилен соразмерил силы и, сказав «Прости меня», ударил Сардана в челюсть. Сардан упал скорее от удивления, чем от силы удара:

– Что...

Вопрос Сардана остался без ответа, Уилен нанес ему второй удар. Глаза Сардана закатились, он лежал без движения.

Теперь Уилен знал, что Сардан вне опасности. Он раздумывал над тем, есть ли у него время остановить Лариссу. Но ноги против его воли потянули его туда, где Ларисса начала свой адский танец.

Он двигался мимо замерших зомби. Внезапно Ларисса попала в поле его зрения.

У него перехватило дыхание. Он думал, что схватит ее

слепою, заставив прекратить танец, который разрушит и ее, и любого человека, увидевшего этот танец. Но он увидел ее. Теперь он был неспособен оторваться от нее.

Он был пойман, и смертельный холод начал сковывать его. Уилен мог сопротивляться смертельной магии Лонда, но он был обитателем Сурани в большей степени, чем людское существо. Блуждающий огонек не мог не поддаться магии хозяина страны, магии, которой Мисрой обучил танцовщицу. Его руки потеряли чувствительность, бесчувственность овладела его ногами. Он чувствовал, что теряет контроль над своими ощущениями.

Последнее, что его покинуло, был разум. Он думал о Лариссе, слезы навернулись ему на глаза: ему было жалко всего несвершившегося.

Последней сознательной мыслью было: как красива Ларисса, когда она танцует.

* * *

Ларисса знала, что ей теперь нечего опасаться со стороны Лонда. Теперь она танцевала со смертью, и магия Лонда была ничтожной песенкой в дикой музыке, которую она слышала внутри себя. Ларисса совершала прыжки, и повсюду за ней следовала змея.

Постепенно она почувствовала, как ею овладевает холод. Это был холод смерти, более того, она начала ощущать, что

холод проникает извне. Она испытывала страх, как тогда в Доме Печали. Как она обнаружила, для живого, дышащего существа исполнение Танца Мертвых связано с риском превращения в зомби, даже если этот танец разрешен Господином страны.

Танец становился все более диким, Ларисса вспотела, несмотря на холод внутри. Она не знала теперь, кто она. Она окончательно взмахнула руками и скомандовала зомби:

– Остановите Лонда!

Несколько мгновений ничего не произошло. Она опустилась на колени, тяжело дыша. Отбросив белые волосы, она осмотрелась и зафиксировала поражение. Зомби стояли, застыв в разных положениях.

Лонду было известно, чего может Ларисса добиться. Ему оставалось только заслонить свои глаза от нее, пока она не закончила. Теперь он опустил руки, впервые посмотрев на Лариссу. Затем на замершие трупы. Шокированный, но довольный он засмеялся:

– Какое прекрасное представление! – закричал он. – Ты остановила моих зомби, но не способна управлять ими. Теперь ты их можешь не бояться, но меня тебе следует опасаться.

Лонд начал произносить заклинания, и вода в топях закипела. У Лариссы перехватило дыхание, она встала, глядя, как на поверхности воды стали появляться фигуры. Ларисса истерически засмеялась.

Отдельные фигуры были узнаваемы, другие – просто скелеты. Вода и время поработали над ними. Река изрыгала со своего дна мертвых мужчин, женщин, детей, животных. Как оказалось, их целью было уничтожение врагов Лариссы. Она призвала зомби остановить Лонда, но они стремились его уничтожить. Зомби Лариссы поднимались на палубу и начинали уничтожать лежавших замерзших зомби.

Зрелище этой битвы между мертвыми было ужасающим. Они разрывали друг друга на кусочки. Лонд сопротивлялся, но силы зомби Лариссы были превосходящими. Несколько ее зомби окружило Лонда, и скоро он пропал.

Вода отхлынула, и появилось новое чудовище – гигантский змей. В горле у Лариссы пересохло. Она видела этого змея в одном из кошмаров в первые дни после прибытия в Сурань. Тогда он говорил голосом Уилена. Глаза змея уставились на Лариссу.

Змей заговорил на этот раз голосом Мисроя:

– Ты хорошо справляешься с делами.

В конце концов, ты выжила. На меня это производит впечатление. Спасибо тебе за новых зомби. – Со странной грацией змей приблизился к уху танцовщицы. – За всех зомби, за исключением одного. Поскольку ты любишь Уилена, я его не принимаю и отдаю тебе. Сердце Лариссы упало:

– Нет, только не Уилен!

Зомби, который был Уиленом, деревянным шагом прошелся, отделившись от остальной толпы. Ларисса смотрела

с нескрываемым ужасом.

Уилен посмотрел на нее бесстрастно. Его глаза ничего не выражали, в них не было следов бывшего смеха. Он был застывшим и холодным. Ларисса прикоснулась к его щеке. Она была холодна. Она отдернула руку и сжала кулак.

Полная решимости, она заговорила:

– Антон, я сражалась с твоими врагами, помешала Лонду бежать, научилась твоему танцу, отдав тебе должное как учителю. Я прошу одного: возроди Уилена.

Змей затряс головой:

– Моя бедная танцовщица, – голос был полон притворного раскаяния. – Разве ты сама не понимаешь? Я был прав. Мы родственны духом. Ты такая же, как и я. Если бы это было делом рук Лонда, я, пожалуй, смог бы восстановить жизнь Уилена. Но Танец Мертвых сильнее трюков Лонда. Я не могу оспаривать собственное колдовство.

Ларисса задохнулась от нового ужаса, потрясенная правдой. Она сама нанесла удар Уилену, а не Лонд, даже не Мисрой. Теперь, когда было слишком поздно, она вспомнила вопрос Девы, всю ли опасность Танца она осознает.

– Я думала, что речь идет обо мне, – прошептала Ларисса. Невиданное бешенство овладело ею. Она схватила плеть и бросила ее в воду, закричав Мисрою: – Почему ты мне не сказал этого?

Зомби-змея раскрыла свою пасть и издала клокочущий смех:

– Моя хорошенькая танцовщица, какое мне дело до этого? Ты прибегла к помощи магии в конце концов, поскольку это был единственный путь остановить Алондрину.

Неожиданно плеть снова оказалась в руке танцовщицы, кричавшей так, что ее слышали актеры, дрожавшие от страха в театре.

* * *

Первые предрассветные лучи прорвались через туман и мягко легли на танцовщицу. Она получила передышку от ужасов, проплакав до потери сознания. Но отсрочка кончилась. Наступал день, жаркий и влажный, обещавший боль.

Она почувствовала, что кто-то поправляет на ней одеяло.

Посмотрев, она увидела, что это Сардан. Он быстро от-вернулся:

– Я рад, что ты в порядке, Ларисса.

– Я рада, что с тобой все в порядке, – отозвалась она голосом, скрипучим от рыданий.

Она постепенно встала. Сардан поддержал ее сильными руками. По пути к рулевой рубке она мельком увидела Уилена, и ее колени задрожали.

Она сердито сказала:

– Я стала слаба как котенок. Тут она впервые увидела раны на лице Сардана. Она ласково прикоснулась к его лицу. Но даже ее нежных пальцев было достаточно, чтобы он за-

стонал.

– Что с тобой случилось? – спросила она.

– Это сделал Уил. Он сбил меня с ног... так что я не мог видеть тебя.

Ларисса еле сдержала слезы:

– Он всегда думал сначала о других. – Ее слезы кончились. – А что случилось с телами? – спросила она Сардана, помогавшего ей сойти с крыши.

Отвечая, он не глядел ей в глаза:

– Они ушли... Ларисса. Я не совсем понял... Они все последовали за змеей. Пропали в реке. Включая моего бедного дублера, который имел несчастье рассердить Дюмона. – После паузы он добавил: – Все, кроме Уила.

Ларисса с удивлением прислушалась к своим собственным словам:

– По крайней мере, не наша забота убирать их.

Слова были чужими. Они звучали жестко, но это была правда. Она не могла оплакивать погибших. Пока. Ей одной были понятны масштабы случившегося. Ларисса понимала, что ей надлежит быть сильной ради оставшихся в живых. Хотя она предпочла бы умереть вместе с возлюбленным.

Она созвала всех на встречу в театре. Когда она вошла, все еще завернутая в одеяло и неся чашку кипящего чая, все встали. Отдельные артисты начали аплодировать, к ним присоединились другие, так что Ларисса получила самую сердечную овацию в своей жизни. Она неумелыми жестами уса-

дила всех, когда поднялась на сцену. Сардан принес ей кресло, в которое она с благодарностью опустилась, улыбнувшись ему.

Джахедрин первым задал вопрос, который у всех был на уме:

– Мисс Снежная Грива, теперь вы будете нашим капитаном?

– Джахедрин, – посмотрела она на него, – я не знаю элементарнейших вещей, нужных капитану.

– Вы больше других подходите к этой роли. Все готовы идти за вами, а вы подучитесь.

Удивленная Ларисса глядела на лица, смотревшие на нее с ожиданием. Оставшиеся в живых члены команды и труппа согласно кивали головами. Ларисса приняла предложение. Экипаж должен верить ей. Она рассказала о всех секретах Дюмона: охранном колдовстве, пленниках, убийстве Лизы. Она ожидала, что ее прервут, но все слушали внимательно. Ее авторитет был непререкаем.

– Я люблю этот корабль, – призналась она. – Я хотела бы продолжить деятельность плавучего театра. Бывшие пленники будут почетными гостями. Все, кто хочет уйти, могут это сделать. Те же, кто хочет остаться и внести свой вклад магии на «Мадему...», – она сделала паузу, – на «Речной балерине», будут приняты на работу.

– Может ли мадемуазель доставить меня в Ришемюло? – спросил Буштейл неуверенно. – Я полагаю, это трудно.

– Я не знаю, когда мы там будем, но мы наверняка там будем и доставим тебя туда.

– До тех пор, – поклонился Буштейл, – я ваш покорный слуга.

Псевдодракон ходил мелкими шагами. Он решил принять Лариссу в число своих друзей. Цветная кошка, как всегда, не высказывала своего настроения, но в целом никто не собирался покидать «Речную балерину».

Через несколько часов Ларисса принялась за неотложные дела. Она прошла в каюту Дюмона и тотчас же увидела белый шарф. Она обмотала его вокруг шеи и вышла на палубу.

Вглядываясь в темные воды, она позвала:

– Быстроплавающая.

Немедленно на поверхности воды показалась рябь, и появилась прекрасная женщина.

– Ты не забыла! – Она торжествующе подняла руки.

– Да. У меня к тебе последняя просьба, – она указала на ялик, привязанный к судну. – Скоро я отцеплю его. Посмотри, пожалуйста, чтобы он не уткнулся в какое-нибудь препятствие.

– Не вечно же мне исполнять твои просьбы, – ответила nereida недовольно. – Как далеко мне его вести?

Комок встал в горле Лариссы:

– Ты почувствуешь это. Заранее благодарю. – Она отдала шаль, в которую nereida завернулась со слезами на глазах.

Ларисса поднялась на крышу и позвала:

– Уилен.

Зомби медленно поднялся и стоял, ожидая приказа.

– Спустись на главную палубу. Она следила за его одеревенелыми движениями, сравнивая их с изяществом человека, которого она любила. Ее сердце зашлось от боли. Но она знала, что она на правильном пути. То, что осталось от Уилена, стояло перед ней.

– Спустись в ялик и сядь там. Зомби повиновался. Ларисса обрезала канат. Она с болью наблюдала, как он удаляется.

– Мадемуазель?

Ларисса вытерла слезы и улыбнулась Буштейлу, который подкрался незамеченным.

– Тяжело терять друга. Примите мои соболезнования.

Ларисса, помня о странной дружбе его с зайцем, спросила:

– Ты скучаешь по Буки?

– Да. Расставаясь, я сделал ему подарок: две недели мой народ не будет трогать его народ.

– Твой народ принял на себя большую жертву.

– Не забывай, что лис в Сурани мало, кроме того, есть цыплята, – оскалился лис, показывая острые зубы.

Неожиданно, к собственному удивлению, Ларисса рассмеялась. Она почувствовала, как после долгого сражения в ее душе снова взошло солнце. Непроизвольно ее руки потянулись к лису. Животное вздрогнуло, но затем лизнуло Лариссу в щеку. Ларисса встала и начала танцевать.

Она переместилась по палубе на корму, остановилась у гребного колеса и впервые взглянула вдогонку Уилену. Тот сидел неподвижно в ялике.

– Ты не был создан для этого, любовь моя, – сказала она ласково. – Ты был существом света. Не следовало тебя связывать с земными делами. Это твое существование чудовищно. – Она закрыла глаза и подняла руки: – Будь светом опять!

Тело Уилена взорвалось, превратившись в огненный столб. Быстроплавающая, верная своему слову, продолжала тянуть ялик, и Ларисса знала, что она будет тянуть до тех пор, пока сгорит тело Уилена.

Молодой капитан «Речной балерины» наблюдала за искрами, ожидая увидеть особо красивую... но не увидела.

Смерти было достаточно. Настало время исцеления. Ларисса вновь начала танцевать. Она почувствовала, что блуждающие огоньки все еще пленники корабля, и грациозным движением освободила их.

Они приблизились к своему пропавшему товарищу. Внезапно Ларисса почувствовала, что они произносят его имя.

– Простите меня, – прошептала она, зная, что они простили. – Я тоже любила его.

Чтобы помешать очередному приступу слез, она сосредоточилась на деревянной палубе под собой. Запустив корни, она искала «раны» корабля.

Те, которые были свидетелями ее прощания с Уиленом, удивлялись, что корабль стал сам наводить порядок. Все де-

ревянные части обновились, включая гребное колесо и грифона, который сел на свое место. Власть Лариссы не распространялась на железо. Но корабль стал надежным для плаванья в туманах.

Впереди поджидали новые опасности, но Ларисса была спокойна. Она находила успокоение в танце.

Сардан, покоренный видением, наблюдал за ней. Подошел рулевой Джахедрин:

– Я-то думал, что это обыкновенная девушка, – сказал рулевой тихо.

– Да, – восторженно отозвался Сардан. – Она просто девушка, она же танцовщица, она же волшебница, она же женщина с большей волей, чем у кого-нибудь на корабле. И, знаешь, кто она еще?

Джахедрин тряхнул головой, а Сардан сказал:

– Она – наш капитан.